

LOCI IMPERIALES

Природа вокруг дворца

Loci Imperiales. 2025. № 4.

Природа вокруг дворца

Nature around the palace

ПЕТЕРГОФ

Государственный музей-заповедник

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей-заповедник «Петергоф» (ГМЗ «Петергоф»)

Адрес учредителя и редакции:

198516, Россия, Санкт-Петербург, Петергоф, ул. Разводная, д. 2

Телефон:

+ 7 (812) 450-74-25

Электронная почта:

journal@peterhofmuseum.com

Официальный сайт:

peterhofmuseum.ru/spec/li

Периодичность:

ежеквартально (4 раза в год)

Языки публикации:

русский и английский

Распространяется бесплатно

В своей редакционной политике ГМЗ «Петергоф» и редакция журнала придерживаются признанных стандартов издательской этики.

Научный журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2, Ст. 1 Федерального закона Российской Федерации № 436-ФЗ от 29.12.2010.

Точка зрения ГМЗ «Петергоф» может не совпадать с мнением авторов статей.

Авторы несут ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования, перевод текстов, точность приведенных фактов, цитат и собственных имен.

ISSN 3034-6673

Подробная информация:

Концепция

LOCИ IMPERIALES – рецензируемый научный журнал Государственного музея-заповедника «Петергоф», посвященный вопросам изучения пространств власти в различных макро- и микроконтекстах с позиций междисциплинарного подхода. На протяжении веков эти локусы создавались в определенных культурно-исторических условиях, формируя вокруг себя особую политическую, материальную, художественную, духовную и интеллектуальную культуру. Находясь в темпоральной динамике, они время от времени претерпевают трансформации и переходы, в серии которых особый интерес представляют процессы музеефикации как способа сохранения, примирения, синтеза прошлого и настоящего. Журнал – универсальная платформа для диалога широкого круга специалистов – позволит придать новый импульс для развития научных проектов по истории, культурологии, искусствоведению и музейному делу.

Рубрики**МЕСТО / Locus**

Принципы организации пространств власти, специфика их формирования, анализ сопутствующих практик и церемоний.

ОПТИКА / Optica

Анализ визуальной культуры и восприятия, их специфики в контексте исторических тенденций, различных форм визуального опыта, сценариев демонстрации и рецепции пространств.

ПРЕДМЕТ / Res

История и атрибуция музейных предметов и культурных ценностей, проблемы научной реставрации и сохранения исторического наследия.

НАРРАТИВ / Verbum

Осмысление источников, дискурсивной репрезентации пространства, смысловых палимпсестов, музейного и кураторского прочтения.

ИСТОЧНИК / Fons

Публикация исторических источников, сопровождаемых археографическим введением и комментариями.

Редакционная политика журнала предполагает публикацию текстов, выходящих за рамки обозначенных направлений и охватывающих широкий круг научных вопросов.

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ковриков Р. В.

к. культ., Государственный
музей-заповедник «Петергоф»

Заместитель главного редактора:

Белоусов А. С.

к. и. н., Государственный
музей-заповедник «Петергоф»

Ответственный секретарь:

Никифорова Н. В.

к. культ., Государственный
музей-заповедник «Петергоф»

Ананьев В. Г.

д. культ., Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена

Анисимов Е. В.

д. и. н., Государственный
музей-заповедник «Петергоф»

Бокова В. М.

д. и. н., Государственный исторический
музей

Бондарев С. В.

к. и. н., Государственный
музей-заповедник «Петергоф»

Буттлар А. фон

д. иск., профессор-эмерит
(Федеративная Республика Германия)

Головнев А. В.

д. и. н., Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого Российской академии
наук, академик Российской академии наук

Ляшко А. В.

к. культ., Государственный
музей-заповедник «Петергоф»

Маркина Л. А.

д. иск., Государственная Третьяковская
галерея

Меликова Ш.

к. иск., Азербайджанский национальный
музей искусств (Азербайджан)

Мироненко С. В.

д. и. н., Государственный архив
Российской Федерации

Никифорова Л. В.

д. культ., Академия русского балета
им. А. Я. Вагановой

Петров П. В.

д. и. н., Государственный
музей-заповедник «Петергоф»

Сапанжа О. С.

д. культ., Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена

Сиповская Н. В.

д. иск., Государственный институт
искусствознания

Сиренов А. В.

д. и. н., Санкт-Петербургский институт
истории Российской академии наук,
член-корреспондент Российской академии
наук

Ходаковский Е. В.

д. иск., Санкт-Петербургский
государственный университет

Чечот И. Д.

к. иск., Российский институт истории
искусств

Founded by:
The Peterhof State Museum Reserve

Address of the founding organization and editorial office:

2, Razvodnaya st., Peterhof,
St. Petersburg, 198516, Russia

Telephone:
+ 7 (812) 450-74-25

Email:
journal@peterhofmuseum.com

Official Website:
en.peterhofmuseum.ru/spec/li

Frequency:
quarterly (4 times a year)

Submissions are open for papers
in Russian and English

Not for Sale

In its editorial policy, the Peterhof State Museum Reserve and the editorial board of the journal adhere to recognized standards of publishing ethics.

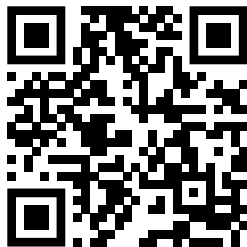
The journal is not subject to labeling in accordance with paragraph 2. Art. 1 of the Federal Law of the Russian Federation № 436-ФЗ from 29.12.2010.

The viewpoint of the Peterhof State Museum Reserve does not necessarily coincide with the views of the authors of articles.

The authors are responsible for the novelty and reliability of the results of the research, translation of texts, accuracy of described facts, quotations and proper names given.

ISSN 3034-6673

For additional information:

Aims and Scope

LOCI IMPERIALES is a peer-reviewed academic journal of the Peterhof State Museum Reserve dedicated to the study of the places of power in various contexts from an interdisciplinary perspective. Over the centuries, these places have been shaped by specific historical conditions, forming a unique political, material, aesthetic and intellectual culture around them. Being in temporal dynamics, they occasionally undergo changes and reinterpretations, with museumfication being the most comprehensive approach, as it involves preserving, reconciling and integrating the past and the present. The journal serves as a universal platform for dialogue among a wide range of specialists and it aims to provide new impetus for the development of scholarly projects in history, cultural studies, art history and museum studies.

Rubrics

PLACE / Locus

Deals with the principles of organizing places of power, the specifics of their formation, the analysis of accompanying practices, scenarios and ceremonies.

OPTICS / Optica

Includes an analysis of visual culture and perception, focusing on their specificity within historical trends, various forms of visual experience, scenarios of demonstration and reception of spaces.

THING / Res

Texts under this rubric examine the history and attribution of museum objects and cultural property, problems of scientific restoration and preservation of historical heritage.

NARRATIVE / Verbum

Offers the study of and reflection on archival sources, discursive representations of space, semantic palimpsests, museum and curatorial reading of places and spaces.

SOURCE / Fons

Publication of original historical sources, accompanied by an archaeographic introduction and commentary.

The editorial policy of the journal assumes the publication of texts that go beyond the designated areas and cover a wide range of research problems.

Editorial Board

Editor-in-Chief:
Kovrikov R.

PhD in Cultural Studies,
the Peterhof State Museum Reserve

Deputy Chief Editor:
Belousov A.

PhD in History,
the Peterhof State Museum Reserve

Executive Secretary:
Nikiforova N.

PhD in Cultural Studies,
the Peterhof State Museum Reserve

Ananiev V.

Doctor of Sciences in Cultural Studies,
the Herzen State Pedagogical University
of Russia

Anisimov E.

Doctor of Sciences in History,
the Peterhof State Museum Reserve

Bokova V.

Doctor of Sciences in History,
the State Historical Museum

Bondarev S.

PhD in History,
the Peterhof State Museum Reserve

Buttlar A. v.

PhD in Art History, Professor emeritus
(Federal Republic of Germany)

Chechot I.

PhD in Art History,
the Russian Art History Institute

Golovnev A.

Doctor of Sciences in History,
the Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (the Kunstkamera),
member of the Russian Academy of Sciences

Khodakovsky E.

Doctor of Sciences in Art History,
the Saint-Petersburg State University

Lyashko A.

PhD in Cultural Studies,
the Peterhof State Museum Reserve

Markina L.

Doctor of Sciences in Art History,
the State Tretyakov Gallery

Melikova Sh.

PhD in Art History, the Azerbaijan National
Museum of Art (Azerbaijan)

Mironenko S.

Doctor of Sciences in History,
the State Archive of the Russian Federation

Nikiforova L.

Doctor of Sciences in Cultural Studies,
the Vaganova Academy of Russian Ballet

Petrov P.

Doctor of Sciences in History,
the Peterhof State Museum Reserve

Sapanzha O.

Doctor of Sciences in Cultural Studies,
the Herzen State Pedagogical University

Sipovskaya N.

Doctor of Sciences in Art History,
the State Institute for Art Studies

Sirenov A.

Doctor of Sciences in History,
the Saint-Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences,
corresponding member of the Russian
Academy of Sciences

Ковриков
Роман Валериевич

10 Слово
главного редактора

МЕСТО / Locus

Бахматова
Ксения Арнольдовна,
Пешукова
Анастасия Анатольевна

16 Почвы и ландшафты парка
Сергиевка

Байрамова
Варвара Федоровна,
Чебракова
Мария Юрьевна

36 Сад Сильвия в Гатчине как часть
нереализованного замысла

Гаркуша
Ольга Михайловна

48 «Безжалостное искажение здания»:
облик и бытование Большой
оранжереи Петергофа

ОПТИКА / Optica

Надпорожская
Марина Алексеевна,
Стадник
Екатерина Петровна

82 Историческое здание vs современность
(на примере фермы в парке Сергиевка)

Плотникова
Ольга Владимировна

102 Берлинские лебеди петергофской
Александрии

Проворова
Ирина Николаевна

116 Дворцовые и усадебные сады и парки
как места обитания энтомофауны.
Факторы риска для сохранности
музейных объектов и коллекций

ПРЕДМЕТ / Res

Венгер
Ольга Владимировна

**138 Детская фермочка в Александрии.
История бытования**

Дорофеева
Дарья Михайловна

**156 Исторический ассортимент
многолетних цветочных культур
конца XVIII – XIX века в оформлении
Дворцового парка ГМЗ «Гатчина»**

Суслов
Дмитрий Владимирович

**168 Что сажать в исторических парках
Петербурга в условиях потепления
климата взамен гибнущих местных
деревьев?**

НАРРАТИВ / Verbum

Сидорова
Марина Викторовна

**190 Два трактата о коневодстве
из библиотеки императора
Александра II**

Kovrikov
Roman Valerievich

10 A word from the Editor

PLACE / Locus

Bakhmatova
Kseniya Arnoldovna,
Sheshukova Anastasiya
Anatolievna

16 Soils and landscapes of Sergievka park

Bairamova
Varvara Fedorovna,
Chebrakova
Maria Yurievna

**36 Garden Sylvia in Gatchina
as part of an unrealized plan**

Garkusha
Olga Mikhailovna

**48 “Merciless distortion of the building”:
appearance and existence of the Great
Orangerie in Peterhof**

OPTICS / Optica

Nadporozhskaya
Marina Alekseevna,
Stadnik
Ekaterina Petrovna

**82 Historical building versus modern day:
the example of a farm in the Sergievka
park**

Plotnikova
Olga Vladimirovna

102 Berlin swans of Alexandria in Peterhof

Provorova
Irina Nikolaevna

**116 Palace and manor gardens and parks
as habitats for entomofauna. Risk
factors for the safety of museum
objects and collections**

THING / Res

Venger
Ol'ga Vladimirovna	138	Children's farm in Alexandria. History of existence
Dorofeeva
Darya Mikhailovna	156	Historical assortment of perennial flower crops from the end of the 18th – 19th century in the design of the Gatchina State Museum of Fine Arts Palace Park
Suslov
Dmitry Vladimirovich	168	What should be planted in St. Petersburg's historical parks under climate warming instead of dying local trees?

NARRATIVE / Verbum

Sidorova
Marina Viktorovna	190	Two tractates on horse breeding from the library of emperor Alexander II

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

**Ковриков
Роман
Валериевич**

Специальная тема нового выпуска – природа в контексте бытования дворцовых комплексов, рассматриваемых как сложные природно-антропогенные объекты. Природная среда, включающая почвы, водные ресурсы, растительный и животный мир, формирует фундамент дворцово-парковых ансамблей и во многом определяет условия их существования. Исторические сады и парки – уникальные синтетические объекты искусства, живущие в соответствии с естественными природными ритмами, требующие сложного обслуживания и научного сопровождения. Природные компоненты, принимавшие в культуре различные формы, играли важнейшую роль в хозяйственном обеспечении исторических резиденций, а также обладали репрезентативными и просветительскими функциями. Содержание обширного дворцового садоводства, птичников, зверинцев, ферм составляло значительную долю бюджета и являлось предметом постоянных забот не только дворцовых служителей, но порой и самих августейших владельцев.

Исследование природного мира придворной культуры предполагает объединение различных дисциплин. Совмещение перспектив гуманитарных и естественно-научных направлений – истории, культурологии, искусствоведения, экологической истории, энвайронментальной гуманитаристики, наук о земле, сельскохозяйственных наук, биологии – позволяет рассматривать вопросы, связанные с сохранением аутентичности комплексного культурного наследия.

Целая серия статей, представленных в новом выпуске журнала, обращается к проблемам антропогенной трансформации природных ландшафтов, а также природных изменений, которым подвергаются здания и музейные предметы. К. А. Бахматова и А. А. Шешукова исследовали историю формирования современного ландшафта парка Сергиевка, фокусируясь на специфике изменения почв. Вопросами изучения и сохранения фермы в том же в парке Сергиевка занимались М. А. Надпорожская и Е. П. Стадник. Предположительно, ферма – одно из самых

старых исторических зданий в Петродворцовом районе. Авторы анализируют, как возможно сохранить уникальное сооружение и восстановить грунтовое покрытие двора. Энтомофауну как фактор, влияющий на сохранность зданий и музейных предметов, исследует И. Н. Проворова на основе обширного материала, полученного в ходе работы в историческом дворцово-парковом ансамбле «Кусково». К проблемам сохранности и трансформаций природного мира музейного комплекса примыкает тема аутентичности природных объектов. Этому посвящено исследование Д. М. Дорофеевой, обратившейся к вопросу выявления исторического ассортимента цветочных культур в дворцовом парке Гатчины. Полученные результаты помогут при создании плана сохранения и реконструкции гатчинских цветников. Д. В. Суслов задается вопросом о том, как потепление климата в Петербурге влияет на древесные растения и какие перспективные породы деревьев подходят в новых климатических условиях для замены привычных видов, гибнущих в исторических парках города. Возможности цифровой реконструкции как способа воссоздания исторических пространств, включающих архитектурные и природные объекты, демонстрирует статья В. Ф. Байрамовой и М. Ю. Чебраковой. Предлагаемый ими проект, основанный на архивных документах, позволяет определить место архитектурно-ландшафтного комплекса сада Сильвия в пространственной структуре парка Гатчины на стадии замысла и может быть принят во внимание при составлении программы дальнейшего развития территории.

В данном выпуске также представлен широкий спектр историко-культурных исследований, посвященных различным граням бытования, хозяйственного обслуживания и репрезентации природы – флоры и фауны – в придворной среде. Так, О. В. Плотникова рассматривает историю появления на Собственной даче Ее Величества Александрия в Петергофе лебедей и значение этих птиц в создании образа этой императорской усадьбы в XIX – начале XX в. История бытования располагавшейся здесь же детской фермочки, досугового пространства для царских детей, реконструирует О. В. Венгер. В статье М. В. Сидоровой анализируются содержащие исторические размышления и практические соображения о лошадях рукописи, преподнесенные российским императорам и хранящиеся ныне в фонде рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца в Государственном архиве Российской Федерации. Наконец, история старейшей сохранившейся оранжереи в России – Большой оранжереи в Нижнем парке Петергофа – трактуется О. М. Гаркушей как процесс изменения функций здания, обусловивший эволюцию его архитектурного облика.

Разноплановость методик, исследовательских вопросов и научных дисциплин, изучающих природный мир дворцового комплекса и дворца-музея, проблематизирует комплексное понятие культурного наследия и возможных форматов работы с ним с точки зрения восстановления, трансформации и культурного прочтения памятника.

A WORD FROM THE EDITOR

**Kovrikov
Roman
Valerievich**

The special theme of this issue is nature in the context of history of palaces viewed as complex natural and anthropogenic objects. Components of the natural environment, including soil, water resources, flora and fauna, form the foundation and largely determine the conditions of existence of palace and park ensembles throughout their history. Historical gardens and parks are unique synthetic objects of art that exist within natural rhythms and require elaborate maintenance and scientific support. Various forms that natural objects took in culture played a crucial role in the household system of historical residences, and at the same time had representative and enlightening functions. The maintenance of extensive palace gardens, aviaries, menageries, and farms accounted for a significant portion of the budget and was a constant concern not only for palace servants, but sometimes for the palace owners themselves.

The study of the natural world of court culture requires the integration of various disciplines. The combination of perspectives from the humanities and natural sciences – history, cultural studies, art history, environmental history and environmental humanities, earth sciences, agricultural sciences, biology – allows us to consider issues related to preserving the authenticity of complex cultural heritage.

A series of articles addresses the problem of anthropogenic transformation of natural landscapes, natural changes to which buildings and museum objects are subjected. K. Bakhmatova and A. Sheshukova researched the his-

tory of the formation of the modern landscape of Sergievka Park, focusing on the specifics of soil changes. M. Nadporozhskaya and E. Stadnik studied the preservation of a farm in Sergievka Park. The farm is believed to be one of the oldest historical buildings in the Petrodvorets district. The authors analyze how this unique building can be protected and the courtyard's soil cover restored. I. Provorova studies entomofauna as a factor affecting the preservation of buildings and museum objects, analyzing extensive material obtained during her work in the historical ensemble of Kuskovo.

The issue of authenticity of natural objects is closely related to the problems of preservation and transformation of the natural world of the museum complex. This is the subject of a study by D. Dorofeeva, who worked on identifying the historical assortment of flower cultures in the Palace Park of the Gatchina State Museum Reserve. This study will enable specialists to draw conclusions about the historical floral design. This information might form the basis for the reconstruction of the flower beds. D. Suslov investigates the impact climate warming in St. Petersburg has on woody plants, as well as which contemporary tree species are suitable for replacing those that are dying in the city's historic parks under the new climatic conditions. Another way to recreate historical spaces, including architectural and natural objects, is through digital reconstruction. An article by V. Bairamova and M. Chebrakova is devoted to such a project, showing the possibilities of computer reconstruction of the park environment of the architectural and landscape complex of the Sylvia Garden in Gatchina at the end of the eighteenth century. The proposed project, based on archival documents, allows us to determine Sylvia's place in the spatial structure of the park. The results of the research can be taken into account when drawing up a program for the further development of the territory.

This issue also presents a wide range of historical and cultural studies devoted to various aspects of everyday life, household services, and the representation of nature in the court environment. For example, O. Plotnikova looked at the history of the appearance of swans at Her Majesty Alexandria's Private Dacha in Peterhof and the significance of these birds in the image of the imperial estate in the nineteenth and early twentieth centuries. O. Venger reconstructs the history of the children's farm, a leisure space for the emperor's children, located here. M. Sidorova's article analyzes manuscripts dedicated to horses and presented to Russian emperors, kept at the collection of the manuscript department of the Winter Palace library in the State Archives of the Russian Federation. O. Garkusha examined the history and the changing functions of the Great Greenhouse in the Lower Park of Peterhof, the oldest surviving greenhouse in Russia.

The diversity of methodologies, research questions, and scientific disciplines that examine the natural world of the palace complex and palace museum raise questions about the complex concept of cultural heritage and possible formats for working with it in terms of restoration, transformation, and cultural interpretation.

MECTO / Locus

Бахматова Ксения Арнольдовна, Шешукова Анастасия Анатольевна	16	Почвы и ландшафты парка Сергиевка
Байрамова Варвара Федоровна, Чебракова Мария Юрьевна	36	Сад Сильвия в Гатчине как часть нереализованного замысла
Гаркуша Ольга Михайловна	48	«Безжалостное искажение здания»: облик и бытование Большой оранжереи Петергофа

ПОЧВЫ И ЛАНДШАФТЫ ПАРКА СЕРГИЕВКА

**Бахматова
Ксения
Арнольдовна**

Кандидат
сельскохозяйственных
наук, доцент, Институт
наук о Земле, Санкт-
Петербургский
государственный
университет

199034, Россия,
Санкт-Петербург,
Университетская наб.,
д. 7–9

k.bahmatova@spbu.ru

**Шешукова
Анастасия
Анатольевна**

Кандидат
сельскохозяйственных
наук, доцент, Институт
наук о Земле, Санкт-
Петербургский
государственный
университет

199034, Россия,
Санкт-Петербург,
Университетская наб.,
д. 7–9

a.sheshukova@spbu.ru

Цитирование:

*Бахматова К. А.,
Шешукова А. А.* Почвы
и ландшафты парка
Сергиевка // *Loci
Imperiales*. 2025. № 4.
С. 16–35.

Поступила в редакцию:

3 февраля 2025 г.

Рекомендована к печати:

20 мая 2025 г.

Статья посвящена ландшафтам и почвам памятника природы «Парк Сергиевка», являющегося частью дворцово-паркового ансамбля XIX в. Пейзажный парк Сергиевка был создан на террасах Предглинтовой низменности, и в его планировке использованы естественные особенности местности. Современная (морская) терраса имеет высоту 0,5–1,0 м над уровнем моря и периодически затапливается водами Финского залива. Первая (Литориновая) терраса, высотой 2,5–4,2 м над уровнем моря, имеет ширину 200–500 м. Терраса сформирована во время трансгрессий Литоринового и Древнебалтийского морей (3–7 тыс. лет назад) и ограничена с юга Литориновым (Древнебалтийским) уступом. Вторая терраса, высотой 18–32 м над уровнем моря, характеризуется пологоволнистым рельефом с небольшими понижениями. В природных элементарных ландшафтах второй (верхней) террасы преобладают дерново-подзолистые глееватые почвы на моренных суглинках, а на заболоченной первой террасе распространены темногумусово-глеевые, перегнойно-глеевые и торфянисто-глеевые почвы. Узкая прибрежная полоса (современная морская терраса) занята маршевыми почвами. Антропогенные ландшафты приурочены к окрестностям строений, берегам прудов, главной аллее парка, насыпным холмам, а также к бывшим партерным газонам, расположенным перед южным и северным фасадами дворца Лейхтенбергских. Почвы антропогенных ландшафтов парка – стратоземы и урбостратоземы. На участках у здания бывшей фермы на второй террасе и в заброшенном яблоневом саду на первой террасе сохранились почвы, созданные длительным окультуриванием – агростратоземы постагрогенные. Целенаправленные действия по созданию антропогенных почв в парке состояли в насыпке на поверхность исходных природных почв местного мелкоземистого материала для обеспечения дренажа и выравнивания заболоченных понижений, а также для оптимизации почвенных условий в соответствии с потребностями декоративных насаждений. Нецеленаправленная антропогенная трансформация почв парка связана с событиями Великой Отечественной войны, от которых в парке сохранились воронки от взрывов и окопы. Разрушение строений способствовало аккумуляции в почвах строительного мусора и формированию урбостратоземов.

Ключевые слова: дерново-подзолистые почвы, стратифицированные почвы, урбостратоземы, усадьба Лейхтенбергских, культурные ландшафты Санкт-Петербурга

SOILS AND LANDSCAPES OF SERGIEVKA PARK

**Bakhmatova
Kseniya
Arnoldovna**

PhD in Agriculture, assistant professor, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russia

k.bahmatova@spbu.ru

**Sheshukova
Anastasiya
Anatolievna**

PhD in Agriculture, assistant professor, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russia

a.sheshukova@spbu.ru

Citation:

Bakhmatova K. A., Sheshukova A. A. Soils and landscapes of Sergievka park. *Loci Imperiales*, 2025, no 4, pp. 16–35. (In Russian)

Received: February 3, 2025

Accepted: May 20, 2025

The article is devoted to landscapes and soils of the natural monument Sergievka Park, which is a part of the palace and park ensemble of the XIX century. The landscape park Sergievka was created on the terraces of the Predglint Lowland, and its layout is based on the natural features of the terrain. The modern (marine) terrace is 0.5–1.0 m above sea level and is periodically flooded by the waters of the Gulf of Finland. The first (Littorina) terrace, 2.5–4.2 m above sea level, is 200–500 m wide. The terrace was formed during the transgressions of the Littorina and Ancient Baltic Seas (3–7 thousand years ago) and is delineated to the south by the Littorina (Ancient Baltic) escarpment. The second terrace, 18–32 m above sea level, is characterized by a gentle undulating relief with small depressions. The natural elementary landscapes of the second (upper) terrace are dominated by soddy-podzolic gleyic soils on moraine loams, while dark humus gley, humus-mucky gley soils and peaty-gley soils are widespread on the waterlogged first terrace. The narrow coastal strip (modern marine terrace) is occupied by marsh soils. Anthropogenic landscapes are confined to the vicinity of buildings, the banks of ponds, the main avenue of the park, embankment hills, as well as to the former parterre lawns located in front of the southern and northern facades of the Leuchtenberg Palace. Soils of anthropogenic landscapes of the park are stratozems and urbostratozems. On the sites near the former Farm building on the second terrace and in the abandoned apple orchard on the first terrace, soils created by long-term cultivation – post-agricultural agrostratozems – have been preserved. Targeted actions on creation of anthropogenic soils in the park consisted in piling local fine-grained material on the surface of the original natural soils to provide drainage and leveling of waterlogged depressions, as well as to optimize soil conditions in accordance with the needs of ornamental plantings. Non-targeted anthropogenic transformation of the park soils is associated with the events of the Great Patriotic War, from which explosion craters and trenches were preserved in the park, and the destruction of buildings contributed to the accumulation of construction debris in the soils and the formation of urbostratozems.

Keywords: soddy-podzolic soils, stratified soils, urbostratozems, Leuchtenberg estate, cultural landscapes of St. Petersburg

Парк Сергиевка расположен на юго-восточном побережье Финского залива. Территория парка вытянута на 1,8 км с северо-востока на юго-запад, от берега моря до платформы «Университетская» Балтийского направления железной дороги **❶**. Парк включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в составе объекта «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников».

Сергиевка – один из немногих парков Санкт-Петербурга, почвы которого изучались на протяжении почти ста лет. Это связано с тем, что в 1920 г. на территории парка (бывшей усадьбы Лейхтенбергских) был создан Петергофский естественно-научный институт Петроградского университета, впоследствии переименованный в Биологический научно-исследовательский институт Ленинградского, затем – Санкт-Петербургского университета.

История парка

Почвенный покров и ландшафты парка сохраняют память о его богатой истории, которая началась в XVIII в., когда по замыслу Петра Великого стала создаваться система усадеб Петергофской дороги. В XVIII в. на территории нынешней Сергиевки располагались две дачи. Одна из них принадлежала сначала графу П. М. Салтыкову, затем графине Б. Ф. фон Сиверс, а после – княгине Е. К. Путятиной. Другая дача, находившаяся восточнее, в 1721–1800 гг. принадлежала семейству Румянцевых. А. И. Румянцев, в прошлом денщик Петра I, получил усадьбу от императора в знак благодарности за активное участие в возвращении из-за границы цесаревича Алексея Петровича¹. После смерти А. И. Румянцева усадьбу наследовал его сын – известный полководец, фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский, имевший трех сыновей: Михаила, Николая и Сергея. Возможно, в честь младшего сына Сергея усадьба и получила название. В период, когда имением владело семейство Румянцевых, естественный лесной массив, где оно располагалось, в основном сохранялся. За это время был построен поместный дом и различные службы, а также выкопан небольшой пруд. В 1822 г. владельцем усадьбы стал К. А. Нарышкин, потративший на ее благоустройство значительные средства (около 1 млн руб.)². При создании пейзажного парка использовались естественные особенности ландшафта. В лесном массиве, для придания ему живописного облика, выборочно вырубались и высаживались деревья и кустарники. Были построены большой господский дом, каменные и деревянные флигели, каменная ферма; вырыты осушительные канавы и некоторые пруды, появились широколиственные породы деревьев. После смерти в 1838 г. К. А. Нарышкина его наследники за долги сдали имение в казну. В 1839 г. бывшая усадьба Нарышкина и дача княгини Путятиной были выкуплены императором Николаем I и подарены его

1 Горбатенко С. Б. Петергофская дорога: историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2022. С. 341.

2 Осипов Д. В. Научно-исторический очерк // Парк «Сергиевка» – комплексный памятник природы. СПб., 2005. С. 6–12.

старшей дочери – великой княжне Марии Николаевне, ко дню ее бракосочетания с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Для создания нового дворцово-паркового ансамбля были приглашены архитектор А. И. Штакеншнейдер и садовый мастер П. И. Эрлер. В руслах ручьев, протекавших по дну оврагов, были устроены водопады, каскады прудов, живописные мостики, на склонах – гранитные лестницы³. К западу и югу от дворца появились поляны с дубами. Были созданы видовые холмы и искусственные насыпи, одна из которых – на Нижнем лугу, перед северным фасадом дворца, – предотвращала затопление низкого морского побережья нагонными водами. Крупные видовые холмы были насыпаны у Полудинового и Огородного прудов.

В годы Великой Отечественной войны по землям парка проходил передовой край обороны Ораниенбаумского плацдарма. В результате ожесточенных боев не только были разрушены здания, но и пострадали насаждения, а на поверхности почв появилось множество воронок от взрывов.

Природные условия формирования ландшафтов и почв

Парк Сергиевка находится на Предглинтовой низменности, на которой выражен ряд террас, последовательно поднимающихся одна за другой от морского берега в направлении Ижорской возвышенности.

Вдоль залива тянется современная (морская) терраса с абсолютными отметками 0,5–1,0 м и шириной не более 100 м, периодически затапливаемая водами залива. От следующей, первой террасы ее отделяет песчаный береговой вал высотой до 1,5 м, местами он был надсыпан для предотвращения затопления первой террасы в результате нагонов морской воды. Первая (Литориновая) терраса с абсолютными отметками 2,5–4,2 м начинается за береговым валом и имеет ширину 200–500 м². Терраса сформировалась во время трансгрессий Литоринового и Древнебалтийского морей (3–7 тыс. лет назад), имеет плоскую, местами слабо волнистую поверхность. Верхняя граница этой террасы хорошо очерчена с юга Литориновым (Древнебалтийским) уступом – бывшим берегом древнего моря⁴. Склоны уступа, высотой 8–10 м, местами изрезаны глубокими оврагами, в которых подземные воды выходят на поверхность в виде источников (например, родник у Адамовой головы).

За Литориновым уступом, на 2–3 км к югу протянулась вторая терраса с абсолютными отметками 18–32 м, сформировавшаяся в период Невской дегляциации (около 10–13 тыс. лет назад). Вторая терраса имеет небольшой уклон в сторону залива и характеризуется пологоволнистым рельефом с небольшими понижениями. Рельеф в значительной степени унаследован от дочетвертичной поверхности – денудационной пологонаклонной равнины.

3 Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. С. 342.

4 Исаченко Г. А., Резников А. И. Ландшафты Санкт-Петербурга: эволюция, динамика, разнообразие // Биосфера. 2014. Т. 6. № 3. С. 231–249.

Для Сергиевки характерны различные по гранулометрическому составу и генезису почвообразующие породы. Их широкий спектр определяет значительную сложность почвенного покрова. Современная терраса сложена осадками лимниевой стадии Балтийского моря – разнотернистыми гравелистыми песками, обогащенными органическим веществом. Почвы современной террасы испытывают постоянное воздействие морских вод с низкой соленостью (около 2‰), что исключает засоление почв прибрежной зоны, но способствует их переувлажнению.

Первая терраса сложена мелкозернистыми литориновыми песками и двучленными отложениями: песками и супесями, залегающими на кембрийских глинах. На первой террасе грунтовые воды близко залегают к поверхности почвы, в понижениях формируются низинные болота.

На второй террасе преобладают моренные суглинки. В нижней части моренной толщи часто содержатся прослой синей глины, что позволяет рассматривать данную морену как локальную. В морене беспорядочно рассеяны различных размеров валуны кристаллических пород. Местами на второй террасе встречаются озерно-ледниковые пески и двучленные отложения: озерно-ледниковые пески или супеси, подстилаемые моренными суглинками. Почвы второй террасы склонны к заболачиванию из-за плоского рельефа и тяжелого гранулометрического состава почвообразующих и подстилающих пород.

Ландшафты и почвы

Все почвы парка Сергиевка можно разделить на естественные (природные) почвы и почвы, в разной степени измененные человеком (целенаправленно или случайно, в процессе хозяйственной деятельности). Диагностика природных и некоторых антропогенно-преобразованных почв парка в данной работе проводилась в соответствии с «Классификацией и диагностикой почв России»⁵, а диагностика урбостратоземов – согласно классификации Т. В. Прокофьевой с соавторами⁶. Среди антропогенно-преобразованных почв в парке выделяются стратоземы (урбостратоземы и агростратоземы), стратифицированные природные почвы, а также агроземы.

Отдел стратоземы объединяет почвы, образованные в насыпной толще мелкозема мощностью более 40 см. Стратифицированная толща залегает либо на породе, либо на погребенной природной почве. Урбостратоземы диагностируются по наличию в насыпной толще более 10% артефактов (в основном строительного и бытового мусора), в этом случае выделяется горизонт урбик (UR). Почвы, где сельскохозяйственное освоение и окультуривание сочеталось с интенсивным наращиванием мощности поверхностного горизонта за счет внесения органоминерального

5 Классификация и диагностика почв России. Смоленск, 2004.

6 Прокофьева Т. В., Герасимова М. И., Безуглова О. С., Бахматова К. А., Гольева А. А., Горбов С. Н., Жарикова Е. А., Матинян Н. Н., Наквасина Е. Н., Сивцева Н. И. Введение почв и почвopodobных образований городских территорий в классификацию почв России // Почвоведение. 2014. № 10. С. 1155–1164.

материала, называются агростратоземами. Если нанос минерального или органоминерального материала мощностью 10–40 см залегает на поверхности тех или иных природных почв, то эти почвы получают наименование стратифицированных. В зависимости от характера наноса к стратифицированному горизонту добавляется обозначение *r* (минеральный нанос), *rh* (нанос гумусированного материала) или *ur* (нанос с большим количеством урбоиндустриальных включений – кирпичей, стекла, остатков фундамента и т. д.). Стратифицированные и урбистратифицированные подтипы, появление которых обусловлено деятельностью человека, могут выделяться во всех типах почв. Стратоземы урбистратифицированные содержат в насыпной толще (мощностью свыше 40 см) > 2, но < 10% антропогенных включений.

Почвы отдела Агроземы выделяются по наличию агрогоризонта (Р), залегающего либо на срединных горизонтах исходной почвы, либо на породе. Агроземы формируются в случае, если при длительном сельскохозяйственном использовании один или несколько диагностических горизонтов природной почвы вошли в состав гомогенного пахотного горизонта. Все почвы парка, происхождение которых связано с сельским хозяйством, уже очень длительное время не распахиваются и поэтому относятся к постагрогенному подтипу.

В той или иной мере все современные ландшафты парка несут следы человеческой деятельности, но сильно трансформированные участки (находящиеся под застройкой, дорогами и т. п.) занимают относительно небольшую площадь. Ландшафты, измененные человеком, встречаются в основном на второй террасе, где расположен дворец Лейхтенбергских и бывшие служебные постройки усадьбы, ныне занятые лабораториями университета. Разные части парка соединяются между собой дорожками с набивным покрытием, среди которых выделяется главная аллея, ведущая от железнодорожной станции к дворцу. Есть и сеть более мелких дорожек и тропинок – в последние несколько лет она стремительно расширяется из-за чрезмерной рекреационной нагрузки на ландшафты парка, который, несмотря на свой статус охраняемой природной территории, стал центром притяжения для отдыхающих петербуржцев и туристов. В парке сохранились несколько крупных прудов: Палудиновый (у железной дороги), Кристателевый (в центре парка), Огородный и Оранжерейный, а также несколько мелких прудов. Большинство прудов соединяются между собой протоками, которые в настоящее время слабо выражены из-за перекрытия притока воды с вышележащей местности, расположенной к югу от железной дороги. В северной части парка его территорию прорезают два оврага с крутыми склонами, по дну восточного оврага протекает ручей Кристателька, в русле которого устроен маленький Платамбовый пруд.

Южная часть парка, открывающаяся со стороны железной дороги, расположена на второй террасе. Ее элементарным ландшафтом, доминирующим в пределах парка, является слабоволнистая пониженная равнина,

сложенная моренными суглинками, с затрудненным естественным дренажем, частично осушенная канавами, покрытая березовым и еловым лесом с примесью широколиственных пород и с травянистым напочвенным покровом. Южная часть парка, от железной дороги до Кристателевого пруда, дренируется слабее, чем северная и центральная части, и ее ландшафты по облику приближаются к естественным южнотаежным. Среди природных почв здесь преобладают дерново-подзолистые глееватые ③④. Гумусовый горизонт (АУ) этих почв в парке, из-за практически повсеместного развития травянистого покрова, как правило, хорошо выражен и достигает мощности до 25 см. Почвы характеризуются кислой реакцией по профилю и сильнокислой реакцией подстилки, очень низкой насыщенностью основаниями, повышенным содержанием гумуса. Под гумусовым горизонтом залегает светлоокрашенный элювиальный горизонт с признаками периодического застоя влаги и обусловленного им глеевого процесса – ЕLg в виде сизых и охристых пятен. Срединный (текстурный) горизонт (ВТg), как правило, плотный, тяжелосуглинистый или глинистый, бурого цвета, с сизыми и ржавыми пятнами, свидетельствующими о периодической смене окислительно-восстановительных условий в почве (почва избыточно увлажнена в периоды после снеготаяния и осенних дождей, а в середине лета имеет нормальное увлажнение). На более пониженных участках встречаются смешанные насаждения с преобладанием осины и злаково-разнотравным напочвенным покровом. Локально в западинах встречаются дерново-подзолисто-глеевые почвы под хвойными и хвойно-мелколиственными насаждениями с щучковым и щучково-разнотравным покровом. Юго-восточный угол парка занят неглубокими замкнутыми понижениями с перегнойно-подзолисто-глеевыми и болотными торфяно-глеевыми почвами.

На территории парка дренированные участки тяготеют к микроповышениям и верхним частям склонов оврагов и краевой части второй террасы, здесь произрастают еловые и широколиственные леса на автоморфных (нормального увлажнения) дерново-подзолистых почвах на моренных суглинках и урбостратоземах. Северная часть террасы, от уступа до Кристателевого пруда, дренирована лучше, чем южная. В восточной части второй террасы выделяются плоские микроповышения, с поверхности сложенные озерно-ледниковыми песками и супесями, на которых формируются дерново-подзолы иллювиально-железистые, типичные и глееватые. Эти почвы имеют под гумусовым горизонтом белесый подзолистый горизонт Е, который сменяется охристо-рыжим иллювиально-железистым горизонтом (ВF). Эти почвы имеют супесчаный гранулометрический состав, кислую реакцию и низкую емкость катионного обмена. На этих участках произрастают еловые и широколиственные леса, кисличные и кислично-разнотравные. В овраге, по дну которого протекает река Кристателька, с крутыми берегами и слабо выраженной поймой, формируется овражный комплекс суглинистых смытых и сильно гумусированных намытых песчаных почв.

Антропогенные ландшафты и почвы приурочены к центральной аллее, берегам прудов, окрестностям дворца и других построек. Здесь отмечаются искусственно приподнятые и выровненные участки, такие как площадка с южной стороны дворца, которая в настоящее время представляет собой косимый разнотравно-злаковый луг, но во времена Лейхтенбергских на ней были партерный газон и цветники, украшенные скульптурой. Почвы здесь — урбостратоземы, в них выделяется насыпной горизонт мощностью не менее 40 см, в котором множество артефактов: осколков кирпича, стекла, керамики, встречаются металлические предметы. Строительный мусор попадал в насыпные почвы на разных этапах: при строительстве и ремонте зданий, дорожек и ограждений, затем в период Великой Отечественной войны, когда постройки усадьбы получили тяжелые повреждения при обстрелах и бомбардировках, и во время послевоенного восстановления, когда расчищали завалы. Стратификация, т. е. подсыпка на поверхность почв аллохтонного материала, осуществлялась для выравнивания рельефа и улучшения дренажа. Насыпная толща по берегам прудов создавалась из грунта, извлеченного при их копке.

Полностью рукотворными компонентами ландшафта являются насыпные (пейзажные) холмы/ Здесь на урбистратифицированных суглинистых стратоземах произрастают широколиственные леса (кленовники, липняки, ясенники), а также ельники со снытевым и снытево-разнотравным напочвенным покровом. В этих почвах под насыпным гумусовым горизонтом мощностью 10–25 см вскрывается слабо дифференцированная плотная толща суглинка, в которой встречаются многочисленные осколки кирпича, а также угли. Таким образом, состав насыпной толщи этих холмов более однороден, по сравнению с другими антропогенными почвами парка, т. к. формировался одномоментно и целенаправленно. Наиболее насыщенная антропогенными включениями и разнородная по их составу насыпная толща отмечается вокруг строений, среди включений здесь также преобладает строительный мусор, прежде всего кирпич, но встречаются и различные бытовые предметы⁷. Урбостратоземы отличаются значительной пространственной вариабельностью многих характеристик, но целом для них типичен сдвиг рН в щелочную сторону по сравнению с природными почвами, каменистость за счет антропогенных включений, нередко большее содержание гумуса и фосфатов⁸.

В краевой части второй террасы в западной части парка перед зданием бывшей фермы расположен косимый разнотравно-злаковый луг

- 7 Стадник Е. Следы истории в почве двора фермы в «Сергиевке» // Материалы XIII региональной молодежной экологической школы-конференции в усадьбе «Сергиевка» 2019 «Природные и культурные аспекты долгосрочных экологических исследований на северо-западе России»: к 150-летию со дня рождения Николая Адольфовича Буша — одного из основателей Петергофского естественно-научного института. СПб., 2019. С. 241–244.
- 8 Герасимова М. И., Строганова М. Н., Можарова Н. В., Прокофьева Т. В. Антропогенные почвы (генезис, география, рекультивация). Смоленск, 2003.

на месте бывших огородов. Почвы этого участка – агроземы постагрогенные, с мощным гумусовым горизонтом (около 30 см), с нейтральной реакцией и повышенным содержанием фосфатов. Все эти признаки свидетельствуют о длительном окультуривании и сельскохозяйственном использовании этих почв.

Крутые и слабополгие склоны Литоринового уступа сложены в основном глинистыми породами, здесь встречаются дерново-подзолистые почвы, частично смытые, а также комплекс дерновых смытых и намытых почв, характерный для местоположений этого типа. На уступе чередуются участки под широколиственным лесом с разнотравным напочвенным покровом и луговые участки.

Первая терраса представляет собой приморскую низину с почти плоской поверхностью, местами осложненной мелкими повышениями и западинами. Разнообразие местоположений и почв на первой террасе обусловлено дифференциацией микрорельефа и связанными с этим колебаниями уровня грунтовых вод, а также антропогенным фактором **5**.

Основная часть первой террасы в Сергиевке находится к северу от Ораниенбаумского шоссе. Плоские пониженные участки первой террасы характеризуются затрудненным дренажем. На них произрастают лиственные леса с напочвенным покровом из влаголюбивого разнотравья или заболоченные луга на темногумусово-глеевых почвах, на морских песках, подстилаемых кембрийскими глинами. Эти почвы характеризуются хорошо развитым супесчаным гумусовым или перегнойным горизонтом, под которым залегает мокрый с охристыми разводами песок, подстилаемый сизой или зеленоватой кембрийской глиной. Гумусовый горизонт этих почв содержит 5–6% органического углерода. В неглубоких западинах с притоком минерализованных грунтовых вод находятся травяные болота с осоковыми или осоково-разнотравными ассоциациями на болотных торфянисто-глеевых и перегнойно-глеевых почвах. Мощность торфа в этих болотах невелика (до 40 см). Почвы кислые и слабокислые, степень насыщенности в перегнойных горизонтах 25–47%, в кембрийских глинах – свыше 90%. Наиболее дренированные элементарные ландшафты первой террасы представляют собой грядообразные повышения, сложенные песками и покрытые смешанным лесом с разнотравным напочвенным покровом, где формируются дерново-подзолы иллювиально-железистые глееватые, которые имеют кислую реакцию, не насыщены обменными основаниями, бедны элементами минерального питания **6**.

В парке, в пределах первой террасы, есть участки, активно трансформированные человеком. Это Нижний луг перед северным фасадом дворца и небольшой заброшенный яблоневый сад непосредственно на морском побережье, недалеко от устья р. Кристательки. Поверхности Нижнего луга в XIX в. была искусственно поднята путем подсыпки грунта и неоднократно подвергалась вспашке. В настоящее время здесь под луговой растительностью представлены агростратоземы

постагрогенные, состоящие из гумусового насыпного суглинистого горизонта мощностью 25–35 см, с включениями валунов, гальки и обломков кирпича. На былую распашку указывает четкая ровная нижняя граница гумусового горизонта. Насыпная толща мощностью около 60 см залегает на погребенной дерново-глеевой почве на морских песках. В яблоневом саду также распространены агростратоземы постагрогенные легкосуглинистые на морских песках с мощностью насыпной толщи 58 см.

От современной морской террасы первая терраса отделена береговым валом, с проходящей по нему прогулочной тропой. На береговом валу сочетаются черноольховые леса с разнотравным покровом и участки разнотравно-злакового луга. Здесь распространены дерновые почвы на слоистых песчаных отложениях ⑦. В их профиле выделяется маломощный гумусово-аккумулятивный горизонт, под которым лежат песчаные слои, различающиеся по степени сортировки и размеру зерен.

На узкой современной морской террасе наиболее характерными являются марши — плавно уходящая под воду территория, заливаемая во время наводнений. Здесь произрастают тростниковые сообщества на маршевых иловато-перегнойных почвах. Эти почвы формируются при постоянном избыточном увлажнении: зеркало грунтовых вод в сухие периоды отступает на 30–40 см, а во влажные — поднимается к поверхности ⑧.

В профиле этих почв выделяется заиленный песчаный гумусовый слабо развитый горизонт, скрепленный корнями влаголюбивой растительности, под которым залегают водонасыщенные сильно оглеенные пески. Во всех маршевых почвах встречаются ракушки, линзы талассогенного органического вещества, присутствует запах сероводорода. В профиле маршевых почв, более удаленных от залива, отмечаются погребенные торфянистые или гумусовые горизонты. Маршевые почвы кислые, по всему профилю обогащены органическим веществом, содержание обменных оснований колеблется от 12–15 до 24 (в верхних горизонтах) ммоль (+) / 100 г почвы.

Заключение

Активная антропогенная трансформация ландшафтов и почвенного покрова на территории Сергиевки началась в XVIII в. и была связана с вырубкой леса и осушительной мелиорацией, а также с появлением сети открытых канав и прудов для создания усадьбы и пейзажного парка. В результате на месте типичных южнотаежных, преимущественно еловых насаждений с примесью мелколиственных пород, произрастающих на почвах с выраженными признаками заболачивания, были устроены декоративные лужайки, поляны, цветники; посажены декоративные древесные широколиственные (дуб, клен, липа) и хвойные породы (лиственница, пихта), а также различные кустарники. В структуру парка были включены усадебные сады и огороды, что привело к появлению

агрогенно-трансформированных почв. Целенаправленные действия по созданию антропогенных почв в основном заключались в насыпке местного (гумусированного или безгумусного) мелкоземистого материала на поверхность исходных почв для подъема и выравнивания территории и ликвидации заболоченных понижений, для подготовки почвы к разбивке цветников, партерных газонов и посадке деревьев, а также для формирования видовых холмов. Создание этих насыпей, кроме того, позволило распределить на территории парка почву и грунт, извлеченные при копке прудов. В результате этих мероприятий в составе почвенного покрова появились стратифицированные почвы и (урбо) стратоземы. Кроме того, при прокладке мелиоративных канав сформировались стратифицированные почвы вдоль их бортов. Нецеленаправленная антропогенная трансформация почвенного покрова парка связана с ведением боевых действий на его территории во время Великой Отечественной войны. От этого периода в парке сохранились воронки от взрывов и окопы, которые в настоящее время являются очагами формирования заболоченных и болотных почв. Военные действия вызвали и разрушение дворца, а последующее распределение строительного мусора на прилегающей к нему территории обусловило формирование ареала урбостратоземов. Преобладание в современном почвенном покрове парка избыточно увлажненных почв, кислая реакция многих антропогенно-преобразованных почв свидетельствуют о доминировании на изучаемой территории природных процессов почвообразования. Однако, при сравнении почв и ландшафтов парка с окружающими природными лесными массивами и даже с примыкающей к нему территорией бывшей усадьбы Мордвиновка, обращают на себя внимание широкое распространение и самостоятельное расселение в парке кустарников-культураров (свидины шелковистой, рябинника рябинолистного, спиреи), широколиственных пород деревьев, значительно более качественный дренаж почв и меньшая их кислотность. Улучшению свойств почв способствуют как осушительная мелиорация, так и характер растительности, с большим содержанием зольных элементов-биогенов в составе опада.

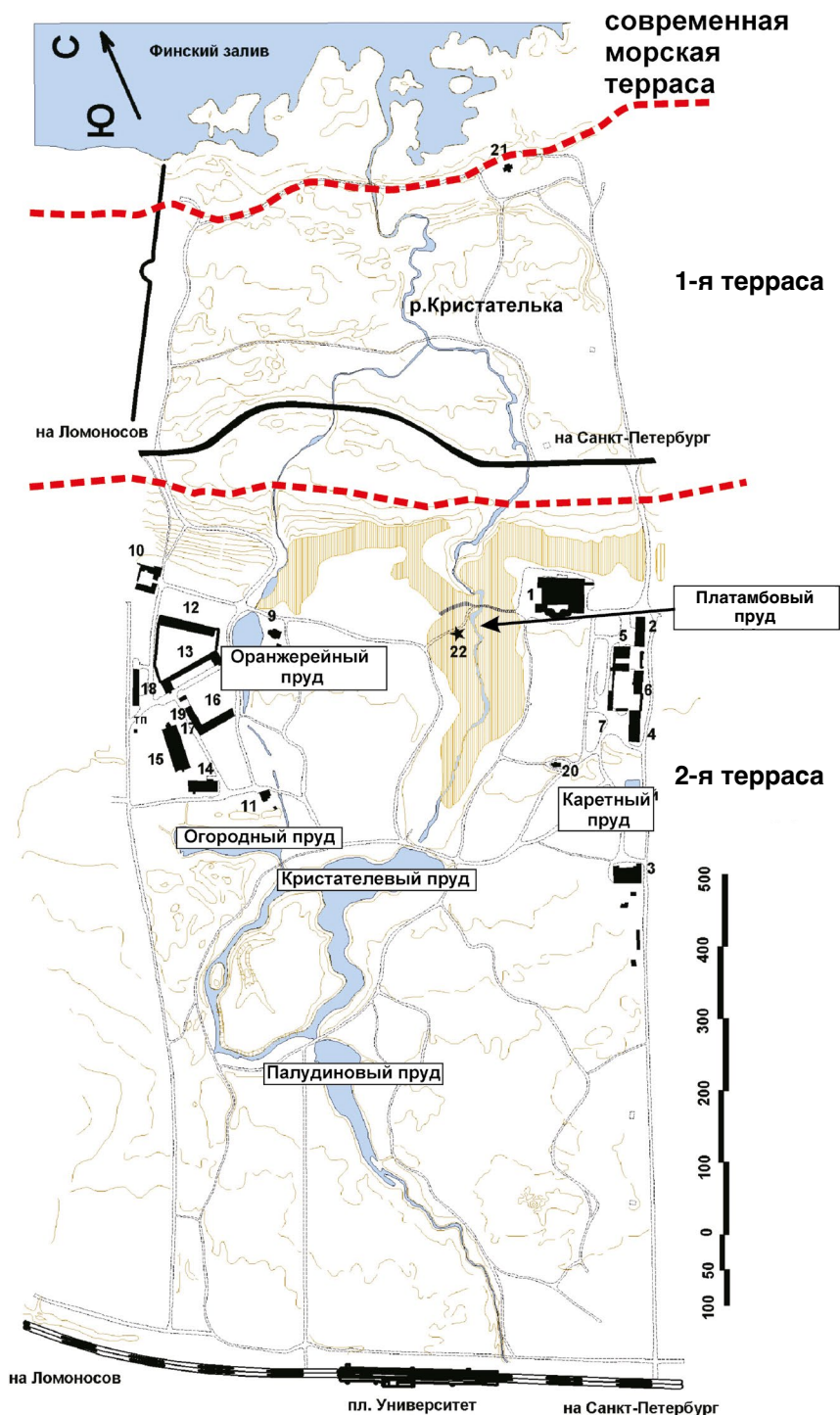
REFERENCES

- Gerasimova M. I., Stroganova M. N., Mozharova N. V., Prokof'eva T. V. *Antropogennye pochvy (genezis, geografiya, rekul'tivatsiya)* [Anthropogenic soils (genesis, geography, classification)]. Smolensk, Oikumena Publ., 2003. 268 p. (In Russian)
- Gorbatenko S. B. *Petergofskaya doroga* [Peterhof road]. St. Petersburg, Istoricheskaya illustratsiya Publ., 2022. 528 p. (In Russian)
- Isachenko G. A., Reznikov A. I. *Landshafty Sankt-Peterburga: ehvolyutsiya, dinamika, raznoobrazie* [Landscapes of Saint Petersburg: evolution, dynamics, diversity]. Biosfera, 2014, vol. 6, no 3, pp. 231–249. (In Russian)
- Klassifikatsiya i diagnostika pochv Rossii* [Russian soil classification system]. Authors and compilers: Shishov L. L., Tonkonogov V. D., Lebedeva I. I., Gerasimova M. I. Smolensk, Oikumena Publ., 2004. 342 p. (In Russian)
- Osipov D. V. *Nauchno-istoricheskii ocherk* [Scientific and historical essay]. Park Sergievka – a complex natural monument. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publishing House, 2005, pp. 6–12. (In Russian)
- Prokof'eva T. V., Gerasimova M. I., Bezuglova O. S., Bakhmatova K. A., Gol'eva A. A., Gorbov S. N., Zharikova E. A., Matinyan N. N.,

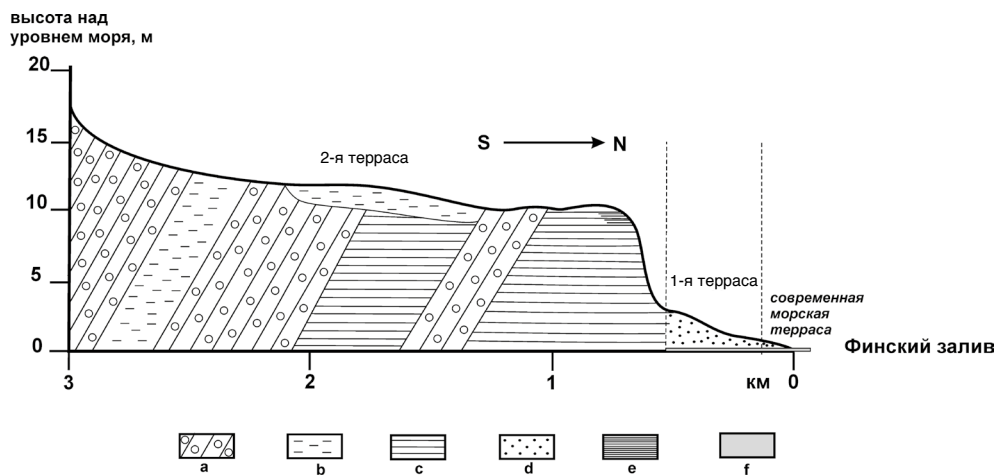
Nakvasina E. N., Sivtseva N. I. *Vvedenie pochv i pochvopodobnyh obrazovanij gorodskih territorij v klassifikaciju pochv Rossii* (Inclusion of soils and soil-like bodies of urban territories into the Russian soil classification system). Eurasian Soil Science, 2014, vol. 47, no 10, pp. 959–967. (In Russian)

Stadnik E. *Sledy istorii v pochve dvora fermy v Sergievke* [Traces of history in the park Sergievka].

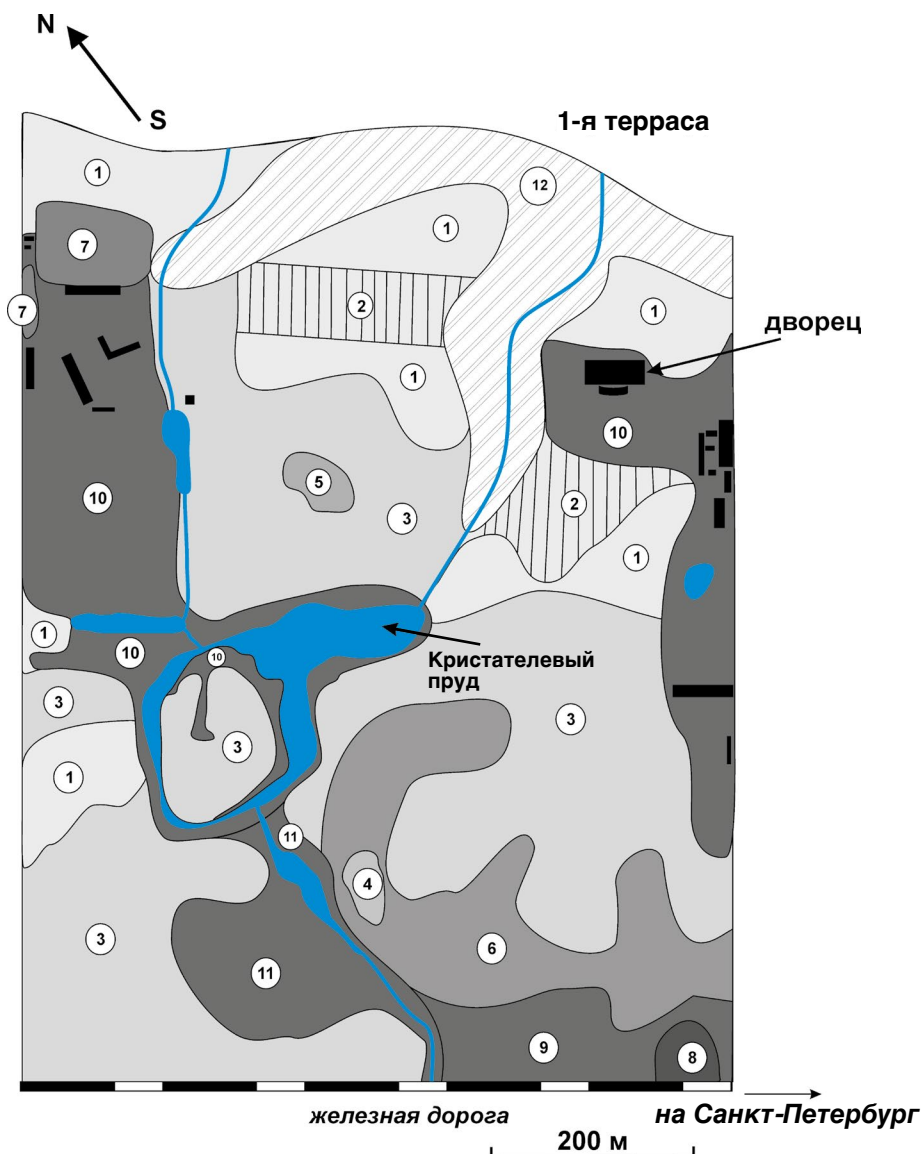
Materials of the XIII Regional Youth Ecological School-conference in the Sergievka Estate 2019 “Natural and cultural aspects of long-term environmental research in the North-west of Russia”: on the 150th anniversary of the birth of Nikolai Adolfovich Bush, one of the founders of the Peterhof Natural Science Institute. St. Petersburg, 2019, pp. 241–244. (In Russian)

- 1 Осипов Д. В.
Карта-схема парка Сергиевка
 1 – дворец Лейхтенбергских
 2–19 – бывшие постройки усадьбы (ныне лаборатории СПбГУ)
 20 – церковь Св. Екатерины («Капелла»)
 21 – здание водонапорной станции М. Лейхтенбергского
 22 – скульптура «Голова Адама»

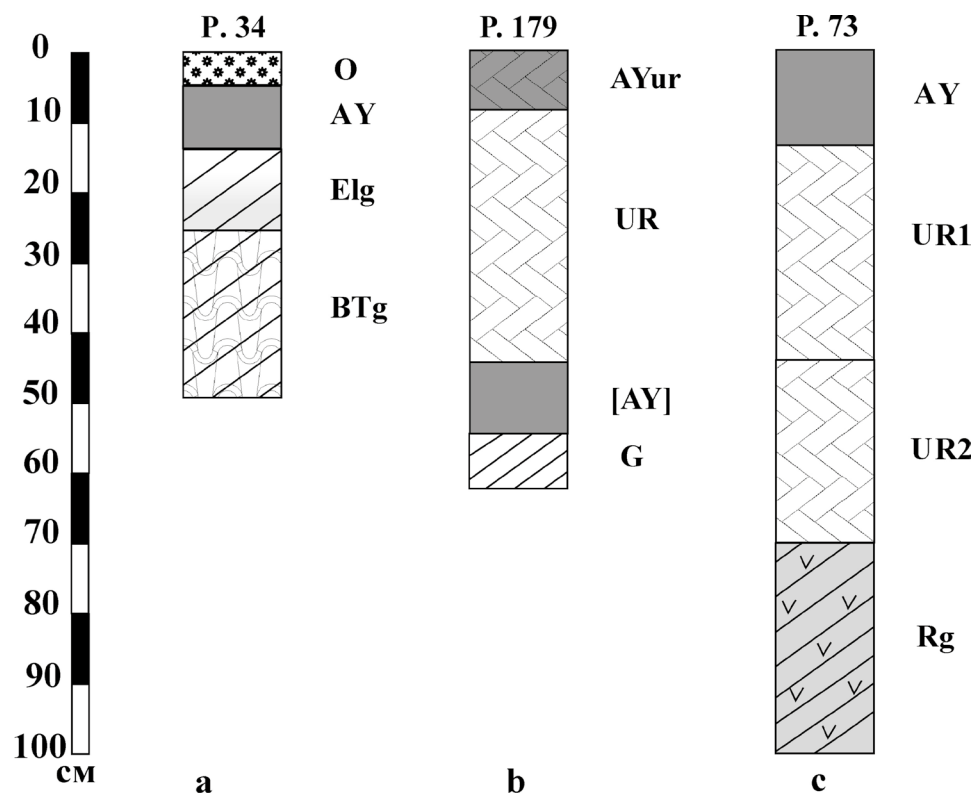
- 2 Бахматова К. А., Шешукова А. А.
Геоморфологический профиль территории парка Сергиевка
 а – моренные суглинки
 б – озерно-ледниковые пески и супеси
 с – озерно-ледниковые глины
 д – морские пески
 е – ленточные глины
 ф – кембрийские глины

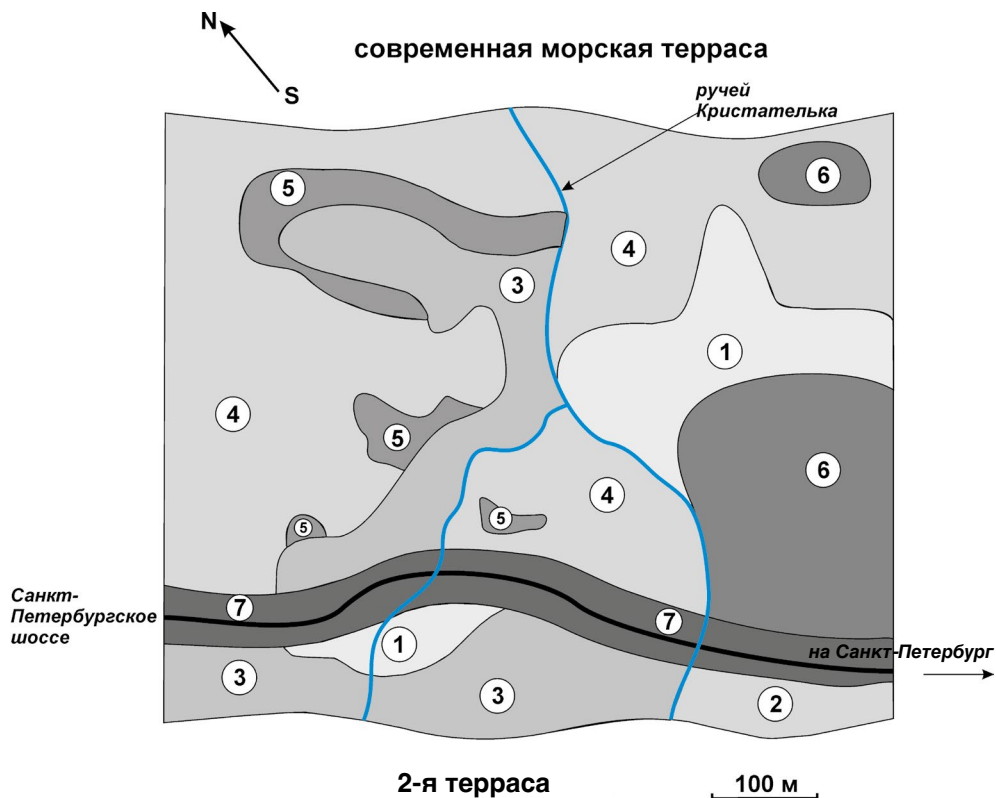
3 Бахматова К. А., Шешукова А. А.
Карта-схема почвенного покрова парка Сергиевка (2-я терраса)

Почвы:

- 1 – дерново-подзолистые
- 2 – дерново-подзолистые стратифицированные
- 3 – дерново-подзолистые глееватые
- 4 – дерново-подзолисто-глеевые
- 5 – дерново-подзолы
- 6 – дерново-подзолы глееватые
- 7 – агрозоемы постагрозенные
- 8 – торфяно-глеезоемы
- 9 – перегнойно-подзолистые глееватые
- 10 – стратоземы урбистратифицированные
- 11 – урбостратоземы
- 12 – почвы овражно-балочного комплекса

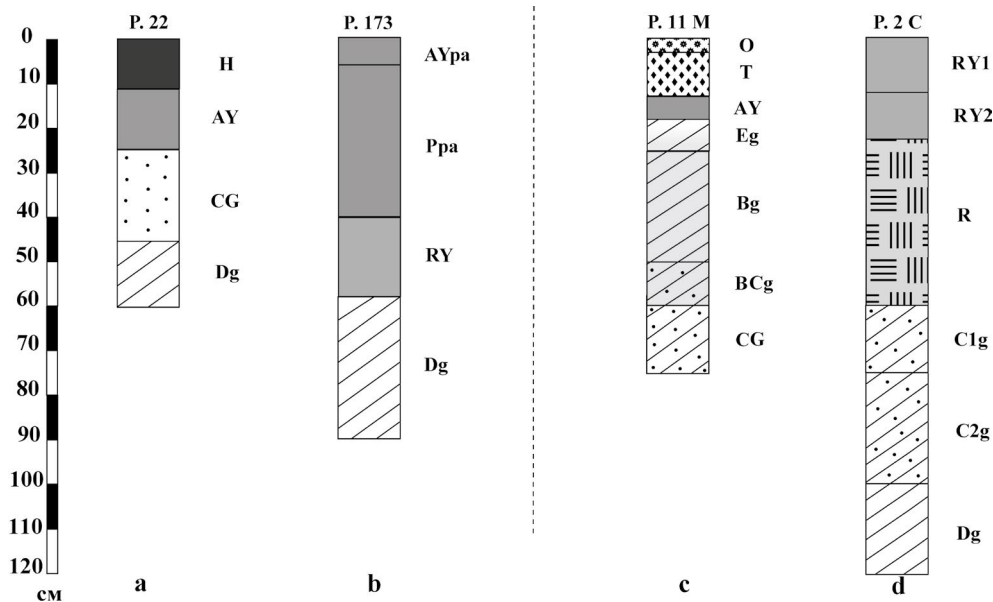
- 4 Бахматова К. А., Шешукова А. А.
Преобладающие природные и антропогенные почвы 2-й террасы парка Сергиевка
 а – дерново-подзолистая глееватая
 б – урбостратозем на погребенной дерново-глеевой почве
 с – урбостратозем глееватый мощный

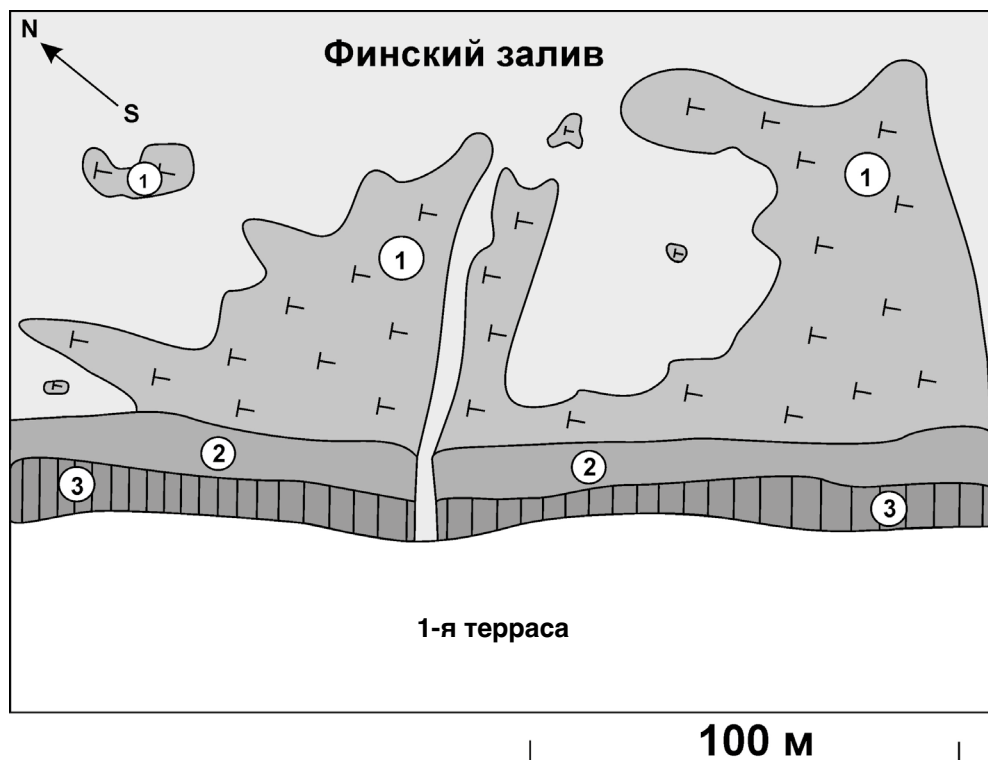
5 Бахматова К. А., Шешукова А. А.
Карта-схема почвенного покрова парка Сергиевка (1-я терраса)

Почвы:

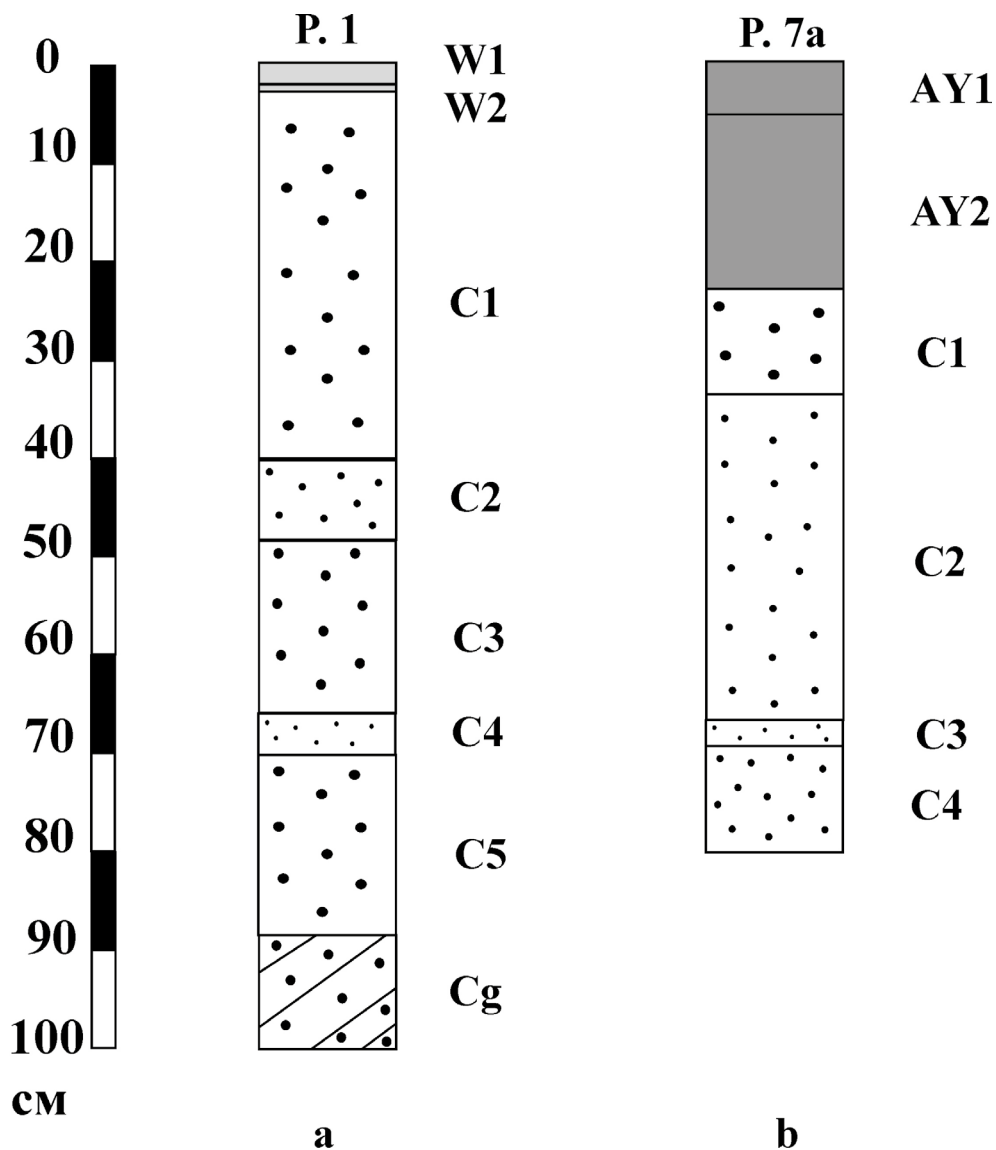
- 1 – дерново-подзолы глеевые
- 2 – дерново-подзолы глееватые
- 3 – темногумусово-глеевые
- 4 – перегнойно-глеевые
- 5 – торфяно-глееземы
- 6 – агростратоземы постагрогенные
- 7 – урбостратоземы

- 6 Бахматова К. А., Шешукова А. А.
Наиболее распространенные природные и антропогенные почвы 1-й террасы парка Сергиевка
 а – дерново-перегнойно-глеевая на морских песках, подстилаемых кембрийскими глинами
 б – агростратозем постагрогенный, подстилаемый морскими песками
 с – торфяно-подзол глеевый на морских песках
 д – стратозем урбистратифицированный, подстилаемый морскими песками

- 7 Бахматова К. А., Шешукова А. А.
Карта-схема почвенного покрова современной террасы парка Сергиевка
 1 – комплекс маршевых перегнойно-глеевых и торфянисто-глеевых почв
 2 – маршевые глеевые слоистые почвы
 3 – дерновые почвы берегового вала, в том числе стратифицированные

- 8 Бахматова К. А., Шешукова А. А.
Наиболее распространенные почвы современной морской террасы парка Сергиевка
 а – маршевая (аллювиальная) слоистая почва на морских песках
 б – дерновая почва на слоистых морских песках (береговой вал)

САД СИЛЬВИЯ В ГАТЧИНЕ КАК ЧАСТЬ НЕРЕАЛИЗОВАННОГО ЗАМЫСЛА

**Байрамова
Варвара
Федоровна**

Старший преподаватель,
Институт ландшафтной
архитектуры,
строительства
и обработки древесины,
Санкт-Петербургский
государственный
лесотехнический
университет
им. С. М. Кирова

194021, Россия, Санкт-
Петербург, Институтский
пер., д. 5, лит. У

novator72@mail.ru

**Чебракова
Мария
Юрьевна**

Студент, Санкт-
Петербургский
государственный
лесотехнический
университет
им. С. М. Кирова

194021, Россия, Санкт-
Петербург, Институтский
пер., д. 5, лит. У

maria.chebrakova@gmail.com

Цитирование:

*Байрамова В. Ф.,
Чебракова М. Ю.* Сад
Сильвия в Гатчине как
часть нереализованного
замысла // *Loci Imperiales.*
2025. № 4. С. 36–47.

Поступила в редакцию:

1 июня 2025 г.

Рекомендована к печати:

10 июня 2025 г.

В статье рассматривается архитектурно-ландшафтный комплекс сада Сильвия в Гатчинском музее-заповеднике и попытка компьютерной реконструкции парковой среды на конец XVIII в. С момента основания Сильвийский сад по своему композиционному построению значительно выделялся на фоне царившей в тот исторический период моды на «натуральные» сады. После путешествия по Европе у Павла Петровича формируется понимание того, как он хотел бы преобразовать свою великокняжескую резиденцию. Будущий император представлял Сильвию не как некий *locus amoenus* – напротив, сад виделся ему официальной, парадной частью всей парковой территории. Характерной особенностью всех загородных резиденций было функциональное зонирование, которое предполагало наличие нескольких самостоятельных частей, связанных воедино. Выделяли парадную часть, где были расположены основные места для увеселений и отдыха, хозяйственную часть, состоящую из сельскохозяйственных плантаций и мест содержания скота, а также лесные угодья, необходимые для охоты или получения строительного материала. Последовательное строительство на границе Сильвии и Зверинца павильонов Фермы, Птичника, Скотного двора, а также комплекса монастыря Св. Харлампия наделяло сад Сильвия парадной, торжественной функцией. Об этом говорит, в первую очередь, регулярный характер планировки, который в этот исторический период отождествлялся с монаршей властью. В предлагаемой статье на основе многочисленных архивных и иконографических материалов выдвигается гипотеза о сложном композиционном решении сада Сильвия, оставшемся нереализованным. Для подтверждения гипотезы используется метод компьютерной реконструкции исторической среды. На первом этапе в программе SketchUp были созданы 3D-модели архитектурных доминант. После этого в программе AutoCAD был разработан план, совмещающий расположение всех объектов планировки с горизонталями, которые характеризуют рельеф территории на период начала XVIII в. Затем путем совмещения отдельных элементов была создана виртуальная объемная модель. Последним, завершающим этапом стало наложение при помощи плагина рендеринга Enscape текстур, визуально напоминающих материалы, которые использовались при строительстве в контексте исторического периода.

Ключевые слова: ландшафтно-архитектурный комплекс, Сильвия, архитектурные сооружения, объемно-пространственная структура, компьютерная реконструкция

GARDEN SYLVIA IN GATCHINA AS PART OF AN UNREALIZED PLAN

**Bairamova
Varvara
Fedorovna**

Senior Lecturer, Institute
of Landscape Architecture,
Construction and Wood
Processing, Saint Petersburg
State Forest Technical
University named after
S. M. Kirov

5U, Institutsky lane, Saint
Petersburg, 194021, Russia

novator72@mail.ru

**Chebrakova
Maria
Yurievna**

Student, Saint Petersburg
State Forest Technical
University named after
S. M. Kirov

5U, Institutsky lane, Saint
Petersburg, 194021, Russia

maria.chebrakova@gmail.com

Citation:

Bairamova V. F.,
Chebrakova M. Y. Garden
Sylvia in Gatchina as part
of an unrealized plan.
Loci Imperiales, 2025, № 4,
pp. 36–47. (In Russian)

Received: June 1, 2025

Accepted: June 10, 2025

This article examines the architectural and landscape complex of the Sylvia Garden in the Gatchina Palace and Estate Museum and an attempt to computer-reconstruct the park environment at the end of the 18th century. From its inception, the Sylvia Garden, in its compositional structure, stood out significantly from the then-prevalent fashion for “natural” gardens. After traveling through Europe, Pavel Petrovich developed an understanding of how he wanted to transform his grand ducal residence. The future emperor envisioned Sylvia not as some kind of locus amoenus; rather, he envisioned the garden as the official, ceremonial part of the entire parkland. A characteristic feature of all country residences was functional zoning, which entailed the presence of several independent, interconnected parts. The garden was divided into a formal section, housing the main areas for entertainment and recreation, a utility section consisting of agricultural plantations and livestock areas, and forested lands necessary for hunting or obtaining building materials. The successive construction of the Farm, Poultry, and Cattle Yard pavilions, as well as the St. Charalambos Monastery complex, on the border between the Silvia Garden and the Menagerie, gave the Silvia Garden a ceremonial, formal function. This is evidenced, first and foremost, by the regular nature of the layout, which was associated with royal power during this historical period. Based on numerous archival and iconographic materials, a hypothesis is advanced regarding the complex compositional design of the Silvia Garden, which remained unrealized. To confirm this hypothesis, a computer reconstruction of the historical environment is used. In the first stage, 3D models of the dominant architectural features were created in SketchUp. Following this, a plan was developed in AutoCAD, aligning the locations of all planning objects with contour lines characterizing the terrain of the area in the early 18th century. A virtual 3D model was then created by combining individual elements. The final step involved applying textures using the Enscape rendering plugin, visually resembling the materials used during construction within the historical context.

Keywords: architectural and landscape complex, Sylvia, architectural structures, volumetric-spatial structure, computer reconstruction

В конце XVIII в. по инициативе великого князя Павла Петровича в Гатчинской резиденции начинает создаваться сад Сильвия, коренным образом отличающийся по своему планировочному и композиционному решению от Дворцового парка, заложенного при Г. А. Орлове. В основу планировки нового сада были положены планы парка Шантийи, а архитектурные детали Сильвии были увидены Павлом Петровичем в трактате Огюстена-Шарля д'Авиле¹. Но объемно-пространственные решения, как и композиционная структура этого участка парка, выстраивались постепенно, по мере функционального развития и появления новых построек. В силу этих обстоятельств, а также в связи с внезапным окончанием строительства, сад Сильвия и сохранившиеся постройки Фермы и Птичника не рассматриваются в настоящее время как единый замысел государственного масштаба. В ходе исследовательской работы, проведенной в рамках проекта ГМЗ «Гатчина» «Гатчинская стипендия», на основе архивных и иконографических материалов были проанализированы этапы формирования ландшафтного района Сильвии и предпринята попытка реконструировать, при помощи современных компьютерных технологий, среду на начало XIX в. и визуализировать нереализованный проект.

За всю историю становления и развития сначала великокняжеской, а затем уже и императорской резиденции Сильвия в означенных границах переживала различные периоды – от бурного строительства до полного забвения. В основу анализа этапов формирования легла оценка изменений, определяемых по совокупности критериев, таких как границы территории и ведомственная принадлежность.

Первые постройки в рассматриваемых границах Сильвии относятся ко времени создания дворцового парка: «Для распилки дерева на окраине сада была построена пильная мельница (она впервые упомянута в 1768 г. в камер-фурьерском журнале в связи с ее осмотром Екатериной II)»². Императрица не единожды посещала пильную мельницу – не только для наблюдения за строительством зданий, но и для развлечений, вместе со свитой, о чем свидетельствуют записи в журнале: «Май 1769 г.: „...следовать соизволили пешком, для прогуливания, около лежащего озера и других увеселительных мест <...> и в зверинец, и к пильной мельнице“»³.

Начало строительства непосредственно сада Сильвии следует относить к 1792 г., о чем говорится в приходно-расходных документах Гатчинского дворцового управления. Почти десять лет велись активные работы по созданию планировочной структуры сада, архитектурных сооружений и посадкам растений. Датой окончания формирования Сильвии как самостоятельного ансамбля в рамках данного исследования необходимо

- 1 *D'Aviler Ch. A.* Cours d'Architecture qui comprends les Ordres de Vignole. Paris, 1691. T. 1. Pl. 43.
- 2 *Спацанский А. Н.* Гатчина во второй половине XVIII века: рождение резиденции. СПб., 2019. С. 50.
- 3 Там же. С. 58.

считать 11 апреля 1801 г. Именно в этот день подписан документ, впервые опубликованный Н. М. Яцук, — распоряжение Александра I: «Государю Императору благоугодно было высочайше повелеть, чтобы ассигнованные из Кабинета Его Величества суммы на построение в Гатчино монастыря 119 710 руб. и на постройку балкона, каменных мостов и проч.: 55 172 [руб.] отпуском остановить, о чем Кабинет Его Императорского Величества Гатчинское городовое правление к надлежащему сведению и уведомляет, с тем, что с остановлением сих сумм должны быть остановлены и те работы»⁴. Хотя отдельные виды работ проводились в разных частях Сильвии еще в течение нескольких лет, более никто из владельцев Гатчины не рассматривал Сильвию как композиционно целостный архитектурно-парковый комплекс.

В научной литературе многократно отмечалось, что в качестве образца для планировочной организации нового участка Гатчинского парка были использованы архитектурные чертежи Малого парка Шантийи. Однако, несмотря на все заимствования, гатчинская Сильвия представляет собой результат творческого переосмысления и адаптации французских композиционных решений к условиям России.

Малый парк в Шантийи, резиденции принцев Конде, начал создаваться в 1720-е гг. Анализ картографических материалов свидетельствует, что за несколько десятилетий, с начала строительства до 1782 г. — времени визита в поместье графа и графини Северных, планировка и наполнение боскетов несколько раз менялись. До 1720 г. территория будущего Малого парка представляла собой лесистый участок к востоку от замка, между Большим каналом и садом у павильона Сильвии. Здесь во времена Людовика XIII был построен небольшой дом, скорее всего, служивший местом отдыха во время охоты. В те времена, когда Шантийи владел Людовик II де Бурбон-Конде, вокруг старого дома были созданы цветники. Обширная деловая переписка Великого Конде свидетельствует: принц буквально скупал для своих садов различные модные в то время растения, в основном луковичные. Посредником в торговых операциях и консультантом практически всегда выступал адвокат и большой любитель ботаники Анри Кабу. Ему было позволено создать цветочный сад рядом с королевским павильоном, который впоследствии был назван в честь создателя — «Кабутьер» (*La Caboutiere*)⁵. Вероятно, в это же время неподалеку была высажена роща кенконс. Сад с трех сторон был огорожен невысокой стеной.

Лес будущего Малого парка пересекали дороги. Одна, проходившая вдоль Большого канала, вела в деревню Авийи Сен-Леонар, центральная являлась продолжением оси террасы, построенной коннетаблем Монморанси, третья вела к «Кабутьеру». Эти дороги легли в основу

4 Отпуски отчетам в Кабинет императора и к обер-гофмейстеру графу Тизенгаузену. 1801 // РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 651. Л. 35. Цит. по: Яцук Н. М. Харлампиев монастырь — нереализованный замысел императора Павла I // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций. СПб., 2012. С. 295–311.

5 *Macon G. Chantilly et le Musée Condé. Paris. 1910. C. 79.*

планировки Малого парка, предложенной Николя Бретейем, и стали называться аллея Доблести, аллея Короля и аллея Кенконса соответственно. Образовавшийся треугольник делился поперечными дорогами, берущими начало в парке Сильвия, на несколько боскетов. Практически все они использовались как изолированные спортивные и игровые залы. Документы разных лет свидетельствуют, что игры и оборудование площадок внутри боскетов менялись, как только игра выходила из моды. Архитектурных сооружений в боскетах не было, что, видимо, позволяло в короткий срок изменить планировку с учетом нового функционала. К середине 1770-х гг. площадки для всевозможных игр стали использоваться значительно реже. Отчасти это объясняется тем, что в 1757 г. в большом парке, недалеко от главного входа в поместье, был построен отдельный крытый двухэтажный павильон Жё-де-пом (Jeu de paume), с несколькими спортивными залами⁶. Появление нового игрового пространства, оборудованного по последнему слову техники, привело к частичной утрате планировки Малого парка и слиянию его с парком Сильвии. В 1791 г. Жак Мериго издал путеводитель по садам Шантийи, в котором упоминал посещение поместья будущим российским императором. Путеводитель также сопровождался подробным планом садов⁷. Вероятно, Мериго описывал их по памяти, так как во времена Великой французской революции замок и сады значительно пострадали. Тем не менее, из описания и приложенного плана видно, что автор не выделяет Малый парк как самостоятельный ландшафтный район, а характеризует его как часть сада Сильвии – вероятнее всего, таким его видели Павел Петрович и Мария Федоровна.

Образы Шантийи послужили прототипом для здания Фермы, которое строилось в гатчинской Сильвии предположительно в 1796 г. и первоначально именовалось Фазанерия. Свидетельством тому служит наиболее полное описание Гатчинского имения, составленное Б. Кампенгаузенем: «Парк Сильвия, который от английского сада отделяет каменная ограда и решетка, содержит в себе много приятных мест для прогулок и каменный фазанник, еще не до конца заверченный»⁸. Постройка, имя которой было дано из-за оформления конька крыши скульптурой фазана, рассматривалась не как строение для хозяйственных целей, а как павильон для отдыха.

В парках Шантийи со времен коннетабля Монморанси существовало несколько домов для содержания фазанов, которых выпускали во время королевской охоты. Все фазанники располагались к северу от замка, на границе с охотничьими угодьями. Там же, рядом с Зверинцем,

6 *Горохов В. А.* Сады и парки Парижа. Замки Луары. М., 2016. С. 466.

7 *Mérimot J.* Promenades ou Itinéraire des jardins de Chantilly, orné d'un plan et de vingt estampes qui en représentent les principales vues, dessinées et gravées par Mérimot. Paris, 1791 (sans pagination). URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10558745> (дата обращения: 22.09.2025).

8 *Кампенгаузен Б.* Середина 1790-х годов // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век: 1712–1801. СПб., 2006. С. 166.

во времена Великого Конде был построен изящный павильон Молочня, служивший местом кратковременного отдыха во время длительных прогулок⁹. В Гатчине богатая отделка Круглого зала Фазанерии, обставленного мебелью из красного дерева и увенчанного бронзовой позолоченной люстрой, дает исследователям основание предполагать, что именно Молочня Шантий стала тем оригиналом, который творчески переработали в гатчинской Сильвии при создании Фермы. Однако обращает внимание выбранное место для строительства Фазанерии и ориентация фасадов павильона по отношению к другим элементам создаваемого сада. Парадный фасад Фазанерии смотрит на реку Колпанку, которая в то время еще не входила в границы сильвийского сада. Это указывает на то, что уже на начальном этапе строительства Сильвии прослеживается будущая композиция всех архитектурных сооружений в этом ландшафтном районе.

Во время визита в резиденцию Луи-Жозефа Людовика V де Бурбон-Конде граф и графиня Северные участвовали в охоте и посетили во время праздника сады, созданные Андре Ленотром и Николя Бретейем. В Шантийи гости познакомились со всеми модными садовыми тенденциями, царившими в Европе, в частности с прекрасным образцом англо-китайского сада, спроектированного Жаном-Франсуа Леруа. На территории этого нового сада, находившегося за границами Малого парка, размещалась живописная деревня, созданная по образцу нормандских ферм. Внешне дома выглядели как простые крестьянские жилища, но богато отделанные внутренние интерьеры предназначались для проведения концертов, фуршетов и других разнообразных развлечений. Однако для строительства в Гатчине Павел Петрович выбирает планы не новомодной *ferme ornée* (украшенной фермы), а Малого парка.

Сильвия в Гатчине, как и Сильвия в Шантийи, должна была служить местом увеселительных прогулок и выполнять репрезентативную функцию. Характер планировочной организации гатчинской Сильвии ясно указывает на подобное использование этой территории, практически полностью исключая другие виды деятельности. Но из всего вышеизложенного можно заключить, что развитие нового сада велось по определенному сценарию, разработанному самим Павлом.

С момента получения Гатчины в дар великий князь Павел Петрович занимается ее устройством, желая создать образцовое имение, приносящее солидный доход. Кроме того, будущий император рассматривал свои занятия по организации Гатчинской мызы как опыт государственного правления. Являясь поместным дворянином, Павел в первую очередь уделяет внимание жизни крестьян, благоустраивает город, занимается возведением промышленных, учебных, религиозных и иных сооружений. Будучи стеснен в средствах, он не может развивать гатчинские парки с художественной точки зрения и ограничивается поддержанием в порядке территории, освоенной еще при Орлове. Однако после

9 Macon G. Chantilly et le Musée Condé. P. 163.

европейского турне у Павла Петровича формируется понимание того, как он хотел бы преобразовать свою великокняжескую резиденцию. Будущий император подразумевал прежде всего экономическое развитие Гатчинской мызы, а потому не мыслил Сильвию декоративным, «игрушечным» местом – сад Сильвия, вероятнее всего, виделся ему официальной, парадной частью всей парковой территории.

По сложившейся многовековой традиции, загородные резиденции имели функциональное зонирование, которое предполагало несколько самостоятельных частей, связанных воедино образом жизни владельца: «...земледельцы должны стремиться к двум целям: к пользе и к удовольствию. Польза требует того, что доходно; удовольствие – того, что приятно...»¹⁰ Выделяли парадную часть, где были расположены основные места для увеселений и отдыха, хозяйственную часть, состоящую из сельскохозяйственных плантаций и мест содержания скота, а также лесные угодья, необходимые для охоты или получения строительного материала.

Сад Сильвия, следуя этой логике, относился к парадной части, предполагающей разнообразный отдых. Об этом говорит, в первую очередь, регулярный характер планировки, который в этот исторический период отождествлялся с монаршей властью. Косвенно на будущую роль Сильвии как представительной части резиденции указывает тот факт, что одновременно со строительством нового сада доступ в орловский Английский сад со стороны дворца был ограничен. Строения Птичника, Скотного двора и Пильной мельницы относились к хозяйственной функциональной зоне. Планировочную связь со Зверинцем и Английским садом можно рассматривать как развитие лесной функциональной зоны образцового загородного имения. Декоративные деревни, получившие большую популярность в Европе, не прельщают Павла, и Сильвия, возникшая изначально как часть игры, с его восшествием на престол приобретает совершенно иное значение. Здесь планируются и начинают строиться серьезные, отвечающие своему функциональному назначению архитектурные сооружения, говорящие о изменившемся подходе.

Общая площадь территории Сильвии в границах первоначального замысла составляла ориентировочно 27 га и включала в себя комплекс построек Фермы, Птичника и Наумахии, лесной массив Сильвийского сада и часть приграничного лесного массива Зверинца, а также водные пространства реки Колпанки.

Объемно-планировочные решения и композиционная структура этого участка парка, как говорилось выше, выстраивались постепенно, и периодом композиционной целостности можно считать появление основных строений и монастыря Св. Харлампия – главной архитектурной доминанты.

После сооружения Фермы, в 1797 г. в обозначенных границах первоначального замысла было инициировано строительство пока еще деревянного Птичьего двора. Создание каменного Птичника началось

¹⁰ Варрон. Сельское хозяйство. М.; Л., 1963. С. 32.

только в ноябре 1799 г. Это время ознаменовано назначением в Гатчину архитектора Андреяна Дмитриевича Захарова. Его привлечение к обширному строительству в резиденции связано не только с нехваткой специалистов для реализации всех амбициозных идей императора. Вероятно, Захаров был представлен государю как человек, имеющий достаточный опыт, прекрасное европейское образование и способный решить поставленные задачи. Поэтому, помимо строительства Птичника, архитектору впоследствии было поручено разработать и остальной комплекс зданий. Так, к Ферме добавляются постройки с похожим функционалом, но выполненные с особым архитектурным изяществом.

Предположения о композиционной связи комплекса Птичника с Сильвийским садом впервые были выдвинуты в 1958 г., в исторической справке к проекту реставрационного ремонта здания Птичника: «Можно признать действительным первоначальное включение Птичника в ансамбль Сильвии, т. к. с системой расположенных перпендикулярно друг к другу просек Зверинца Птичник вообще никоим образом не связан. Но даже на самых ранних из предлагаемых генеральных планов композиционная связь Птичника с Сильвией нечетко выражена. Единственное, что можно признать композиционно значимым, — это фронтальное расположение лицевого фасада Птичника по отношению ко дворцу...»¹¹ На основании этой гипотезы, участок имеет следующие границы (включающие территорию Птичника): с южной стороны — Красноармейский проспект, с северной — Птичный мост и ограда Сильвии, с восточной — Сильвийские ворота, с западной — Пильная дорога.

В 1797–1798 гг., по инициативе главноуправляющего Гатчинским городским управлением Петра Хрисанфовича Оболянинова, архитектор и тайный советник Николай Александрович Львов строит на реке Колпанке плотину с каскадом, тем самым меняя русло реки и образуя озеро, которое позднее станет называться Птичным. Рабочие чертежи Львова не сохранились, но в первом Кушелевском альбоме представлен вид Каскада, обрамленного лестницами.

По мнению исследователей, в Кушелевском альбоме с высокой точностью зафиксированы все изменения, происходившие в Гатчинском парке в конце XVIII в. На акварели¹² тщательно прорисованы детали: фрагмент Фермы и Сильвийских ворот, оформление «диким» камнем арок каскада, искусственно руинированные колонны вдоль лестниц и подковообразное сооружение в прибрежной линии. Миниатюрный бассейн в виде колокола предположительно был выполнен также Н. А. Львовым. Это изящное сооружение служило оформлением родника — одного из естественных источников, питающих Колпанку.

11 Птичник. Проект реставрационного ремонта здания. Л., 1958. Т. 1. Исходные данные. Кн. 2. Историческая записка // Научный архив ГМЗ «Гатчина». Д. 680. С. 5–6.

12 Вид каскада. План Ботанического сада. Из Атласа Гатчинскому дворцу // ГМЗ «Гатчина». ГДМ-37-ХІ.

Старшая дочь архитектора Елизавета Николаевна Львова оставила воспоминания о том, как возникла идея оформления Каскада и ключа: «... он (Н. А. Львов. – *В. Б., М. Ч.*) представил, что быстрый ручей разрушил древний храм, которого остатки, колонны и капители разметаны были по местам, а иные, в половину разрушенные, еще существовали»¹³. В начале XX в. эти романтические руины и бассейн вокруг ключа были названы Наумахией (Навмахией), название закрепилось и используется до сих пор¹⁴. Императрица Мария Федоровна в письме Е. И. Нелидовой отмечает преобразования, осуществленные Н. А. Львовым: «Гатчина стала много красивее, часть около каскада сделалась очаровательной»¹⁵.

Вследствие преобразований Колпанка и искусственное озеро становятся своеобразной композиционной осью, вокруг которой формируется комплекс зданий. Кроме Фермы и Птичника, в долине реки на границе со Зверинцем начинает строиться Скотный двор. Впервые о содержании в этой местности коров упоминается в распоряжениях П. Х. Оболянинова от апреля 1797 г.: «...в Сильвии молошник учредить для приезда, на что особо лучших коров выбрать»¹⁶. Чертежи и архитектурные рисунки фасадов Скотного двора, вновь утвержденные Павлом I осенью 1800 г., демонстрируют те же приемы декоративного решения фасадов, что и другие постройки в долине реки Колпанки.

В ноябре 1800 г. Павел I издает указ о создании в Гатчине, между Сильвией и Пильной мельницей, монастыря во имя св. Харлампия. Разработка проекта и контроль за строительством поручаются Андреяну Захарову. По мнению исследователей, Харлампиев монастырь был заложен императором в память об отце – императоре Петре III, родившемся в день святого мученика Харлампия. Архитектурное решение этого культового сооружения весьма необычно для А. Д. Захарова: «...проект монастыря святого Харлампия является редким примером обращения архитектора к приемам средневековой архитектуры и свидетельствует о влиянии на его творчество романтизма»¹⁷.

Влияние романтизма, о котором говорит и В. К. Шуйский, характеризуя творчество Захарова¹⁸, остро ощущается во всем архитектурно-парковом комплексе Сильвии: в большом разнообразии образов внутри сада, в противопоставлении композиционных решений Сильвии ландшафтам Белого озера. Открытые водные пространства сменялись густыми посадками, высокая плотность дорог и насыщенность леса площадками разнообразного назначения противопоставлялись длинным неспешным

13 Рассказы, заметки и анекдоты из записок Елизаветы Николаевны Львовой // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М., 1988. С. 406.

14 *Астаховская С. А.* Навмахия в Гатчинском парке // Официальный сайт ГМЗ «Гатчина». URL: <https://gatchinapalace.ru/special/publications/navmahia.php> (дата обращения 30.01.2025).

15 Письмо императрицы Марии Федоровны Е. И. Нелидовой. 23 августа 1799 г. // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век: 1712–1801. С. 217.

16 Распоряжения П. Х. Оболянинова о приготовлениях в Гатчине по случаю приезда императора в мае 1797 года // Там же. С. 184.

17 *Яцук Н. М.* Харлампиев монастырь – нереализованный замысел императора Павла I. С. 297.

18 *Шуйский В. К.* Андрей Захаров. Л., 1989. С. 67.

прогулочным маршрутам. Визуальные связи в Сильвии ограничивались протяженностью аллей, тогда как пейзажные картины Белого озера выстраивались за счет глубоких перспектив и панорамного обзора. В целом ансамбль Сильвии формируется под влиянием личных предпочтений и эмоциональных переживаний по мотивам странствий заказчика и представляет собой самостоятельную, рассчитанную на высокую посещаемость объемно-пространственную структуру со своим функциональным зонированием.

На основании всего вышеизложенного, в рамках проведенного нами исследования была разработана трехмерная модель — историческая реконструкция приграничной территории Сильвии и Зверинца, которая создавалась с опорой на план садов Гатчины, хранящийся в Российской национальной библиотеке¹⁹, с наложением рельефа. Архитектурные доминанты смоделированы в натуральную величину по проектным архитектурным чертежам А. Д. Захарова, хранящимся в архиве Гатчинского дворца-музея²⁰, а также по чертежам из книги «Французский подарок русскому императору: Архитектурные альбомы Шантийи и Гатчины»²¹. Моделирование осуществлялось при помощи программ AutoCAD, SketchUp и плагина рендеринга Enscape.

На первом этапе в программе SketchUp были созданы 3D-модели архитектурных доминант. После этого в программе AutoCAD был разработан план, совмещающий расположение всех объектов планировки с горизонталями, которые характеризуют рельеф территории на период начала XVIII века. Затем путем совмещения отдельных элементов была создана виртуальная объемная модель. Последним, завершающим этапом стало наложение при помощи плагина рендеринга Enscape текстур, визуально напоминающих материалы, которые использовались при строительстве в контексте исторического периода. ① ②

Таким образом, для подтверждения выдвинутой гипотезы была создана виртуальная парковая среда, обладающая композиционной целостностью. Реконструкция исторической среды на основе историко-архивных данных при помощи компьютерных технологий позволит определить место Сильвии в пространственной структуре парка на стадии замысла. На основании полученной модели можно разработать программу дальнейшего развития территории и использовать разработанную модель в экспозициях музея-заповедника.

- 19 Мандерштерн К. Е. План Гатчины, снятый в 1816 г. под руководством обер-квартирмейстера Гвардейского корпуса полковника Мандерштерна Гвардейского генерального штаба штабс-капитаном князем Голицыным 1-м и Окуновым, подпоручиком Бурцовым и колонновожатым Мятлевым. 1816 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 550. ОР F.IV.303.
- 20 Захаров А. Д. Проект монастыря св. Харлампия для Мальтийских рыцарей. 1800 // ГМЗ «Гатчина». ГДМ-399-ХII; *Неизв. автор*. Фасады скотного двора. 1800 // Там же. ГДМ-436-ХII.
- 21 Французский подарок русскому императору. Архитектурные альбомы Шантийи и Гатчины. М., 2016.

REFERENCES

- Astakhovskaya S. A. *Naumachia v parke Gatchiny* [Navmakhia in Gatchina Park] // Official website of the Gatchina Palace and Estate Museum. URL: <https://gatchinapalace.ru/special/publications/navmahia.php> (accessed: 01.30.2025) (In Russian)
- Un cadeau français pour l'Empereur russe. Albums architecturaux de Chantilly et Gatchina.* Comp. S. A. Astakhovskaya, M. Deldik, T. A. Dudina. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2016. 174 p. (In Russian)
- Gorokhov V. A. *Sady i Parki Parizha. Zamki Luary* [Gardens and Parks of Paris. Castles of the Loire]. Moscow, Kvarta Publ., 2016. 648 p. (In Russian)
- Macon G. *Chantilly et le Musée Condé*. Paris, H. Laurens, 1910. (In French)
- Mérigot J. *Promenades ou Itinéraire des jardins de Chantilly, orné d'un plan et de vingt estampes qui en représentent les principales vues, dessinées et gravées par Mérigot*. Paris, Desenne, Gattey, Guyot, Hédouin's, 1791. 61 p. (In French)
- Spaschansky A. N. *Gatchina vo vtoroy polovine XVIII veka. Rozhdenie rezidencii* [Gatchina in the second half of the 18th century. Birth of the residence]. St. Petersburg, Paritet Publ., 2019. 384 p. (In Russian)
- Varron. *Sel'skoe hoziaystvo* [Agriculture]. Translated by M. E. Sergienko. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 218 p. (In Russian)
- Shuisky V. K. *Andreyan Zakharov*. Leningrad, Lenizdat, 1989. 190 p. (In Russian)
- Yatsuk N. M. *Kharlampiev Monastyr' – nerealizovanny zamysel imperatora Pavla I* [Kharlampiev Monastery – the unrealized plan of Emperor Paul I]. In the shadow of the august persons. The informal life of imperial residences: materials of the conference. St. Petersburg, Soyuz-Design Publ., 2012, pp. 295–311. (In Russian)

❶ Байрамова В. Ф., Чебракова М. Ю.
Вид от руинного моста на долину реки
 Трехмерная модель
 2024

❷ Байрамова В. Ф., Чебракова М. Ю.
Вид от Фермы на Скотный двор
 Трехмерная модель
 2024

«БЕЗЖАЛОСТНОЕ ИСКАЖЕНИЕ ЗДАНИЯ»: ОБЛИК И БЫТОВАНИЕ БОЛЬШОЙ ОРАНЖЕРЕИ ПЕТЕРГОФА

**Гаркуша
Ольга
Михайловна**

Специалист по музейным исследованиям,
Государственный музей-заповедник «Петергоф»

Россия, 198516, Санкт-Петербург, г. Петергоф,
ул. Разводная, д. 2

garkusha.olya@gmail.com

Цитирование:

Гаркуша О. М.

«Безжалостное искажение здания»: облик и бытование Большой оранжереи Петергофа // *Loci Imperiales*. 2025. № 4. С. 48–79.

Поступила в редакцию:

5 ноября 2025 г.

Рекомендована к печати:

28 ноября 2025 г.

Большая оранжерея в Нижнем парке Петергофа – старейшая сохранившаяся до наших дней оранжерея в России. Она была построена еще при жизни Петра I, в 1722–1725 гг., и вплоть до 1941 г. использовалась по первоначальному предназначению – для хранения и выращивания растений, украшавших сады и дворцы Петергофа. «Безжалостным искажением здания» назвал в 1952 г. архитектор В. М. Савков все перестройки, осуществленные его предшественниками в XVIII–XIX вв. В предложенном им и впоследствии осуществленном проекте послевоенной реставрации все изменения архитектурного облика, возникшие в процессе бытования, были объявлены «отрицательным явлением» и удалены. Решение, благодаря которому Большая оранжерея вернула себе облик петровского времени, но утратила следы последующей эволюции, даже тогда не было ни однозначным, ни безальтернативным. С 1944 г. возникали различные варианты приспособления и восстановления объемов здания, предусматривавшие сохранение архитектурных вариаций второй половины XVIII–XIX в. Целью данной работы является реконструкция истории бытования Большой оранжереи как центробразующего ядра обширного садового хозяйства, а изменения ее архитектурного облика рассматриваются в контексте ее функционирования как утилитарной постройки. Сопоставление «хроник искажения здания» с историей развития петергофского дворцового садоводства осуществляется на основании архивных источников, часть из которых вводится в научный оборот впервые. Также в рамках исследования предпринимается попытка проследить развитие концепции возвращения Большой оранжереи ее первоначального облика – первые проблески этой идеи относятся еще к 1920-м гг.

Ключевые слова: оранжерея, реставрация, Петергоф, история садоводства

“MERCILESS DISTORTION OF THE BUILDING”: APPEARANCE AND EXISTENCE OF THE GREAT ORANGERIE IN PETERHOF

**Garkusha
Olga
Mikhailovna**

Researcher, The Peterhof
State Museum Reserve

2, Razvodnaya st., Peterhof,
St. Petersburg, 198516, Russia

garkusha.olya@gmail.com

Citation:

Garkusha O. M. “Merciless distortion of the building”: appearance and existence of the Great Orangerie in Peterhof. *Loci Imperiales*, 2025, № 4, pp. 48–79. (In Russian)

Received: November 5, 2025

Accepted: November 28, 2025

The Great Orangery in the Lower Park of Peterhof is one of the oldest preserved greenhouses in Russia. It was built during the lifetime of Peter the Great, in 1722–1725, and until 1941 it was used for its original purpose – to store and grow exotic plants that were used for decoration of the gardens and palaces of Peterhof. In 1952, architect V. M. Savkov called all the reconstructions carried out by his predecessors in the XVIII–XIX centuries “Merciless distortion of the building”. In the post-war restoration project proposed by him and subsequently implemented, all the changes in the architectural appearance that arose in the process of existence were declared a “negative phenomenon” and removed. The decision, thanks to which the Great Orangery regained the appearance of Peter the Great’s time, but lost the traces of subsequent evolution, was neither unambiguous nor uncontested even then. Since 1944 there were various options for adapting and restoring the volumes of the building, providing for the preservation of architectural variations of the second half of the XVIII–XIX centuries. The purpose of this work is to reconstruct the history of the Large Greenhouse as the central core of an extensive garden economy, and the changes in its architectural appearance are considered in the context of its functioning as a utilitarian building. The comparison of the “chronicles of the distortion of the building” with the history of the development of Peterhof palace gardening is undertaken on the basis of archival sources, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time. The study also attempts to trace the development of the idea of returning the Great Orangery to its original appearance, the first glimpses of which date back to the 1920’s.

Keywords: orangery, greenhouse, restoration, Peterhof, history of gardening

Большая оранжерея в Нижнем парке Петергофа относится к числу самых ранних каменных построек дворцово-паркового ансамбля. Одновременно это старейшая сохранившаяся до наших дней оранжерея в России¹. Она была построена еще при жизни Петра I, в 1722–1725 гг., и вплоть до 1941 г. использовалась по первоначальному предназначению – для хранения и выращивания растений, украшавших сады и дворцы Петергофа. Ее современный облик стал результатом решений, принятых во время послевоенной реставрации по проекту В. М. Савкова, которому принадлежат слова о «безжалостном искажении здания». Так он охарактеризовал все перестройки, производившиеся во второй половине XVIII – начале XX в.

Исследования, посвященные Большой оранжерее, крайне немногочисленны и, как правило, включены в состав масштабных работ по истории петергофского ансамбля в целом. В них оранжерея рассматривается главным образом как произведение архитектуры и в первую очередь как, по выражению архитектора В. М. Савкова, «прекрасный памятник Петровской эпохи из плеяды Марли, Эрмитажа и Монплезира»². В работах Н. И. Архипова, А. Г. Раскина, С. Б. Горбатенко³ подробно описан ход строительства в 1722–1725 гг., обозначены различные предположения об авторе проекта и возможных прототипах постройки, особое внимание обращено на подчеркнуто парадный облик здания. Рефлексия архитектурной эволюции постройки отражена в исторических справках к проектам послевоенной реставрации⁴, хранящимся в Ведомственном архиве ГМЗ «Петергоф»: проектных заданиях, составленных главным хранителем Н. Н. Федоровой в 1951 г.⁵ и В. М. Савковым в 1952 г.⁶ При их составлении авторы, вероятно, сознательно ограничили круг источников избрательными материалами: выводы представлены в виде фиксации тех или иных изменений внешнего облика здания, отраженных на чертежах, и не подкрепляются иными документальными источниками. Часть датировок и описаний произведенных изменений в архитектуре носят ошибочный характер, часть значимых изменений опущена. Текст к проектному заданию В. М. Савкова, кроме того, носит выражено критический характер. Помещенные вне контекста бытования, все метаморфозы архитектурного облика трактуются исключительно как искажения первоначального замысла и прямо объявляются «отрицательным явлением»: «Не разрушения, нанесенные пожаром военного времени,

- 1 *Раскин А. Г.* Отзыв на историческую справку Н. И. Архипова «Монплеизирский сад в Петергофе. Большие оранжереи» // Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. СПб., 2016. С. 376.
- 2 Оранжерея в Нижнем парке, г. Петродворец, 1952 г. // ГМЗ «Петергоф». Ведомственный архив. Р-133. Л. 21.
- 3 *Архипов Н. И., Раскин А. Г.* Петродворец. Л., М., 1961. С. 124–126; *Горбатенко С.* Архитектурные маршруты Петра Великого. СПб., 2015. С. 220–221, 312.
- 4 *Федорова Н. Н.* Проектное задание // ГМЗ «Петергоф». Ведомственный архив. Р-95; Оранжерея в Нижнем парке, г. Петродворец, 1952 // Там же. Р-133.
- 5 *Федорова Н. Н.* Проектное задание.
- 6 Оранжерея в Нижнем парке, г. Петродворец, 1952 г. Л. 21.

являются причиной искажения здания, а многочисленные перестройки, которым подвергалась оранжерея...»⁷

Наиболее полно история строительства оранжереи была освещена в исторической справке, составленной Н. И. Архиповым в 1957 г. и опубликованной в сборнике его трудов 2016 г.⁸ В этой работе автор, кратко касаясь истории здания в XIX в., приводит также отдельные архивные свидетельства, касающиеся бытования постройки и прилегающего к ней участка. Отдельные сведения о функционировании Большой оранжереи приведены в статьях О. В. Волковой, посвященных истории петергофского теплично-оранжерейного хозяйства⁹. Однако в целом, освещение основной — хозяйственной — функции оранжереи в исторической ретроспективе, как правило, ограничено в литературе предельно лаконичным описанием: «Она предназначалась для выращивания редких привозных цветов и хранения в зимнее время экзотических растений, которые летом выставлялись в горшках и кадках для украшения дворцов, партеров, фонтанных бассейнов и гротов»¹⁰.

Непроработанность данной темы причудливым образом отразилась в историографии. В статье, посвященной археологическим изысканиям в Нижнем парке Петергофа, авторы включили в первоначальную планировку здания выявленные фундаменты флигелей, появившихся только во второй половине XVIII в.: «...внешний край утраченного юго-восточного угла оранжереи отстоял от ныне существующего на 26,15 м. Удвоив эту величину, несложно понять, что первоначальная длина здания Большой оранжереи была на 52,3 м больше современной»¹¹. Основываясь на этих данных, а также имеющихся в их распоряжении довоенных фотографиях, они выдвинули обвинения в «искажении» уже архитектору В. М. Савкову: «Однако самые серьезные изменения общих параметров комплекса произошли в годы послевоенной реконструкции, проводившейся по проекту архитектора В. М. Савкова и законченной в 1954 г. В ходе работ западное и восточное крылья здания были существенно сокращены по длине, прилегающие теплицы демонтированы. Данную логику понять трудно, простой нехваткой средств это не объяснить»¹².

Отсутствие комплексных исследований по истории Большой оранжереи, которую демонстрирует обзор опубликованных и архивных работ, до настоящего момента не позволяет осмыслить место этого

7 Там же. Л. 9.

8 *Архипов Н. И.* Монплезирский сад в Петергофе. Большие оранжереи // Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. С. 366–373.

9 *Волкова О. Д.*: 1) Императорская флора петергофских дворцов // Жизнь дворца: публичное и приватное. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2014. С. 376, 377; 2) Оранжереи // Адреса Петербурга. 2017. № 63/77. С. 46, 51.

10 *Архипов Н. И., Раскин А. Г.* Петродворец. С. 124.

11 *Каргапольцев М. Ю., Каргапольцев С. Ю., Седых В. Н.* Памятники конца первой четверти XVIII в. По материалам археологических изысканий в Нижнем парке Петергофа // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 43: Петровское время в лицах — 2008. СПб., 2008. С. 146.

12 Там же. С. 142.

памятника в контексте большой истории Петергофского дворцово-паркового ансамбля. В данной статье предпринимается попытка заполнить эту лакуну. Для реализации замысла был избран жанр биографии здания (Building biography). Он появился в социальных науках как один из способов осмысления постархитектурного существования пространства¹³. В рамках жанра в анализ интегрировались результаты полевых исследований, позволявшие реконструировать картину взаимодействия здания и его жителей (посетителей), проследить их взаимовлияние, а также представить архитектурное сооружение – неодушевленное, но изменяющееся под влиянием обстоятельств – как актора этого процесса. В исторических дисциплинах этот жанр нашел применение в публикациях по археологии¹⁴ и исторической географии¹⁵, в которых к изучению эволюции архитектуры отдельного здания или комплекса привлекается широкий спектр сведений об истории быта и региональной истории. В контексте истории Большой оранжереи в Нижнем парке Петергофа данный жанр предполагает изучение бытования здания и взаимосвязи видоизменений постройки с функционированием хозяйственного комплекса петергофского ансамбля.

Теплично-оранжерейное хозяйство в Петергофе возникло на начальном этапе строительства резиденции. Известные на данный момент документы свидетельствуют о том, что к 1719 г. оранжереи уже существовали. Эти первые постройки, располагавшиеся, вероятно, неподалеку от Монплезира сада, были деревянными и выполняли исключительно хозяйственную функцию. Их конструкция, количество и точное местоположение неизвестны. В документах 1719 г. упоминаются «теплые ящики» и материалы «для делания» к ним «окончин» и ставен, а также зафиксировано требование садового мастера Л. Гарнихфельта: «для осмотра в Анжереех ночью порою свеч салных двойных болшой руки»¹⁶ (в оборудованных печами оранжереях, для поддержания стабильно высокой температуры, топка производилась круглосуточно, в том числе ночью).

- 13 Кияненко К. В. «Биография жилища» как концепт постархитектуры // Жилищные стратегии. 2020. Т. 7. № 3. С. 245–268. doi: 10.18334/zhs.7.3.111014
- 14 Ashmore W. Building Social History at Pueblo Bonito: Footnotes to a Biography of Place // The Architecture of Chaco Canyon, New Mexico. Salt Lake City, 2007. P. 179–198; Egbers V. The house as Process. A Biography of Building 10 in Monjukli Depe // Looking closely. The Excavations in Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Leiden, 2019. P. 107–132; Rogasch J. Biography of a Neolithic Storage Building: The Construction, Modification and Abandonment of Communal Storage and Communal Space at the Pottery Neolithic Settlement of Shir, Syria (6200–6100 BC) // Neo-Lithics. The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2011. № 2. P. 43.
- 15 McNeill D., McNamara K. The life and death of great hotels: a building biography of Sydney's "The Australia" // Transactions of the Institute of British Geographers, 2012. P. 149–163.
- 16 1719 г., марта 20. Письмо унтер-офицера С. К. Павлова князю А. М. Черкасскому о необходимых материалах для садовой работы по требованию огородника Л. Гарнихфельта // Петровский Петергоф в письмах и бумагах. СПб., 2022. (Серия «Петергофская летопись». III). Т. I. С. 299. № 190; 1719 г., ноября 3. Письмо унтер-офицера С. К. Павлова князю А. М. Черкасскому о необходимых свечах по требованию огородника Л. Гарнихфельта // Там же. С. 370–371. № 271.

Каменная Большая оранжерея должна была, вероятно, совместить в себе утилитарную и репрезентативную функцию. В описании дней Петра I эпизодически встречаются фрагменты вида: «гулял во аранжереях» (15 сентября, 8 октября 1714 г.)¹⁷, «изволили гулять в аранжереях»¹⁸, «Его Величество и Ее Величество изволили кушать в оранжерее нового Дому Ея Величества, что на Фонтанной речке» (21 марта 1723 г.)¹⁹. Возможно, что для такого же времяпрепровождения — отдыха и общения в узком кругу приближенных — строилась и Каменная оранжерея в Петергофе, подтверждением чему может служить ее исключительно парадный облик.

Началом ее истории принято считать указ Петра I от марта 1722 г.: «Аранжерею сделать, где огородник место назначил...»²⁰ Но уже в «Ведении» садового мастера Л. Гарнихфельта, датированном 30 октября 1721 г., было обозначено «Нынешнюю зимою надобно кирпич возить на строения каменных ранжерей»²¹.

Строительство здания под руководством Браунштейна началось в мае 1722 г.²² К июню 1723 г. были закончены стены и положены балки для крыши. В 1723–1724 гг. велись плотничные работы: изготавливались окна, двери, карнизы, балюстрады на крышу. В 1724 г., уже при участии М. Земцова, — штукатурные и наружные отделочные работы. Завершено строительство было осенью 1725 г., когда кровлю покрыли листовым железом, вместо положенной первоначально черепицы²³.

В плане здание представляет собой полуовал или дугу — к высокой центральной части оранжереи примыкают изогнутые галереи, завершающиеся одноэтажными павильонами. Здание развернуто в сторону Оранжерейного сада, расположенного перед его южным фасадом.

Обогрев оранжереи производился с помощью боровов²⁴ — кирпичных воздухопроводящих каналов, проложенных в уровень с полом, в которые горячий воздух поступал из печных топок. ❶ Впервые такой способ отопления был реализован в оранжерее сада в Челси в 1685 г.²⁵ и впоследствии применялся вплоть до конца XIX в., параллельно с паровым и водяным отоплением. При этом из-за низкой теплоемкости воздуха для поддержания стабильной температуры внутри оранжереи

- 17 1714 г., сентябрь 13-го // Походный журнал 1714 года. СПб., 1854. С. 130; 1714 г., октябрь 8-го // Там же. С. 135.
- 18 Журнал 1719 году // Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2000. С. 306.
- 19 1723 г., март в 21-й день // Походный журнал 1723 года. СПб., 1855. С. 10.
- 20 1722 г., март. Пункты Петра I о необходимых работах в Петергофе. 3-я редакция // Петровский Петергоф в письмах и бумагах. Т. II. С. 120.
- 21 1721 г., октября 30. Ведение садового мастера Л. Гарнихфельта со списком деревьев и кустарников, требующихся в Петергоф // Там же. С. 36.
- 22 Подробное описание строительства Большой оранжереи приведено в работе: *Архипов Н. И.* Монплезирский сад в Петергофе. Большие оранжереи. С. 363–366.
- 23 Там же. С. 364–365.
- 24 Каменная оранжерея в Нижнем парке. Разрез. XVIII в. // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив». ПДМП 474-ар.
- 25 *Головкин Б. Н.* История интродукции растений в ботанических садах. М., 1981. С. 19.

требовалось на протяжении всего холодного сезона круглосуточно топить печи. Это, в свою очередь, делало необходимым содержание в штате истопников, покупку свечей для освещения во время ночной топки и приобретение очень большого количества дров. В конце XVIII в. в «Каменной оранжерее... со флигелями» были описаны две печи и восемь «каналов с заслонами»²⁶.

Вторым важным условием для содержания растений был свет. В помещения оранжереи он поступал через высокие окна, расположенные на южном фасаде. Уровень освещенности в здании в условиях короткого светового дня, однако, не был достаточным. Уже в 1734 г. садовый мастер Гарнихфельт докладывал: «В имеющихся в Петергофе каменных оранжереях в зимнее время помещаются заморские разные деревья: померанцовые и фиговые, также цветные коренья и травы. Так как оные оранжереи поставлены близ горы и зимою солнце в них мало входит, то хранение чинится не без ущерба и лист некрепко держится»²⁷. Решением Гарнихфельт видел строительство еще одной оранжереи «по другую сторону Большого канала против Евина фонтана» – на месте, которое, по его утверждению, было показано ему самим Петром. Но в то время в постройке было отказано²⁸.

Свидетельства о работе оранжереи в эти годы оставили грузинский дипломат Вахтанг Орбелиани и известный немецкий ботаник, корреспондент и критик Линнея, Иоганн Георг Сигезбек²⁹, посещавшие Петергоф в 1735 г. Описание, вошедшее в сочиненную Орбелиани «Повесть о Петергофе», поэтичное и лишенное конкретики, фиксирует факт посещения автором петергофской Большой оранжереи: «И пошел я дальше и пришел к дому, где и в зимнее время деревья заморские диковинные стоят цветущими. И поразило меня там обилие и разнообразие цветов благоухающих и аромат, ими источаемый, райскому подобный»³⁰. Сигезбек, приехавший в Россию для работы в Аптекарском огороде, дал краткую характеристику оранжерейной флоры Петергофа во вступлении к изданию «*Primitae Florae Petropolitanae*»³¹. Следующим образом этот фрагмент пересказывается в истории Ботанического сада,

- 26 Опись состоящим в петергофских садах ранжереям, теплицам и в них имеющимся фруктовым деревьям и разным цветным кустам и колико число имеется материалов инструментов сего 1794 года // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 490. Оп. 1. Д. 834. Л. 136.
- 27 1734 г., 16 мая. Доношение садового мастера Гарнихфельта // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 83. Л. 457–457 об.; *Архипов Н. И.* Монплезирский сад в Петергофе. Большие оранжереи. С. 366.
- 28 1734 г., 20 мая. О доношении садового мастера Гарнихфельта // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 83. Л. 458; *Архипов Н. И.* Монплезирский сад в Петергофе. Большие оранжереи. С. 366.
- 29 *Сытин А. К.* Иоганн Георг Сигезбек // От кунсткамеры к травопознанию. Развитие ботаники в России в первой половине XVIII века. СПб., 2022. С. 197–202.
- 30 *Орбелиани В.* Повесть о Петергофе / Перевод, предисловие и комментарии И. Бахтадзе, Н. Димитриади // Литературная Грузия. 1985. № 3. С. 143.
- 31 *Siegesbeck J. G. G.* Primitae florae Petropolitanae sive catalogus plantarum tam indigenarum quam exotivum, quibus instructus fuit Hortus Medicus Petriburgensis per annum MDCCXXXVI. Rigae, 1736. S. III.

опубликованной в 1913 г.: «Еще больше было удивление, когда он увидел великолепную растительность в садах Летнего дворца и Петергофского. Его поразили тут цветущия пальмы (*Palma Maior et Minor*), высокие и красивые кофейные деревья с плодами, апельсины и лимоны, украшенные множеством плодов, какой-то крупный *Ficus* с сладкими плодами, множество Алое и разные другие деревья и кустарники. Все это помещается в оранжереях и содержится там круглый год, либо зимою»³².

Описание, составленное ботаником Сигезбеком, является одной из самых ранних фиксаций исторического растительного ассортимента Большой оранжереи. В тексте примечательно упоминание алоэ — с определенной долей вероятности можно предположить, что оно относилось к «кустам алоэ», доставка которых в Петергоф в 1723 г. отражена в источниках³³. Перекликается свидетельство Сигезбека и с ведомостью, составленной садовым мастером Гарнихфельтом в 1736 г.³⁴ В ней перечислено свыше 40 наименований различных растений, содержащихся в горшках и кадках, с указанием количества экземпляров. Среди них: цитрусовые («померанцы», «ситрон»), пальмы («палм»), пассифлора («флос посноналас»), кофейное дерево («кофей»), жасмин («шезмину»), юка славная («юка лариоза»), кипарис («цыпресу»), мирт («мертус»), тис («таксису»), лавровишня («Лаурос серазос»). Плодовые растения в списке представлены абрикосами и ананасами. Обращает на себя внимание количество экземпляров некоторых видов растений: лавр — 118 деревьев в кадках, тис — 107 деревьев в кадках, различные цитрусовые: 74 померанцевых дерева, 10 лимонов в кадках и 369 «здесьних прививок апалсинов, ситрон, памаранцов» в горшках. Всего по описи в оранжерее содержалось 429 крупных экземпляров растений в кадках и свыше 1800 — в горшках.

В 1740-х гг. вблизи Большой оранжереи были построены дополнительные здания, предназначенные преимущественно для плодовых культур. В 1741 г. — деревянная Померанцевая оранжерея, в 1745 г. — «поровая для ранних фруктов» и кофейная оранжерея. В 1750–1760-х гг. зафиксированы «огуречная, ананасная, абрикосная, сливная, зеленцовая и большая теплица»³⁵. Однако замечание Канцелярии от строений, отраженное в документах 1759 г., что в оранжереях «от заморских дерев, и от ростков, и от садков, тож и американских, и африканских трав излишество немалое число»³⁶, вновь свидетельствовало о нехватке площадей для содержания растений. Кроме того, активно эксплуатировавшиеся

32 Императорский С.-Петербургский Ботанический Сад за 200 лет его существования (1713–1913). СПб., 1913. Ч. I. С. 82.

33 1723 г., августа 6. Письмо обер-гофмейстера М. Д. Олсуфьева директору Канцелярии от строений У. А. Сенявину об отправке кустов алоэ для посадки в оранжереях Петергофа и Стрельны // Петровский Петергоф в письмах и бумагах. Т. II. С. 384.

34 По ведомости садового мастера Леонарда фон Гарнихфельта // РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 81. Л. 212–213.

35 *Архипов Н. И.* Монплезирский сад в Петергофе. Большие оранжереи. С. 367–368.

36 О продаже излишних деревьев в Дворцовых оранжереях // РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 646. Л. 2–3.

деревянные постройки быстро ветшали, к концу 1760-х гг. практически пришли в негодность и были демонтированы в 1770-х гг. Часть растений из снесенных деревянных оранжерей отправили в Петербург, а лучшие экземпляры померанцевых деревьев оставили в Петергофе³⁷. Для размещения оставшихся растений боковые флигели Большой оранжереи в 1769–1770-х гг. были расширены³⁸ 2. Значительно увеличилась площадь остекления южных фасадов перестроенных флигелей: широкие остекленные участки практически во всю высоту фасада (два ряда рам) перемежались с пилястрами. Такой Большая оранжерея зафиксирована на аксонометрическом плане П. А. Сент-Илера³⁹, созданном вскоре после перестройки здания, и чертежах Баженова⁴⁰ и Неелова⁴¹ конца XVIII столетия.

В расширенной пристройками Большой оранжерее, согласно спискам 1783 и 1794 гг., хранилось 100 различных наименований растений⁴². Меньшую часть ассортимента составляли плодовые культуры: яблони, груши, вишни, виноград. Плодовые растения в то время размещались преимущественно в теплицах за дворцом «Марли», в западной части ансамбля⁴³. Кроме того, в последней трети XVIII в. новый комплекс теплиц появился на территории недавно созданного Английского сада.

Содержавшиеся в Большой оранжерее декоративные растения использовали «на постановки» в центральной части петергофской резиденции: в Верхнем и Нижнем садах в партерах вблизи Большого дворца, у Монплезира, Римских фонтанов, Руинного каскада и в Оранжерейном саду у самой оранжереи⁴⁴. Количество растений «для декорации» в Большой оранжерее продолжало увеличиваться. В рапортах садового мастера Гомбеля от 1820 г. было зафиксировано уже 178 различных наименований растений, среди которых преобладали декоративные культуры⁴⁵. До конца 1840-х гг. Большая оранжерея оставалась единственной специализированной постройкой «для помещения оранжевых и фигурных деревьев»⁴⁶ в Петергофе, хотя во второй четверти XIX в. ее роль начала сокращаться.

Новым этапом в истории петергофской резиденции стало царствование Николая I. В первый год его правления, летом 1826 г., началось

37 *Архипов Н. И.* Монплезирский сад в Петергофе. Большие оранжереи. С. 368.

38 Каменная оранжерея в Нижнем парке Петергофа. План. XVIII в. // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив». ПДМП 475-ар.

39 *Сент-Илер П. А.* Аксонометрический план. Вид на оранжереи. 1772–1774 гг. // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив». ПДМП 4618/11-ар.

40 *Баженов.* Фасад и план оранжереи в Нижнем парке. 1796 г. // Там же. ПДМП 4620/15-ар.

41 *Неелов П. В.* Фасад Каменной оранжереи в Нижнем парке Петергофа, вид с юга // Там же. ПДМП 4619/11-ар.

42 Опись что имеется при Петергофского сада Ранжерее. 1783 г. // РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 830. Л. 104–107 об.; Опись состоящим в петергофских садах ранжереем, теплицам и в них имеющимся фруктовым деревьям и разным цветным кустам и колико число имеется материалов инструментов сего 1794 года // Там же. Д. 834. Л. 137–140.

43 *Архипов Н. И.* Монплезирский сад в Петергофе. Большие оранжереи. С. 368, 371.

44 11 мая, 1800 г. Рапорт садового мастера Залцмана // РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

45 Состояние оранжерей и теплиц в Петергофе в 1820 г. // Там же. Д. 311. Л. 5 об.–6 об.

46 О состоянии оранжерей и теплиц в Петергофе // Там же. Ф. 487. Оп. 8. Д. 8566. Л. 56 об.–57.

строительство нового ансамбля — Александрии. Созданный по мотивам английских парков, он включал малые сады вокруг дворца «Коттедж» и других построек, предполагавших обильное декорирование пространства экзотическими растениями. В дальнейшем территория императорской резиденции в Петергофе увеличивалась по мере создания Александрийского и Лугового парков, ансамбля Островов Колонистского парка. Для украшения новых участков дополнительно привлекали ресурсы оранжерей Знаменки⁴⁷, Михайловки⁴⁸, Императорского Ботанического сада⁴⁹. Возможности расширения полезных площадей комплекса Большой оранжереи, включенной в композицию центральной части Нижнего сада, к тому моменту уже были исчерпаны. Дальнейшее расширение дворцового теплично-оранжерейного хозяйства происходило благодаря строительству новых зданий в Английском парке — Английских оранжерей. К 1848 г. там была построена «Новая каменная цветочная» оранжерея, включавшая одно «Померанцевое зало», два «теплых отделения», и два «холодных отделения»⁵⁰.

Большая оранжерея, постепенно утратившая центральное положение в системе дворцового садоводства, тем не менее продолжала обеспечивать декоративными растениями прежние участки в Верхнем и Нижнем садах, а также поставляла часть растительных декораций для Александрии. Повысить эффективность здания, построенного в первой четверти XVIII в., были призваны локальные перестройки и реализация новых технических решений. Самые значительные изменения в облик здания были привнесены в первой половине XIX в. Они отражены на чертежах И. Шарлеманя⁵¹ ③ и И. Д. Дюсар де Невилья⁵², относящихся к 1830-м гг. ④ Хронологически первым из них является чертеж архитектора И. Шарлеманя, высочайше утвержденный 18 августа 1830 г. На нем изображен южный «Фасад Каменной оранжереи в таком виде, как оный ныне существует» и план здания, с обозначением новой пристройки к восточному флигелю.

На чертежах Дюсар де Невилья, однако, эта пристройка никак не обозначена. Точно определить время создания данных планов

- 47 Об исходатайствовании суммы на покупку лавровых деревьев для постановки при дворце на даче Александрии. 1861–1862 гг. // Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3431. Л. 3, 7.
- 48 Дело об отпуске из оранжерей Михайловской дачи разных растений на украшение устроенной на даче Александрии маленькой оранжереи для его Высочества Великого князя Николая Николаевича. 1842 г. // Там же. Ф. 547. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–9; Дело об отпуске из оранжерей Михайловской дачи разных растений на украшение устроенной на даче Александрии маленькой оранжереи для его Высочества Великого князя Николая Николаевича. 1845 г. // Там же. Д. 82. Л. 2–3.
- 49 О подвозе растений из Ботанического сада для комнат Ольги Николаевны в Большом дворце. 1846 г. // Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1790. Л. 1,2,7,10; О высылке на дачу ее величества Александрии из Ботанического сада несколько горшков лилий. 1850 г. // Там же. Д. 2307. Л. 1–3.
- 50 Ведомость о числе оранжерей, теплиц и парников // Там же. Д. 2888. Л. 23–24.
- 51 Проект пристройки помещения к Каменной оранжерее в Нижнем парке Петергофа. Лит. А. План, фасад // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив». ПДМП 468-ар.
- 52 *Дюсар де Невиль И. Д.* Планы, фасады и разрез оранжереи // РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 269. Л. 1–4.

не представляется возможным, так как на самих листах датировка отсутствует. Однако известно, что архитектор И.Д. Дюсар де Невиль работал в Петергофе непродолжительное время в середине 1830-х гг.: документы фиксируют его имя в 1834 г.⁵³ На первом листе чертежей Дюсар де Невилья «Фасад и план Каменной оранжереи, состоящей в нижнем саду в том виде, как она до переделки состояла» повторяют чертеж Шарлеманя 1830 г. На следующих листах отражены изменения, возникшие в результате перестройки здания в 1831–1832 гг., которые были описаны в письме управляющего Я. Я. Эйхена В. Я. Захаржевскому⁵⁴. Конструктивные перестройки коснулись главным образом боковых флигелей:

- была увеличена высота флигелей, остекление их южных фасадов стало сплошным, а рамы расположили под наклоном, а не вертикально, что повысило инсоляцию помещений («Для удобнейшего помещения оранжевых деревьев и других растений возвысить с концов залы на 2¼ аршина с изменением направлений шпалы, которые прежде сего были в вертикальном положении устроены, наклонно склонами для поддержания оных»⁵⁵);
- в северной части флигелей устроен второй этаж («По случаю означенного возвышения и дабы не потерять напрасно лишнее место над задними комнатами оной оранжереи устроены этажи с окнами и лестницами, и в комнатах, как внизу, так и вверху оштукатурены потолки и сделаны чистые полы и печи, в которых на зимнее время помещаются разные растения и цветы»⁵⁶).

Пристройка, запроектированная на чертеже И. Шарлеманя 1830 г., была возведена в 1839–1840 гг.⁵⁷ Это была «особенная теплица для сбережения померанцовых деревьев»⁵⁸, или «Померанцевый лазарет»⁵⁹. От других частей здания эту новую пристройку отличала большая площадь остекления, обеспечивавшая лучшую освещенность растений. Туда отправляли «хворые» деревья «для излечения» после летнего сезона.

53 Дело по ремонтному содержанию дачи Александрии // Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 854. Л. 169; Рапорты архитектора Дюсар де Невилья // Там же Д. 682. Л. 1–2; *Ефимов А. А.* «Государь Император, желая оказать всемиловейшее пособие...»: строительство домов малоимущим жителям Петергофа за счет казны в 1826–1839 гг. // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 7 (32). С. 2.

54 Я. Я. Эйхен – В. Я. Захаржевскому, о передержках, сделанных сверх сметы, по перестройке в 1831 и 1832 годах Каменной оранжереи // РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 541. Л. 1–2.

55 Там же.

56 Там же.

57 В. Я. Захаржевский – Я. Я. Эйхену, 18 июля 1839 г. // Там же. Оп. 2. Д. 1226. Л. 1; 28 июля 1839 г., Рапорт управляющего Петергофским дворцовым правлением Я. Я. Эйхена // Там же. Л. 2; В. Я. Захаржевский – Я. Я. Эйхену о плане постройки при Каменной оранжерее теплицы // Там же. Л. 3; Рапорт управляющего Петергофским дворцовым правлением Я. Я. Эйхена // Там же. Л. 4; Выписка из торговых листов Петергофского дворцового правления, на производство работ по пристройке у Каменной оранжереи померанцевого лазарета // Там же. Л. 54–56; 25 мая 1840 г. Рапорт садового мастера П. Эрлера // Там же. Л. 58.

58 В. Я. Захаржевский – Я. Я. Эйхену, 18 июля 1839 г. // Там же. Л. 1.

59 Рапорт садового мастера П. Эрлера, 25 мая 1840 г. // Там же. Л. 58.

Померанцевые (цитрусовые) деревья играли важную роль в парадном убранстве петергофских парков. Особенную важность сохранение и содержание «оранжевых» деревьев приобрело после обустройства «Дачи Ее Императорского Величества» Александрии⁶⁰. Померанцевые деревья неизменно использовали для украшения дворца императрицы Александры Федоровны — Коттеджа, где растения ставили на балконах и у северного фасада здания. ❸ Также померанцевые деревья размещали в Верхнем саду, на террасе у Монплезира, рядом с дворцом «Марли» и в других местах петергофской резиденции. Такие «усиленные постановки по садам» в условиях холодного петербургского климата пагубно сказывались на состоянии растений. «Причина дерев страданий» описана в акте специальной комиссии садовых мастеров, созданной для расследования плохого состояния петергофских померанцев в 1850 г.: «Все деревья выставляются ежегодно в течение летнего времени по садам на открытые места без всякой защиты, подвергаются сильным ветрам и холодным дождям, как именно в 1848-м и 1849-м годах с таковым случилось, почему начатый весенний рост в оранжереях совершенно на воздухе окончить не могут, внесены же таковые осенью в оранжереи, не только доспевши лист нового роста, но даже с тем вместе в продолжении зимнего времени и часть старого листа спускают, и по случаю на выставках от сильных ветров корни повреждаются и подгнивают, чрез что и от ежегодного такого с ними поступления совершенно пропадают»⁶¹. Примечательно, что в данном акте помимо существовавшего померанцевого лазарета рекомендовалось построить еще один, дополнительный, — летний парник.

Серьезный ремонт — «по совершеннейшей ветхости Каменной оранжереи»⁶² — был произведен в 1853 г. В ходе работ, практически не отразившихся на внешнем облике, были внесены изменения в конструктив здания. Вместо деревянных опор, на которых лежала «вся тяжесть потолка, шпал и крыши»⁶³ в померанцевых отделениях, расположенных в боковых флигелях, были заказаны на заводе Берда чугунные колонны⁶⁴. Смета на починку оранжереи также включала кровельную, печную (переделка топок и боровьев), плотничную (замена балок, разборка колонн, подшивка потолка), столярную (оранжерейные рамы с форточками) и малярные работы⁶⁵. Отопление к тому времени уже осуществлялось с помощью утермарковских печей⁶⁶.

В разное время в XIX в. в оранжерее появились помещения для проживания работников дворцового садоводства. В 1844 г. была оборудована

60 Рапорт садового мастера Вендельсдорфа // Там же. Д. 2383. Л. 10–10 об.

61 *Бетцих [А.], Маас П., Пфеффер А., Рохаль А.* Акт об освидетельствовании хворых и посохших померанцевых деревьев в Каменной оранжерее, 1850 г. // Там же. Л. 21–21 об.

62 Рапорт архитектора Комарова, 24 июня 1853 г. // Там же. Д. 2902. Л. 1; Рапорт садового мастера Эрлера // Там же. Л. 2.

63 Рапорт архитектора Комарова, 24 июня 1853 г. // Там же. Л. 1

64 Рапорт архитектора Комарова, 11 августа 1855 г. // Там же. Оп. 3. Д. 1573. Л. 1.

65 Смета на починку оранжереи в Нижнем саду // Там же. Оп. 2. Д. 2902. Л. 5–12.

66 Смета на переделку утермарковской печи // Там же. Оп. 3. Д. 1573. Л. 51.

«квартира с сараем» для садового мастера⁶⁷, позже на первом этаже западного флигеля, по северной стороне, — квартира помощника садового мастера⁶⁸.

Летом здание оранжереи, в основном пустовавшее, когда растения выносили на «вольный» воздух, использовалось для временного размещения слуг двора и музыкантов полкового оркестра, игравших в петергофских садах⁶⁹. В документах 50-х годов XIX в., в частности, упоминается «комната, где размещаются арабы» или «Арабская зала»⁷⁰. Это свидетельство подкрепляется чертежом из архива ГМЗ «Петергоф», где на плане второго этажа, в центральном помещении, обозначено «Придворные арабы»⁷¹, а на верхнем этаже западного флигеля — «музыканты Лейб-гвардии Конного полка»⁷². Также, судя по данному чертежу, музыканты занимали большую часть западного крыла оранжереи на нижнем этаже.

В середине XIX в. произошли изменения в системе управления садовым хозяйством петергофской резиденции. Территория была разграничена «для удобнейшего наблюдения по садовой части как за рабочими людьми, так и за исправностью и чистотою дорог в садах и парках»⁷³ на шесть участков, и установлены зоны ответственности садовых мастеров, зафиксировавшие уже существовавшее к тому времени разделение оранжерейных комплексов⁷⁴. Для руководства работами в Большой оранжерее (с прилегающими к ней парниками и оранжереей у Александрийской стенки) и Английских оранжерей назначались отдельные садовые мастера. Каждый оранжерейный комплекс поставлял растения «для декорации» определенных участков. В начале 1870-х гг. Большая

- 67 По устройству в Каменной оранжерее для садового мастера квартиры с сараем. 1844 г. // Там же. Оп. 2. Д. 1579. Л. 1–6, 11, 12, 17 об.
- 68 Семенов А. И. Квартира помощника садового мастера в западной части Каменной оранжереи в Нижнем парке Петергофа. План, разрез. 1895 г. // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив». ПДМП 515-ар.
- 69 О полковых оркестрах, игравших в Верхнем саду и в Нижнем парке у дворца Монплеизир упоминают, в частности: Гейрот А. Ф. Описание Петергофа // Петергоф: Гейрот А. Ф. Описание Петергофа; Шарубин Н. Г. Очерки Петергофа и его окрестностей. СПб., 2018. С. 202; Шарубин Н. Г. Очерки Петергофа и его окрестностей // Там же. С. 295; Галактионов И. А. Письма брата к сестре. О Петергофе и его достопримечательностях. Письмо IV // Семейные вечера. СПб., 1881. Июль. С. 9.
- 70 Кондиции на плотничную работу по Каменной оранжерее в Нижнем саду // РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 1573. Л. 32; Смета на работу по Каменной оранжерее // Там же. Л. 47.
- 71 Каменная оранжерея в Нижнем парке Петергофа. Планы первого и второго этажей. XIX в. // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив». ПДМП 461-ар.
- 72 Также упоминание этого полка находим в рапорте 1850 г.: «Музыканты Лейб-гвардии Конного полка на летнее время помещаются в Каменной оранжерее и пищу приготавливали в кухне при официантском доме, который ныне сдан для перестройки подрядчику; донося о сем Петергофскому дворцовому правлению, имею честь присовокупить, что при оранжерее нет возможности устроить кухню для приготовления пищи, но что при Монплеизирском дворце имеется свободное помещение». // РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3368. Л. 79.
- 73 О разделении работ в Петергофских казенных садах и парках на 6 участков // Там же. Д. 2944. Л. 1.
- 74 Там же. Л. 2.

оранжерея обеспечивала «постановки» крупных растений общим числом до 1900 экземпляров: на балкон в Большом дворце до 500, в Белом зале Большого дворца — 250, при Готических Кавалерских домах — 600, в садах при Монплезире — 550, и «вдобавок к оным... мелкого разного растения до 4000 горшков»⁷⁵. ⑥ Английские оранжереи, расширявшиеся благодаря строительству новых корпусов, поставляли растения для Александрии, Царицына и Ольгина островов в Колонистском парке, домиков, павильонов и беседок в Александрийском и Луговом парках.

Ассортимент Большой оранжереи во второй половине XIX в. наиболее полно зафиксирован описями 1861 г. Эти описи были составлены Комиссией для ревизии и описания имущества загородных дворцов⁷⁶ отдельно по Английским оранжереям и оранжереям Нижнего сада, включавшим Большую оранжерею с прилегающими к ней теплицами и оранжерею «близ дачи Александрия». Названия растений в них даны на латинском и русском языках, для каждого вида растений обозначено количество экземпляров больших, средних, малых, разводных и общее число, дополнительно указано количество растений с пломбами, которыми, вероятно, обозначались особо ценные образцы. Перечни растений, содержавшихся в Большой оранжерее и оранжерее «близ Александрийской стенки», включали в себя 188 названий: 126 в «холодных» и 66 в «тепличных» отделениях⁷⁷. В сравнении: ассортимент Английских оранжерей в это время был представлен 396 наименованиями. Значительную долю ассортимента традиционно составляли кустовые (1190) и штабмовые (615) розы среднего и малого размеров, а также травянистые многолетние культуры: георгины (1400), гладиолус (960), фуксия (613), смитианта зебровая (490), пеларгонии разных сортов, включая отдельно отмеченную герань Tom Thumb (375), гвоздика (320), различные сорта бегонии (250), юстиция телесная (181). Среди цветущих кустарников, помимо роз, самыми многочисленными были гортензии (520). Большими экземплярами в кадках были представлены: яблоня домашняя (80 крупных), олеандр обыкновенный (66 крупных), пираканта ярко-красная (63 крупных). Наибольшим числом особо ценных, отмеченных пломбами, экземпляров выделялись: метросидерос ланцетный (46), померанцевые деревья (45), лавровишня лекарственная (28), клетра древовидная (25), лавр тинус (19), мирт (19), гардения жасминовидная (10). Большая часть наименований была представлена относительно небольшим числом растений, некоторые — единичными экземплярами. Обращает на себя внимание, что в описи практически не встречаются пальмы (кроме нескольких представителей финика канарского и хамеропса приземистого), которые во второй половине

75 Рапорт садового мастера Балтазара // Там же. Д. 3819. Л. 4.

76 Об учреждении Комиссии для ревизии и описания имущества загородных дворцов // Там же. Ф. 469. Оп. 15. Д. 31. Л. 47–71.

77 Опись растений, находившихся в оранжереях Нижнего сада и близ дачи Александрия в Петергофе // Там же. Д. 269. Л. 2 об.–19 об.; Опись тепличным растениям, оказавшимся на лицо в оранжереях Нижнего сада и близ дачи Александрии, ведомства Петергофского дворцового правления // Там же. Д. 268. Л. 2 об.–9 об.

столетия стали играть важнейшую роль в оформлении парадных пространств. Общее количество кадочных и горшечных растений большого, среднего и малого размеров превышало 12 тысяч экземпляров.

Представление о размерах кадочных растений, содержащихся в Большой оранжерее, помогают получить разрозненные упоминания в документах разных лет. Так, в рапорте архитектора Петергофского дворцового управления середины XIX в. встречается упоминание о «таксисах» – тисах, «которые почти подходят под потолок»⁷⁸, а описью 1861 г. зафиксировано 25 экземпляров крупных тисов (*Taxus baccata*). Уточнить сведения о размерах кадочных растений позволяет ведомость⁷⁹, составленная при отправке деревьев и кустарников из Петергофа в Таврические оранжереи летом 1880 г. Эти растения были отобраны для Помпейского садика Зимнего дворца на замену крупным экземплярам, «померзшим» зимой из-за повреждения остекления в результате взрыва 5 февраля 1880 г.⁸⁰ По данным этой ведомости, высота отправленных кипариса («*Купрессус семпервиренс*»), евгении двуцветковой («*Еугения аустралис*»), лавровишни лекарственной («*Прунус лаурус-церазус*») и камелии превышала 5,5 м (8 аршин).

Интенсивное использование старинного здания приводило к постепенному упрощению его декоративного оформления. Во второй трети XIX в. (до 1866 г.) с южного фасада центрального корпуса и полуциркулярных галерей Большой оранжереи исчезли пилястры. На стенах галерей были размещены опорные трельяжные решетки для вишен, а центральная часть увита лианами. В одном из описаний Петергофа упоминается «стеклянное здание оранжереи», средняя часть которого «сплошь покрыта повиликой и плющом»⁸¹. Тем не менее архитектор Комаров в одном из своих рапортов писал: «Самсониевские оранжереи, находясь в самой видной части Нижнего сада, служат местом частых прогулок Их Величеств»⁸². 7

Последние значимые изменения в облик действующей оранжереи были внесены в начале 1890-х гг.: тогда было произведено «устройство железной конструкции взамен деревянной, с световыми потолками вместо глухих крыш»⁸³ в боковых флигелях здания. Документы

78 Рапорт архитектора Комарова // Там же. Ф. 490. Оп. 3. Д. 1573. Л. 50.

79 Ведомость растениям, отправленным из Петергофских казенных оранжерей Нижнего сада в Таврические оранжереи 22 июня 1880 г. // Там же. Оп. 2. Д. 4275. Л. 11.

80 Письмо из Придворной Его Величества конторы в Контроль Министерства императорского двора о назначении ревизора для освидетельствования растений в Помпейском садике Зимнего дворца. 6 февраля 1880 г. // Там же. Ф. 469. Оп. 12. Д. 1173. Об уничтожении растений, замерших в Помпеевском садике от бывшего в Зимнем дворце взрыва, и о покупке взамен их новых. Л. 1.

81 *Галактионов И. А.* Письма брата к сестре. О Петергофе и его достопримечательностях. Письмо IV. С. 33.

82 Рапорт архитектора Комарова. 1882 г. // РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 4238. Л. 67 об. – 68.

83 О поручении чиновнику особых поручений при министре фон Кноррингу осмотра всех, находящихся при императорских дворцах в Санкт-Петербурге, Царском Селе, Петергофе и Гатчино, оранжерей, теплиц и парников, для определения количества их, необходимо для потребностей высочайшего двора. 1893 г. // Там же. Ф. 468. Оп. 15. Д. 642. Л. 2–2 об.

последующих лет отражают в основном внутренние или локальные поддерживающие работы⁸⁴. В таком виде Большая оранжерея функционировала следующие несколько десятилетий: наклонные стеклянные фасады и остекленные крыши флигелей зафиксированы фотографиями конца 1920-х гг.⁸⁵

В начале XX в. число декоративных растений в Большой оранжерее составило свыше 15 тыс., цветущих — больше 4 тыс.⁸⁶ Согласно отчетам 1912 г.⁸⁷, к прежним участкам, оформление которых обеспечивалось ресурсами Большой оранжереи — балкону и Белому залу Большого дворца, Монплези́рским садам, Кавалерским домам, — добавились «помещения, занимаемые Фрейлинами Высочайшего двора, и лицами, представляющимися ко двору» в I и II Фрейлинских домах, помещение министра императорского двора, а также четыре Готических дома. Увеличилось и число растений для украшения отдельных участков. Так, в оформлении Белого зала было использовано 600 экземпляров декоративных и 200 цветущих растений, а для обоих садов при Монплезире — 11 тыс. декоративных и 2 тыс. цветущих растений. 500 единиц цветущих растений было отправлено «для посадки жардиньерок с подменою в течение всего лета» на яхты «Царевна», «Александрия» и «Работник». Кроме того Большая оранжерея поставила летних растений для посадки «с заменой в течение лета» в цветники у Большого дворца, Монплезира, Шахматного каскада в Нижнем парке, садики при Фрейлинских и Готических домах и сквере на Театральной площади Петергофа общим числом 294 тыс.

В начале 1910-х гг. снижение значимости Большой оранжереи в садовом хозяйстве, продолжавшееся на протяжении второй половины XIX в., было зафиксировано документально. В отчете по Петергофскому дворцовому управлению в рамках предложения по пересмотру сложившейся системы управления дворцовым садоводством была высказана рекомендация: «...по мере освобождения должностей главных садоводов, не замещать их главными же садоводами, а замещать помощниками садоводов с подчинением их главному садоводу Английских оранжерей, как ведающему самую большую группу оранжерей»⁸⁸. Английские

- 84 Рапорт садового мастера Гаутлера. 1897 г. // Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 4349. По содержанию петергофских садов и оранжерей // Там же. Л. 66 об.; Семенов А. И. Проект пробивки двух оконных проемов, возобновления трех каменных крылец и других ремонтных работ в Каменной оранжерее в Нижнем парке Петергофа. План. 1897 г. // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив». ПДМП 512-ар; Миняев А. К. Проект возобновления потолков и настилки пола в помещениях Каменной оранжереи в Нижнем парке Петергофа. План, разрезы. 1905 г. // Там же. ПДМП 504-ар; Миняев А. К. Проект замены оконных переплетов в Каменной оранжерее в Нижнем парке Петергофа. План, разрез. 1913 г. // Там же. ПДМП 493-ар.
- 85 Тихвинский Е. М. Петергоф. Нижний парк. Оранжерейный сад, восточная часть. 1927 г. Фотография. // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Фотодокументы». ПДМП 7860-фд.
- 86 Ведомость декоративным, цветущим и летним растениям, отправляемым из оранжерей Нижнего сада для посадки садов и убранства помещений, занимаемых особами Высочайшего двора во время пребывания в Петергофе. 1912 г. // РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 2170. Л. 277.
- 87 Там же.
- 88 Отчет о ревизии Санкт-Петербургского, Петергофского и Гатчинского дворцовых управлений за 1910–1911 гг. // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив». ПДМП 5614-ар. Л. 81 об.

оранжереи к тому моменту состояли из 20 корпусов, предназначенных как для декоративных, так и для плодовых растений, и включали «Кониферовую», «Хамеропсовую», «Розовую», «Орхидейную», «Тропическую» оранжереи, а также «Латаниевое» и «Фениковое» залы⁸⁹. Рекомендация, не повлекшая за собой изменений в структуре управления садоводством, остававшимся неизменным вплоть до 1917 г., тем не менее является свидетельством рефлексии изменившегося положения Большой оранжереи.

В революционном 1917 году дворцовое оранжерейное хозяйство продолжало функционировать. Документы отразили предпринимаемые попытки адаптации оранжерейного хозяйства: «В настоящее время потребность в декоративных растениях и выгонке цветов значительно уменьшится и излишек их может быть пущен в продажу торговым заведениям гор. Петрограда и частным лицам. Взамен же уменьшения выгонки декоративных растений и цветов необходимо, ввиду затруднений в продовольствии населения, развести огородное хозяйство с продажей овощей населению города, что доставит тоже большой доход и для оранжерей и облегчит довольственный вопрос населению»⁹⁰. Экзотические и красивоцветущие растения из дворцовых оранжерей отправляли по запросам в различные местные учреждения. Главный садовод Балтазар, заведовавший Большой оранжереей, сообщал: «Летом сего 1917 года разные организации неоднократно ходатайствовали о разрешении получить из оранжерей Нижнего сада декоративные растения для убранства различных помещений: манежа, зал гимназии и разных временных помещений для театра. Ходатайства эти разрешались, и сейчас декоративные растения оранжерей Нижнего сада стоят в манеже Конногренадерского полка, и в театре 3-й Автомобильной роты в помещении Главных конюшен»⁹¹. Летом 1917 г., в условиях усиления топливного кризиса, была создана «Комиссия для выяснения общего вопроса о дворцовых оранжереях», призванная изыскать «меры к сокращению расхода топлива» в оранжерейных хозяйствах «б[ывшего] Министерства императорского двора, а также и Ведомства Уделов в Красном Селе и в Ропше»⁹². По итогам осмотра Большой оранжереи в Нижнем саду комиссия рекомендовала: продать или уничтожить часть растений, «не заслуживающих дальнейшего содержания», прекратить ранние выгонки, снизить температуру в оранжерее до минимально допустимой. Год спустя комиссия признала: «...самым целесообразным... было бы перевести хозяйство на Знаменку с хорошими позднейшей постройки и ремонта оранжереями, оставив здесь лишь оранжерею-павильон для хранения громоздких декоративных растений, необходи-

89 Волкова О. Оранжереи. С. 50–51.

90 Справка об оранжереях, находящихся в ведении Управления Петергофскими дворцами // РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 2594. Л. 2.

91 Рапорт главного садовода Балтазара. 4 сентября 1917 г. // Там же. Л. 199.

92 Выписка из докладной записки Комиссии для выяснения общего вопроса о дворцовых оранжереях // Там же. Л. 209–210.

мых для убранства Монплезира и других расположенных в этом районе дворцов и садов»⁹³.

В это же время, в начале 1920-х гг., появляются первые проблески идеи возвращения Большой оранжереи ее первоначального облика: «...нижние оранжереи между Самсоном и Шахматной горою необходимо уменьшить, освобождая от наростов, исказивших произведение Бронштейна»⁹⁴. Острый недостаток финансирования и ресурсов в целом, однако, препятствовал таким масштабным преобразованиям. В 1920 г. при описании состояния Каменной оранжереи было обозначено: «...к переустройству большой оранжереи-павильона с подведением потолков, как то было указано в докладе комиссии по обследованию бывших дворцовых садоводств, в настоящем строительном сезоне приступлено не было»⁹⁵. ❸

К тому времени оранжерея была наполнена «перевезенными из Английских оранжерей декоративными и цветущими маточными растениями», однако температура, как подчеркивалось в документе, должна была поддерживаться на минимально возможном уровне, достаточном лишь для перезимовки растений. Но и этот уровень в условиях топливного кризиса обеспечивать было крайне трудно. В ноябре садовод Каменной оранжереи докладывал о бедственном положении здания и просил помощи в ремонте и заготовке топлива, так как «в противном случае Петергофские оранжереи должны погибнуть». Для заготовки дров служащим садоводства тогда было разрешено рубить «больные деревья, сухостой, буреслом и валежник из дворцовых парков» Петергофа⁹⁶.

Во второй половине 1920-х гг. Большая оранжерея заняла центральное место в системе садового хозяйства Петергофских дворцов-музеев. В отчетах 1924–1928 гг., в которых подробно описываются состояние и работа «Каменных оранжерей» (комплекс Большой оранжереи), постепенно снижается количество упоминаний оранжерей в Английском парке, вплоть до полного отсутствия за 1927–1928 гг.⁹⁷ В этот

93 Доклад Комиссии по обследованию садовых хозяйств Петербургского отделения Народного комиссариата Имуществ Республики. Петергофские садовые хозяйства. 23 августа 1918 г. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 36. Оп. 1. Д. 78. Л. 6.

94 Там же. Л. 22.

95 Там же. Л. 6.

96 Управление Петергофских дворцов-музеев — в Петроградское отделение Главмузея. 12 июля 1921 г. // Там же. Д. 104. Л. 64; Протокол совещания комиссии по очистке и рубке деревьев в Петергофских парках // Там же. Л. 66.

97 1. Годовой отчет Управления Петергофскими дворцами-музеями за 1924–1925 гг. // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив». ПДМП 6179/1-ар: 1) Каменные и Английские оранжереи: Л. 11 об., 15 об., 31–31 об.; 2) Каменные оранжереи: Л. 34–38, 45а, 49. 3) Английские оранжереи: Л. 50–51.

2. Годовой отчет Управления Петергофскими дворцами-музеями за 1926–1927 гг. // Там же. ПДМП 6179/2-ар: 1) Каменные и Английские оранжереи: Л. 26 об.; 2) Каменные оранжереи: Л. 27, 28, 40 об., 41.

3. Отчет о деятельности Государственных Петергофских музеев за 1927–1928 гг. // Там же. ПДМП 6179/4-ар: Каменные оранжереи: Л. 18, 25 об.–26, 43 об.

период в Большой оранжерее описаны «пять отделений, в которых хранятся тропические, холодные и маточные растения в количестве до 9500 горшков и кадок»⁹⁸. Вновь были продолжены и «постановки» растений в садах: «оранжереями... было выставлено во дворцах, садах и парках декорации бесплатно на 5750 руб. и заготовлено 18 000 горшков растений»⁹⁹. ⑨ Кроме того, крупные кадочные растения (в основном пальмы) сдавались в аренду различным организациям¹⁰⁰. Документы 1931 г. зафиксировали следующие статьи дохода от Каменной оранжереи: продажу летних цветов и черенковых растений (8200), постановку декоративных растений по разным учреждениям (1800), обсадку цветников по садам и паркам Управления (5200), декорацию по паркам (6100)¹⁰¹. Таким образом, в 1920-х – 1930-х гг. Большая оранжерея была встроена в новую хозяйственную систему, которая продолжала действовать вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Историческое собрание декоративных растений, в сокращенном виде сохранявшееся в оранжерее Нижнего парка после 1917 г., погибло в 1941 г. Последним известным свидетельством его существования является запись в «Отчете о состоянии Петергофских дворцов-музеев и парков к 20 часам 22 сентября 1941 г.»: «Весь садовый инвентарь, горшки и цветочный материал (в том числе и декоративный фонд) находится на своих местах (кладовые, сараи, оранжереи)»¹⁰².

Само здание Большой оранжереи во время оккупации 1941–1944 гг. серьезно пострадало: была разрушена кровля, чердачные перекрытия, местами частично повреждена кладка стен, выгорели оконные переплеты и двери¹⁰³. В целом же конструктив Большой оранжереи сохранился. С 1944 г. возникали различные варианты приспособления и восстановления объемов здания, предусматривавшие сохранение архитектурных вариаций второй половины XVIII–XIX вв.

Первый проект восстановления Большой оранжереи относится к августу 1944 года¹⁰⁴. Он предусматривал приспособление здания под ресторан с зимним садом. В дугообразных галереях предполагалось разместить обеденные залы вместимостью 100 мест, а зимние сады должны были расположиться во флигелях, которые сохраняли объемно-пространственное и архитектурное решение второй половины XIX в. со сплошным остеклением по фасаду. ⑩

98 Отчет о деятельности Государственных Петергофских музеев за 1927–1928 гг. // Там же. ПДМП 6179/4-ар. Л. 25 об.

99 Годовой отчет по Управлению дворцами-музеями за 1923–1924 г. и за период с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. // Там же. ПДМП 5878-ар. Л. 11, 31.

100 Переписка, требования и счета к различным организациям об аренде декоративных растений. 1924–1926 гг. // ГМЗ «Петергоф». Ведомственный архив. Р-23. Оп. 1. Д. 13. Л. 39, 55, 65, 66.

101 Смета доходов и расходов и производственный план на 1932 г. По оранжереям, садам и паркам Управления Гос. музеями. Проект. 27 ноября 1931 г. // Там же. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 22. Л. 2.

102 Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945. СПб., 2019. Т. I. С. 93.

103 Федорова Н. Н. Проектное задание к восстановлению здания оранжереи в Нижнем парке гор. Петродворца // ГМЗ «Петергоф». Ведомственный архив. Р-95. Л. 4.

104 Вариант приспособления Большой оранжереи под ресторан с зимним садом. План, фасад. 3 августа 1944 г. // Там же. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

Косвенным свидетельством того, что радикальных перестроек Большой оранжереи не предполагалось, может служить и тот факт, что в начале 1950-х гг. был восстановлен бывший «померанцевый лазарет»¹⁰⁵. Перекрытый металлическими фермами и достаточно хорошо сохранившийся, он, вероятно, относительно легко поддавался ремонту и отвечал потребностям возрождавшегося садового хозяйства парков послевоенного Петродворца. Проектное задание, составленное главным хранителем дворцов-музеев и парков г. Петродворца Н. Н. Федоровой, в то же время предполагало некий компромиссный вариант восстановления здания:

- южный фасад и кровлю восстановить по первоначальному чертежу начала XVIII в. с сохранением существующего масштаба боковых крыльев и декорировкой их на основании аксонометрического плана Сент-Илера;
- планировку внутренних помещений выполнить с учетом организации постоянно действующей выставки по «русскому садово-парковому строительству и фонтанному искусству»;
- бывший померанцевый лазарет сохранить для выращивания образцов растений, необходимых для организации и обновления выставки¹⁰⁶.

Гораздо более радикален был проект В. М. Савкова, составленный в 1952 г. Архитектор писал: «Современный вид оранжереи настолько далек от ее первоначального образа, что лишь силой воображения можно составить о нем представление...»¹⁰⁷, и далее: «...счастливое сочетание прекрасно сохранившегося проекта (план и фасад с масштабом в саженях) и археологических исследований, дополняющих имеющиеся чертежи <...>, дает нам полную возможность (и обязывает!) восстановить оранжерею в подлинном первоначальном виде — какой она была построена в первой четверти XVIII в.»¹⁰⁸ Реставрационные работы по проекту В. М. Савкова, проведенные в 1952–1954 гг., вернули Большой оранжерею в Нижнем парке облик петровского времени, но полностью уничтожили следы исторической эволюции здания. На сохранившемся в архиве музея-заповедника «Плане 1-го этажа» (1953) однозначно указано: в западном и восточном флигелях «стены и металлич[еские] конструкции поздних пристроек сломать»; в центральном объеме «каменные плиты разобрать», «настлат паркетные полы по асфальту». Обозначенные в центре помещения две «металлические колонны разобрать»; по северному фасаду: «существующие оконные проемы заложить», «новые окна пробиваются на оси между пилястрами»¹⁰⁹. Тогда

105 Федорова Н. Н. Проектное задание к восстановлению здания оранжереи в Нижнем парке гор. Петродворца // Там же. Р-95. Л. 4.

106 Там же. Л. 5.

107 Оранжерея в Нижнем парке, г. Петродворец, 1952 г. // Там же. Р-133. Л. 9.

108 Там же. Л. 20.

109 Гл. инженер Филиппов, гл. архитектор Александров, руководитель мастерской Дьяконов, автор проекта Савков. План I этажа Большой оранжереи в Нижнем парке. 1953 г. // Там же. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

же окончательно отказались от забора, огораживавшего в XVIII–XIX вв. пространство у Оранжереи с севера.

Бытование Большой оранжереи во второй половине XX – начале XXI в. представляет собой череду попыток приспособления здания, которое было призвано «значительно оживить и разнообразить культурно-массовую работу летом»¹¹⁰. Историческая постройка, возвращенная к первоначальному объемно-пространственному решению, была восстановлена как памятник Петровской эпохи, и ее утилитарное использование в садовом хозяйстве было исключено. При этом достаточно обширное внутреннее пространство и расположение в центральной части петергофского ансамбля, на пересечении основных туристических маршрутов, предоставляло возможность реализации различных сценариев. В разные годы в Большой оранжерее проходили «торжественные приемы для высокопоставленных делегаций»¹¹¹, временные выставки¹¹², культурно-массовые мероприятия. В архиве ГМЗ «Петергоф» сохранились чертежи, подготовленные в конце 1957 г. для оборудования в здании выставки фонтанного искусства¹¹³.

К 1980 г. в Большой оранжерее располагалась База однодневного отдыха: внутри размещались танцевальный зал, столовая, медпункт, городской шахматный клуб и самодеятельные кружки¹¹⁴. С 1990 г. непродолжительное время работала выставка восковых фигур. В начале 2000-х гг. помещения занимал ресторан, а после реставрации 2019–2023 гг. было открыто культурное пространство, предназначенное для проведения научных и общественных мероприятий.

Не может не привлекать внимания и неоднократное обращение к идее создания в Большой оранжерее экспозиции, посвященной садовому искусству. Впервые «постоянно действующая выставка по русскому садово-парковому строительству и фонтанному искусству» упоминалась в проектных заданиях Н. Н. Федоровой и В. М. Савкова в начале 1950-х гг.¹¹⁵ В задании Федоровой, в частности, предполагалось «для организации и обновления выставки» использовать образцы живых растений. В 2020 г., когда Большая оранжерея была закрыта на реставрацию, разрабатывалась концепция мультимедийной экспозиции «Сады Петра Великого»¹¹⁶. Своеобразным отголоском этих нереализованных

110 Документы о деятельности и восстановительной работе по дворцам-музеям и паркам за 1954–1955 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 312. Оп. 3. Д. 4. Л. 3.

111 Федорова Н. Н. На аллеях памяти. СПб., 2011. С. 122–123.

112 Годовой бухгалтерский отчет за 1958 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 312. Оп. 2. Д. 92. Л. 12.

113 Проект выставочного зала, витрин, шкафов и проч. 20 декабря 1957 г. // ГМЗ «Петергоф». Ведомственный архив. Ч-942–Ч-986. Проект выставочного зала и оборудования в оранжерее. 1957–1958 гг. Л. 2, 42, 43, 45.

114 Постановление о приостановке работы объекта. 2 июля 1980 г. // Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 288. Л. 36.

115 Федорова Н. Н. Проектное задание // Там же. Р-95. Л. 5; Оранжерея в Нижнем парке, г. Петродворец. 1952 г. // Там же. Р-133. Л. 20.

116 Концепция музея «Сады Петра Великого». Дизайн-проект музейного пространства // Студия «Шоу-консалтинг». 2019. URL: <https://showconsulting.ru/portfolio/2020/sady-petra-pervogo-proekt-muzejnoy-ekspozicii/> (дата обращения: 10.07.2025).

попыток стал проект «Его Величества Сад», действовавший зимой 2024–2025 гг., в рамках которого в западном крыле здания были размещены крупногабаритные экзотические растения из действующих оранжерей музея-заповедника «Петергоф»¹¹⁷. Сохранившиеся исключительно в виде упоминаний и описаний, подобные концепции тем не менее представляются важным маркером продолжающегося осмысления исторических и современных функций Большой оранжереи и ее места в истории дворцово-паркового ансамбля.

Реконструкция истории бытования здания, последовательности изменений его архитектурного облика, особенностей исторического ассортимента оранжерейной флоры демонстрирует изменения места Большой оранжереи в структуре петергофского дворцово-паркового ансамбля на протяжении трех столетий. Длительная история бытования может быть условно поделена на два неравных по продолжительности периода. В рамках первого – утилитарного, продлившегося практически до середины XX в., – оранжерея функционировала преимущественно как специализированная хозяйственная постройка внутри системы дворцового садоводства. Второй период – музеефикация здания как памятника архитектуры Петровской эпохи и поиски сценариев его приспособления – начался в послевоенное время с восстановлением облика постройки на первую четверть XVIII столетия. Примечательно, что границы этих периодов не совпадают с общей периодизацией истории дворцово-паркового ансамбля, музейная жизнь которого началась после 1917 г. Документы позволяют также проследить изменение роли Большой оранжереи на протяжении XVIII – начала XX в.: от ключевой в теплично-оранжерейном комплексе Нижнего сада в XVIII столетии до вспомогательной к рубежу XIX–XX вв., когда центральное положение в садовом хозяйстве заняли Английские оранжереи. Отдельным эпизодом стало бытование здания в пространстве Петергофских дворцов-музеев. В новых реалиях «Каменная оранжерея» продолжала выполнять свои хозяйственные функции и вновь стала главным теплично-оранжерейным комплексом ансамбля петергофских парков. Одновременно с этим документы отражают уже сформировавшееся понимание технической непригодности исторической оранжереи к дальнейшему выполнению утилитарных функций и одновременно – ее ценности как памятника Петровской эпохи.

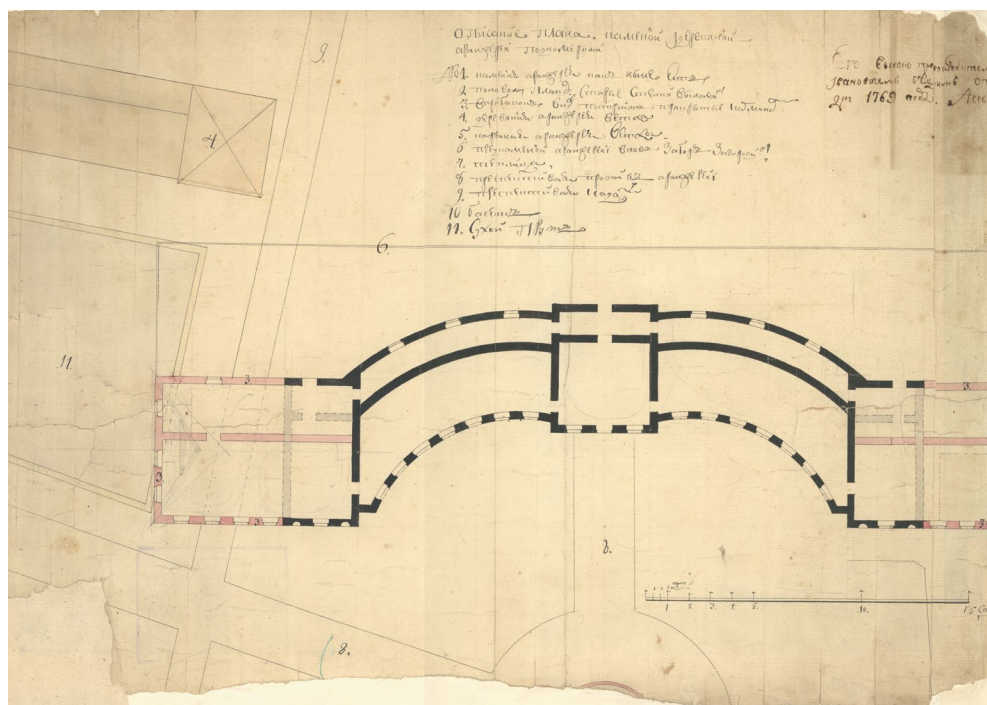
117 Его Величества сад // Официальный сайт Государственного музея-заповедника «Петергоф». URL: <https://peterhofmuseum.ru/events/446> (дата обращения: 10.07.2025).

REFERENCES

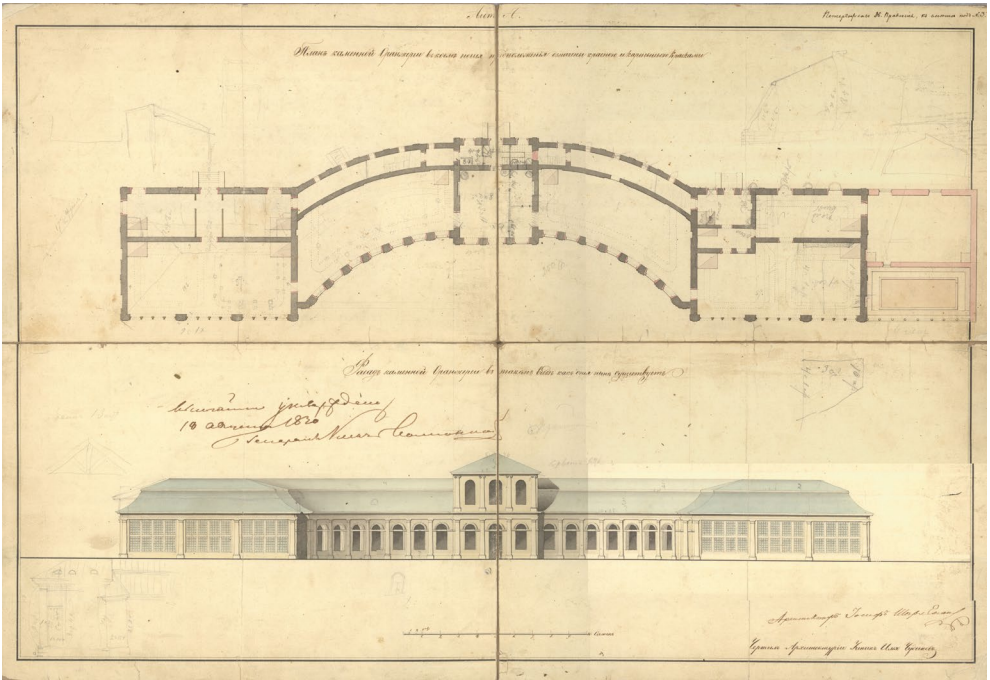
- Ashmore W. Building Social History at Pueblo Bonito: Footnotes to a Biography of Place. The Architecture of Chaco Canyon, New Mexico. Ed. by Stephen H. Lekson. Salt Lake City, 2007. P. 179–198.
- Arkhipov N. I. *Monplezirskii sad v Petergofe. Bol'shie Oranzherei* [Monplaisirs's garden in Peterhof. Great orangeries]. Nikolai Il'ich Arkhipov. Research on the history of Peterhof. St. Petersburg, The Peterhof State Museum Reserve Publ., 2016, pp. 345–374. (In Russian)
- Arkhipov N. I., Raskin A. G. *Petrodvorets*. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ, 1961. 332 p. (In Russian)
- Egbers V. The house as Process. A Biography of Building 10 in Monjukli Depe. Looking closely. The Excavations in Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Leiden, 2019. Pp. 107–132.
- Efimov A. A. "Sovereign the Emperor, Willing to Provide the Most Gracious Allowance...": Construction of Houses for Indigent Citizens of Peterhof at the Expense of Treasury in 1826–1839. Scholarly notes of Novgorod State University named after Yaroslav the Wise, 2020, № 7 (32), pp. 1–4. (In Russian)
- Imperatorskii S.-Peterburgskii Botanicheskii Sad za 200 let ego sushchestvovaniya (1713–1913)* [Emperor's Botanical Garden for 200 years of its existence (1713–1913)]. St. Petersburg, 1913. P. I. 408 p. (In Russian)
- Golovkin B. N. *Istoriya introduktsii rastenii v botanicheskikh sadakh* [History of introduction of plants in Botanical Gardens]. Moscow, Moscow University Publ., 1981. 125 p. (In Russian)
- Gorbatenko S. *Arkhitekturnye marshruty Petra Velikogo* [Architectural routes of Peter the Great]. St. Petersburg, Historical Illustration Publ., 2015. 374 p. (In Russian)
- Kargapol'tsev M. Y., Kargapol'tsev S. Y., Sedykh V. N. *Pamyatniki kontsa pervoi chetverti XVIII v. Po materialam arkhologicheskikh izyskaniy v Nizhnem parke Petergofa* [Monuments of the end of the first quarter of the XVIII century. Based on the materials of archaeological surveys in the Lower Park of Peterhof]. Proceedings of the State Hermitage Museum: [Vol.] 43: Petrovsky Time in faces – 2008. St. Petersburg, The State Hermitage Publ., 2008. pp. 133–146. (In Russian)
- Kiyanenکو K. V. "Biografiya zhilishcha" kak kontsept postarkhitektury ["Biography of housing" as a concept of post-architecture]. Housing strategies, 2020, vol. 7, no 3, pp. 245–268.
- McNeill D., McNamara K. *The life and death of great hotels: a building biography of Sydney's "The Australia"*. Transactions of the Institute of British Geographers, 2012, pp. 149–163.
- Raskin A. *Otzyv na istoricheskuyu spravku N. I. Arkhipova "Monplezirskii sad v Petergofe. Bol'shie oranzherei"* [Review of N. I. Arkhipov's historical reference "Monplaisir Garden in Peterhof. Great orangeries"]. Nikolai Il'ich Arkhipov. Research on the history of Peterhof. St. Petersburg, The Peterhof State Museum Reserve Publ., 2016. pp. 375–377. (In Russian)
- Rogasch J. *Biography of a Neolithic Storage Building: The Construction, Modification and Abandonment of Communal Storage and Communal Space at the Pottery Neolithic Settlement of Shir, Syria (6200–6100 BC)*. Neo-Lithics. The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2/11. P. 43. (In English)
- Sytin A. K. Iogann Georg Sigezbeek. From the kunstkamera to herbology. The development of botany in Russia in the first half of the XVIII century. Comp. by A. K. Sytin, D. D. Slastunov; ed. by A. K. Sytin. St. Petersburg, Keller Publ., 2022. pp. 196–207. (In Russian)
- Volkova O. D. *Imperatorskaya flora petergofskikh dvortsov*. [The imperial flora of the Peterhof palaces] The life of the palace: public and private. Proceeding of the Scientific and Practical Conference of the Peterhof State Museum Reserve (Problems of preservation of cultural heritage. XXI century. IV). St. Petersburg, European house Publ., 2014, pp. 375–380. (In Russian)
- Volkova O. *Oranzherei* [Orangeries]. Addresses of Petersburg, 2017, no 63/77, pp. 44–51. (In Russian)

1 Большая (Каменная) оранжерея в Нижнем парке Петергофа. Разрез XVIII в. ГМЗ «Петергоф»

② Большая (Каменная) оранжерея в Нижнем парке Петергофа. План XVIII в.
ГМЗ «Петергоф»

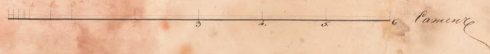
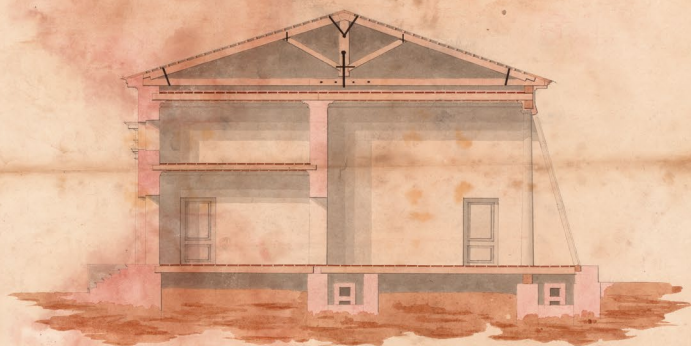

3 Проект пристройки помещения к Большой (Каменной) оранжерее в Нижнем парке Петергофа. План, фасад
[1830]
ГМЗ «Петергоф»

3

Фасад части каменной оранжереи, состоящей из
маленького сада и большого сада, как она ныне
по переделке находится.

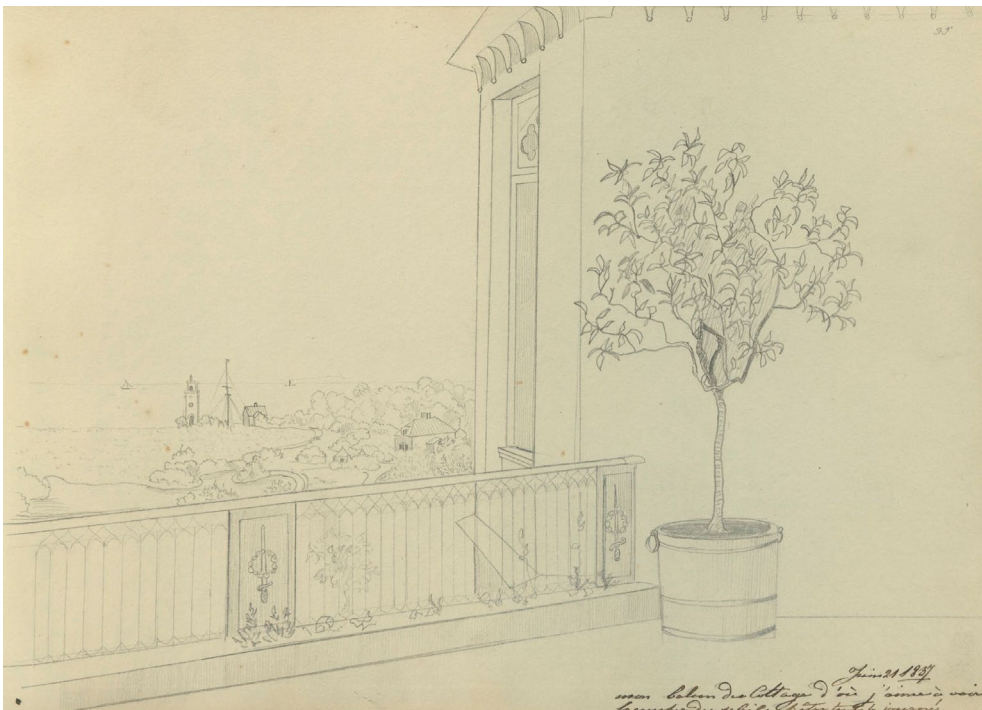
Архитектурный план по линии здания
на плане участка А. В.

См. план участка в архиве Г. В. С. 173

Архитектурный план участка в архиве Г. В. С. 173

- 4 Дюсар де Невиль [И. Д.]
Фасад части Каменной оранжереи, состоящей в Нижнем саду в том виде,
как она ныне по переделке находится
[1830]
РГИА

- 5 Мария Николаевна, великая княжна
 21 июня 1837. Мой балкон в Коттедже, где я люблю смотреть на закат и проводить
 весь день
 ГА РФ

6 Монплеzirский сад в Петергофе
Середина 1890-х
Фотограф М. К. Белявский
ГМЗ «Петергоф»

7 Каменная оранжерея в Нижнем парке Петергофа

1880–1882

Фотограф А. И. Ясвоин

ГМЗ «Петергоф»

8 Большая оранжерея и Оранжерейный сад в Нижнем парке Петергофа

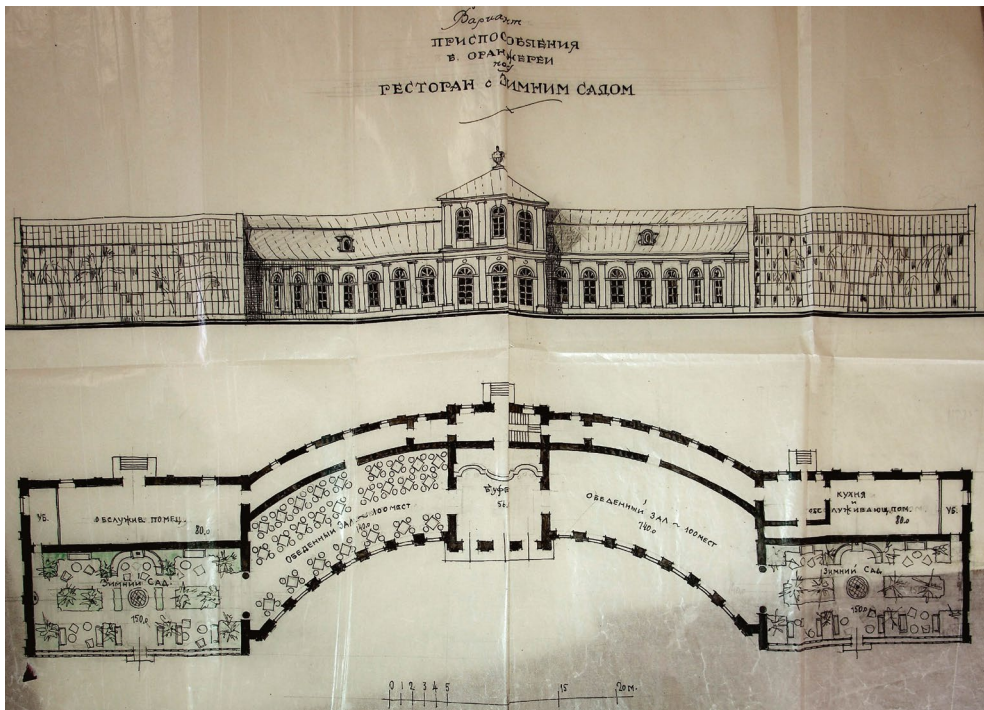
1930-е

Фотограф З. П. Гуриненко

ГМЗ «Петергоф»

9 Центральная часть северного фасада Большого Петергофского дворца
1938–1939
ГМЗ «Петергоф»

10 Вариант приспособления Большой оранжереи под ресторан с зимним садом.
План, фасад
1944
ГМЗ «Петергоф»

ОПТИКА / Optica

Надпорожская Марина Алексеевна, Стадник Екатерина Петровна	82	Историческое здание vs современность (на примере фермы в парке Сергиевка)
Плотникова Ольга Владимировна	102	Берлинские лебеди петергофской Александрии
Проворова Ирина Николаевна	116	Дворцовые и усадебные сады и парки как места обитания энтомофауны. Факторы риска для сохранности музейных объектов и коллекций

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗДАНИЕ VS СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ФЕРМЫ В ПАРКЕ СЕРГИЕВКА)

**Надпорожская
Марина
Алексеевна**

Кандидат
сельскохозяйственных
наук, доцент,
биологический факультет,
Санкт-Петербургский
государственный
университет

198504, Россия,
Санкт-Петербург,
Петергоф,
Ораниенбаумское шоссе,
д. 2/10а

m.nadporozhskaya@spbu.ru

**Стадник
Екатерина
Петровна**

Студент, Ленинградский
государственный
университет
им. А. С. Пушкина

196605, Россия, Санкт-
Петербург, Пушкин,
Петербургское ш., д. 10

apisamik220@gmail.com

Цитирование:

Надпорожская М. А.,

Стадник Е. П.

Историческое здание vs
современность
(на примере фермы
в парке Сергиевка) // *Loci Imperiales*. 2025. № 4.
С. 82–101.

Поступила в редакцию:

11 июня 2025 г.

Рекомендована к печати:

24 июня 2025 г.

Статья посвящена вопросам изучения и сохранения объекта Всемирного и регионального культурного наследия России – фермы, расположенной в парке Сергиевка (Санкт-Петербург, Петродворцовый район, Ораниенбаумское шоссе, д. 2, литеры Ф-Ю). Точная дата постройки неизвестна, но большинство источников полагает, что основа здания заложена шведским феодалом в допетровские времена. Предположительно, ферма – одно из самых старых исторических зданий в Петродворцовом районе. Как комплекс зданий с внутренним двором, она отмечена на карте «Усадьба Сергиевская 1843–1846 гг.». Северный фасад фермы – двухэтажный, каменный – изображен на акварели И. И. Шарлеманя (1855–1857). До 1917 г. ферму использовали для жилых и хозяйственных нужд имения Лейхтенбергских, с 1920 г. – Биологического института Ленинградского государственного университета. Во время Великой Отечественной войны ферма была частично разрушена. После войны в функционально восстановленном здании жили сотрудники Биологического института, а с 1970-х гг. здесь размещены агропочвенные лаборатории. Нами отмечены многочисленные следы перестройки здания, выполненной в разные периоды: до 1917 г., в 1920-е и после 1945 г. Несмотря на свою сложную архитектурную судьбу, ферма до наших дней является ценным художественным и туристическим объектом. Особый колорит придает ей каменная кладка первого этажа. Ферма не имеет фундамента. Стены отсыпаны вглубь на полтора метра смесью гумусированного грунта и измельченного известкового строительного материала. Двор (площадь 330 м²) до реставрации парка был грунтовым. При реконструкции Сергиевки в 1980-х гг. на ⅓ двора разбили газон, подсыпав 30 см плодородного грунта. Сейчас во дворе фермы, а также к северу и западу рядом с ней растут крупные деревья, несмотря на то что рост деревьев ближе 5 м от здания недопустим (СанПиН 2.1.2.2645-10). В результате корни проникли под здание, кроновые воды разрушают известковый раствор, скрепляющий гранитные камни стен. Для сохранения уникального здания и предотвращения разрастания древесной растительности необходимо вывезти насыпной слой почвы, восстановить грунтовое покрытие двора. Важно учитывать, что у фермы нет фундамента, поэтому следует организовать систему грунтового дренажа. В настоящее время сохранность помещений фермы обеспечивается Санкт-Петербургским государственным университетом.

Ключевые слова: культурное наследие России, парк Сергиевка, имение Лейхтенбергских, Биологический институт, ферма, каменная кладка

HISTORICAL BUILDING VERSUS MODERN DAY: THE EXAMPLE OF A FARM IN THE SERGIEVKA PARK

**Nadporozhskaya
Marina
Aleksееvna**

PhD in Agricultural
Sciences, Faculty of Biology,
St. Petersburg State
University

2/10a, Oranienbaum sh.,
Peterhof, St. Petersburg,
198504, Russia

m.nadporozhskaya@spbu.ru

**Stadnik
Ekaterina
Petrovna**

Student, Pushkin Leningrad
State University

10, Peterburgskoe sh.,
Pushkin, St. Petersburg,
196605, Russia

apisamik220@gmail.com

Citation:

Nadporozhskaya M. A.,
Stadnik E. P.
Soils and landscapes
of Sergievka park. *Loci
Imperiales*, 2025, no 4,
pp. 82–101. (In Russian)

Received: June 11, 2025

Accepted: June 24, 2025

The article is devoted to the issues of studying and preserving the world and regional cultural heritage site of Russia, a farm located in Sergievka Park (Petrodvorets district of St. Petersburg, Oranienbaum highway, 2, letters Ф–Ю). The exact date of construction is not known, but most literary sources believe that the foundation of the building was laid by the Swedish feudal lords in the Peter the Greatest times. Presumably, the farm is one of the oldest historical buildings in the Petrodvorets district. This complex of buildings with a courtyard is marked on the map Sergievskaya Estate 1843–1846. I. I. Charlemagne depicted the northern facade of the farm, two-storey stone, in a watercolor (1855–1857). Until 1917, the farm served the Leuchtenberg estate's household needs; and since 1920, Biological Institute. During the Second World War, the farm was partially destroyed. After the war, the functionally restored building housed the staff of the Biological Institute, since 1970s – agro-soil laboratories. We have noted numerous traces of the reconstruction of the building, carried out in different periods: before 1917, in the 1920s, and after 1945. Despite its complex architectural fate, the farm is still a valuable artistic and tourist site. The yard area is 330 m². During the reconstruction in the 1980s, ⅓ of the yard was covered with 30 cm of fertile soil. In the yard and to the north and west of the farm there are now large trees. Their roots penetrated under the building. The canopy water is destroying the walls. Trees growing closer than 5 meters to the building should be removed (Russian Sanitary Rules and Norms 2.1.2.2645-10). In order to preserve the unique building and, secondary succession prevention, the 30-cm bulk layer of soil must be removed and the ground cover of the yard must be restored. It is important to keep in mind that the farm does not have a foundation, so it is necessary to organize an underground drainage system. The preservation of our cultural heritage is a matter of national importance. St. Petersburg State University is responsible for maintaining the safety of the farm premises.

Keywords: Russian cultural heritage, Sergievka park, Leuchtenberg Estate, Biological Institute farm, stone masonry

Краткая историческая справка о парке Сергиевка

Парк Сергиевка расположен на юго-восточном побережье Финского залива, в 44 км от Санкт-Петербурга. Парк объявлен памятником природы регионального значения и объектом всемирного наследия ЮНЕСКО, нуждается в особом режиме природопользования и сохранения архитектурного наследия. Издавна местность на южном берегу Финского залива была заселена угро-финскими племенами. С X в. это были новгородские земли древнерусского государства, с 1617 г. – шведского, с 1703 г. – России. Тогда владельцами этих мест стали царевич Алексей Петрович, затем его сын Петр Алексеевич (будущий Петр II). Восточная часть современной Сергиевки до 1730 г. принадлежала В. Л. Долгорукову. В 1723–1822 гг. усадьбой владели Румянцевы, в 1822–1838 гг. – К. А. Нарышкин, с 1839 по 1917 г. – герцоги Лейхтенбергские. С 1920 г. здесь расположен Биологический институт Ленинградского государственного университета, ныне Санкт-Петербургского государственного университета¹.

Записи о строительстве и благоустройстве поместий владельцы вели нерегулярно. Архивы держали в Петербурге, сохранились ли они до наших дней – неизвестно. В советское время первым исследователем Сергиевки был историк-краевед Н. А. Николаев. Собранные им материалы погибли во время блокады Ленинграда. После Великой Отечественной войны технический отчет для восстановления парка и его строений составил А. Н. Петров². Краткая информация по истории Сергиевки отражена в упомянутом выше очерке Д. В. Осипова, а также в работе С. Б. Горбатенко³.

Центром усадьбы Лейхтенбергских является дворец, построенный по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера. В парадной восточной части усадьбы сохранились также здания, возведенные для приближенных лиц, служащих и гостей. Западная часть усадьбы выполняла хозяйственные функции: до наших дней сохранились баня, оранжерея и ферма (современный адрес: Петродворцовый район Санкт-Петербурга, Ораниенбаумский проспект, д. 2, литеры Ф-Ю), архитектура которой наиболее оригинальна. Здание формируют два массивных г-образных корпуса разной высоты: двухэтажный (литера Ф) и одноэтажный (литера Ю); первые этажи сложены из гранитных камней. На восточном фасаде корпуса соединены каменной аркой, открывающей вход во внутренний двор, который перекрыт каменной стеной с пустыми оконными и дверным проемами, заложенными кирпичами. Эта стена была частью разрушенного западного корпуса фермы, от которого остались контуры фундаментных камней и кое-где стен. История фермы окутана тайной – приоткроем ее завесу.

- 1 *Осипов Д. В.* Научно-исторический очерк // Парк Сергиевка – комплексный памятник природы. СПб., 2005. С. 6–12.
- 2 *Петров А. Н.* Ансамбль б. Сергиевской дачи на Петергофской дороге. Л., 1960 (рукопись). Т. 1–3. // Архив Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга (КГИОП). Н-1123/2.
- 3 *Горбатенко С. Б.* Петергофская дорога. СПб., 2002. С. 277–282.

Ферма в парке Сергиевка: местоположение, предполагаемые даты постройки

Время постройки фермы неизвестно. По местным преданиям, основа строения была заложена шведским феодалом до 1703 г. По мнению С. Б. Горбатенко (устное сообщение Д. В. Осипова), ферма возведена в послепетровскую эпоху. На архитектурном сайте Санкт-Петербурга “Citiwalls” указаны годы постройки: исходные 1820-е – 1830-е и послевоенное восстановление 1951–1953 гг.⁴

На восточном фасаде фермы 18 декабря 2023 г. была установлена охранная доска с надписью: «Объект культурного наследия федерального значения. Дворцово-парковый ансамбль Сергиевка. Ферма. 1820–1830-е гг. Архитектор А. И. Штакеншнейдер. Охраняется государством. 781710666960236». Вероятно, годы строительства фермы указаны приблизительно. К тому же, вряд ли ферму возводил знаменитый архитектор – возможно, достраивал? Достоверных свидетельств этому нет. Сохранилось несколько документов, по которым мы можем установить время, когда ферма уже была построена, и судить о том, как она выглядела.

На топографической карте «Сергиевское, дача Ея Императорского Высочества Великой княгини Марии Николаевны... 1843, исправлена 1846»⁵ ферма отмечена как блок замкнутых вокруг двора корпусов ❶. Нам известны местоположение и форма здания, однако о характере строительных материалов фермы судить трудно.

Ферма в парке Сергиевка: архитектурные особенности

В собрании Государственного Русского музея хранится акварель⁶ из бювара, преподнесенного Александре Федоровне ее детьми в 1858 г., с изображением северного фасада фермы – двухэтажного, каменного, с пристроенными деревянными галереями. Имение Сергиевская дача было свадебным подарком Николая I старшей дочери – великой княжне Марии Николаевне, бракосочетание которой с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским состоялось 2 июля 1839 г. Акварель И. И. Шарлеманя датирована 1855–1857 гг. Рисунки в бюваре изображают места, памятные для Александры Федоровны. Вероятно, в 1839 г. ферма уже выглядела так, как на акварели.

Рисунок И. И. Шарлеманя запечатлел двухэтажный каменный северный корпус фермы. На заднем плане виден двухэтажный южный корпус – вероятно, также каменный. Справа от северного корпуса

- 4 Усадьба Сергиевка. Ферма. Биологический институт ЛГУ (СПбГУ). Лаборатории // Архитектурный сайт Петербурга CityWalls. URL: <https://www.citywalls.ru/house21572.html> (дата обращения: 11.06.2025).
- 5 Сергиевское, дача Ея Императорского Высочества Великой княгини Марии Николаевны» (1843, исправлена 1846): топографическая карта. Копия // Личный архив М. А. Надпорожской. См. также: *Осипов Д. В.* Научно-исторический очерк. С. 8.
- 6 *Шарлемань (Шарлемань-Бодэ) И. И.* Ферма в Сергиевке. Рисунок из бювара императрицы Александры Федоровны. 1855–1857 // Государственный Русский музей (ГРМ). Инв. № Р6-6433. См. также: Виртуальный Русский музей. URL: <https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/drawings/rb-6433/index.php> (дата обращения: 11.06.2025).

заметна пристройка, тоже в два этажа, но менее массивная. Можно предположить, что первый этаж каменный, а второй представляет собой что-то вроде летней веранды. Отметим отсутствие вблизи фермы деревьев.

Исторический облик восточного фасада фермы сохранили и два снимка 1920-х гг. Фотография из фондов Государственного музея-заповедника «Петергоф»⁷ ② а сделана несколькими годами раньше, чем фотография, сохранившаяся в материалах лаборатории биохимии почв Биологического института⁸ ② б. В правой части первого снимка различимы деревянные двухэтажные галереи, сохранившиеся с середины XIX в. В центре восточного фасада здания под аркой видны металлические решетчатые ворота. К арке с двух сторон примыкают одноэтажные каменные корпуса. Слева находится двухэтажный корпус с двумя окнами и балконной дверью на втором этаже. Сам балкон утрачен. Над балконной дверью второго этажа фермы – фигурный навес крыши. Остекление окон художественно оформлено, здесь были жилые помещения. На первом этаже – глухая стена без окон. Возможно, это помещение использовали для хранения продуктов. В комнатах первого этажа и в наше время летом всегда прохладно. На южном фасаде первого этажа заметен дверной проем – кажется, что дверь полуоткрыта. На снимке, сохранившемся в документах лаборатории и сделанном, вероятно, несколькими годами позже первой фотографии, хорошо видна только левая часть восточного фасада фермы ② б. Отметим, что на первом этаже прорублено новое окно. Остальные видимые части здания остались без изменений. Около фермы три дерева. Судя по наличию или отсутствию листвы, первый снимок сделан ранней весной или поздней осенью, а второй – летом.

Ферма в парке Сергиевка: послевоенные изменения

Фотография 2019 г. отражает изменения фермы, произошедшие в 1940–1950-е гг. ② в Во время бомбежек и обстрелов в период Великой Отечественной войны северный корпус (правый на фото) утратил второй этаж и пристроенные деревянные галереи. Угол одноэтажного корпуса, примыкающего справа к арке, со стороны двора был разрушен до основания. Послевоенная рыхлая кирпичная кладка, которой наспех заложили проломы в стенах ③ а, оказалась прочной и стоит до сих пор. Следы военных разрушений хранит почва двора: на глубине около 30 см, под тонким слоем древесных углей встречаются осколки камней, кирпича, строительных известковых материалов, оплавленного стекла. Разрушения второго этажа правого корпуса были столь значительны, что в послевоенное время было признано целесообразным покрыть

7 Старый Петергоф. Ферма на западной границе имения герцогов Лейхтенбергских «Сергиевка». 1920-е // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Фотодокументы». ПДМП 7056-фд.

8 Восточный фасад фермы в Сергиевке. 1920-е // Собрание документов лаборатории биохимии почв Биологического института.

кровлей только первый этаж: сотрудников Биологического института надо было срочно обеспечивать жильем. По этой же причине одноэтажная часть корпуса, примыкающая к арке слева ② в, была надстроена до второго этажа (по воспоминаниям Н. В. Ковш, проходившей в то время здесь летнюю учебную практику). Точная дата (1958) была тогда процарапана по свежей штукатурке: надпись находится слева от арки, над горизонтальным выступом кладки, отделяющей второй этаж от первого. На втором этаже сохранилось окно балконной двери; окна, бывшие справа и слева от нее, утрачены. Сотрудники института жили в здании фермы до конца 1970-х гг., когда им дали новые квартиры в Петергофе. Затем помещения фермы отремонтировали и разместили в них три научные лаборатории: биохимии почв, географии почв и корневого питания растений.

Вернемся к обзору современного внешнего вида фермы. Размеры комплекса зданий фермы 34×26 м. Площадь двора 330 м². Арочный вход во двор сохранился, но ворота утрачены. Три мощных кованых железных штыря, оставшиеся в опорах арки, дают представление о былой надежности крепления металлических ворот. Один из этих штырей виден на фото ③ ⑥. На довоенных фотографиях кровля арки широкая, современная же узкая. В 2016 г. во время съемок мини-сериала «Перчатка Авроры»⁹ металлическая кровля арки была снята и заменена деревянной, соответствующей историческому времени действия фильма. К сожалению, съемочная группа небрежно восстановила кровлю арки — теперь дождевые воды затекают в щели и разрушают известковый камень, скрепляющий каменную кладку ③ в.

Окна первого этажа фермы соотносятся с этапами достройки: где-то над окном веерная кирпичная кладка, а где-то сплошные гранитные блоки. Некоторые современные окна прежде использовали как двери, сейчас нижняя часть тех дверных проемов заложена кирпичами и оштукатурена. На первом этаже южного фасада фермы видны места бывших дверей: первое окно слева, второе окно справа и окно посередине фасада ④. Стена второго этажа оштукатурена полностью. Под штукатуркой не видно, сохранилась ли каменная кладка или была частично разрушена в войну. Башня из кирпича над серединой южного фасада фермы построена в 1960-х гг. Здесь был установлен телескоп для наблюдения за первыми искусственными спутниками (по воспоминаниям Н. В. Ковш). Площадка башни имела ограждение из сваренных металлических планок. Башня обита листами железа. Некоторые листы железа уже отвалились, нарушена гидроизоляция в местах соединения стен башни и крыши фермы. В конце 1980-х гг. планировали демонтировать башню и восстановить сплошную крышу над южным корпусом фермы, однако это не было реализовано.

9 См.: Перчатка Авроры (мини-сериал, 4 серии). Россия, 2016 // Онлайн-платформа «Кино-Театр.Ру». URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/122428/annot/> (дата обращения: 11.06.2025). Натурные сцены XIX в. сняты в парке Сергиевка.

В одной из комнат первого этажа фермы есть глубокие каменные арки во внутренней стене. В этой комнате с арками до 1920-х гг. не было восточного окна ❷, а единственное южное окно было небольшим. Остались ли эти арки как элемент архитектурного убранства первых этапов (возможно, до 1820-х гг.) строительства фермы?

Ферма в парке Сергиевка: этапы постройки

При обследовании фасадов здания мы выяснили, что корпуса фермы были построены в несколько приемов¹⁰. Сначала возвели каменные двухэтажный (или одноэтажный) южный длинный блок-параллелепипед и два северных одноэтажных блока-кубика. Вероятно, эти блоки были соединены деревянными пристройками, замыкающимися вокруг внутреннего двора. Позже достроили каменные части корпусов. Следы этих реконструкций заметны на всех фасадах фермы. Между каменной кладкой стен и кладкой фундаментных камней были проложены плитки известняка. В позднее достроенных частях фермы на этом месте стен уложены плитки гранита. Каменная кладка достроенных стен идет впритык к рустованным кирпичным углам. Поэтому некоторые рустованные углы на восточном и северном фасадах оказались в середине современных стен. Наиболее четко эти особенности конструкции стен видны на правой части северного фасада фермы ❺. К сожалению, деревья и кусты, в наше время разросшиеся около здания, не позволяют сделать снимок северного фасада целиком.

Интересно отметить следы еще более поздних реконструкций фермы. На южном и северном фасадах некоторые фрагменты кладки выполнены нетипично: в известковом растворе между крупных камней вдавлен не гранитный щебень, а округлая серая или черная галька ❻ а ❻. Похожий тип кладки встречен нами на подпорной каменной стене объекта культурного наследия регионального значения «Дача» на Морской ул., д. 5 в Мартышкине¹¹. Этот деревянный двухэтажный дом, построенный во второй половине XIX в., принадлежал золотопромышленнику В. Н. Латкину (устное сообщение Е. В. Серебровой). Дом стоит на кру-

10 Стадник Е., Надпорожская М. А. Тайны постройки здания фермы в Сергиевке и экологические вопросы // Материалы VIII ежегодной молодежной экологической Школы-конференции в усадьбе Сергиевка – памятнике природного и культурного наследия. Современные проблемы сохранения биоразнообразия естественных и трансформированных экосистем. СПб., 2013. С. 355–357; Стадник Е. Следы истории в почве двора фермы в Сергиевке // Природные и культурные аспекты долгосрочных экологических исследований на Северо-Западе России. Материалы XIII Региональной молодежной экологической Школы-конференции в усадьбе Сергиевка. К 150-летию со дня рождения Николая Адольфовича Буша – одного из основателей Петергофского естественно-научного института. СПб., 2019. С. 241–244.

11 Ныне исторический район Мартышкино – часть города Ломоносова. См.: Собственник деревянной дачи на Морской улице, д. 5 в Ломоносове по решению суда обязан отреставрировать здание // Официальный сайт Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга (КГИОП). URL: <https://kgiop.gov.spb.ru/o-komitete/press-centr/news/90291> (дата обращения: 23.06.2025).

том склоне Литориновой террасы. Склон под домом укреплен подпорной каменной стеной. Камни кладки крупные, неправильной формы, из колотого гранита. В известковый раствор полосками вдавлена гранитная галька, напоминающая «инкрустацию» галькой двух участков стен фермы в парке «Сергиевка» 6 в 7. Возможно, это признак одновременного проведения строительных работ в разных районах Мартышкина.

Все отмеченные архитектурные особенности подтверждают, что ферма многократно перестраивалась еще в XIX в. Вполне вероятно, что здание частями сдавали дачникам, поэтому и делали отдельные входы. Традиция выезжать на дачу в окрестностях Петергофа и Ораниенбаума установилась в Петербурге издавна и еще лет пятьдесят назад поддерживалась ленинградцами. Значительная реконструкция, как уже отмечено выше, была проведена для восстановления фермы после военных разрушений. Несмотря на замысловатую и трудную архитектурную судьбу, ферма парка «Сергиевка» сохранила очарование своего облика.

Ферма в парке «Сергиевка»: особенности каменной кладки

Каменная кладка первого этажа фермы очень интересна. Именно эта архитектурная особенность привлекает к ней внимание посетителей парка. Большинство камней вытесаны из крупных блоков, имеют форму куба или параллелепипеда 7 а. Некоторые камни вытесаны из ледниковых валунов, что заметно по их окатанной форме 7 б. В каменной кладке преобладает кварцево-полевошпатовый гранит. Встречаются черные камни — это габбродолерит (габбро-диабаз), а также зеленовато-серые — тальк-хлоритовый сланец. Определение горных пород в каменной кладке фермы проведено А. Г. Головки.

Камни скреплены старинным известковым раствором, который получали добавлением воды и песка в обожженный при высокой температуре (около 1000°C) измельченный известняк (негашеную известь CaO). Негашеная известь реагирует с водой, выделяя тепло и образуя гашеную известь Ca(OH)_2 . При выдерживании на воздухе гашеная известь преобразуется в карбонат кальция (CaCO_3), при этом скрепляющий каменную кладку материал крепнет и может в нейтральной среде существовать веками.

При взаимодействии кислот и карбоната кальция идет реакция нейтрализации с выделением углекислого газа, в результате разрушается известковый раствор, скрепляющий каменную кладку. Кислоты могут попадать на нее из атмосферных осадков, разлагающегося растительного опада, почвенных растворов подзолистых почв нашей таежной зоны. Для обеспечения долговечности каменной кладки следует устранять контакты с этими источниками кислот. В первую очередь важно обеспечить дистанцию между зданием и древесной растительностью.

По требованиям СанПиН 2.1.2.2645-10¹², между зданием и деревьями должно быть расстояние не менее 5 м. Традиционно вокруг зданий, стены которых построены в технике каменной кладки, выполняется подсыпка хорошо дренирующего грунта на глубину 1,5 м, вдвое превышающую мощность промерзающего слоя грунта для нашей биоклиматической зоны (по сообщению Е. Р. Михайловой). Вокруг стен фермы подсыпка выполнена из смеси гумусированного грунта и измельченных известковых строительных материалов.

Из-за специфики химического состава подсыпанного грунта, а также вследствие попадания в почву строительных материалов на этапах перестройки, разрушений и ремонта здания, почва внутри двора и вокруг наружных стен фермы щелочная, $pH H_2O$, варьируется в диапазоне 6,8–8,0. Почва выкашиваемых лугов, расположенных неподалеку от фермы, характеризуется слабокислой реакцией среды 6,2–6,3¹³. ⑧

Парк Сергиевка находится в подзоне южной тайги. Типичная растительность здесь – хвойные или смешанные леса. Безлесные пространства могут существовать на дренированных местообитаниях только при регулирующей растительности воздействием человека: распахивании, выкашивании или искусственном поддержании неблагоприятных для роста растений условий (плотное грунтовое покрытие или мостовая). Как только хозяйственная деятельность ослабевает, кустарниковая и/или древесная растительность восстанавливается самопроизвольно или по неосмотрительности человека, и корни деревьев повреждают фундамент здания. Каменная кладка стен фермы, контактирующая с древесными кронами, разрушается со значительной скоростью. Например, в углублении между камнями стены северного корпуса, выходящей во двор под кроной крупной ели, уже который год гнездятся птицы. ⑦ в

Западная часть двора перекрыта полуразрушенной каменной стеной (около 2 м высотой) с заложёнными кирпичом дверными и оконными проемами. Кроны деревьев нависают над этой стеной особенно густо. Часть кирпичей, закрывающих бывшие оконные и дверные проемы, и камней из стены уже выпали на землю, оставшаяся кладка еле держится. В стене образовались сквозные дыры, а почву под ней пролизают корни деревьев, видные на глубине 10–20 см. ⑨

Двор фермы, по рассказам местных жителей, имел грунтовое покрытие (устное сообщение О. Ю. Миничевой). В 1976 г. в помещениях фермы был проведен внутренний ремонт, начали работу научные лаборатории. В 1983–1985 гг. парк Сергиевка реставрировали: из прудов удалили

12 СанПиН 2.1.2.2645-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях» (утв. постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 10 июня 2010 г. № 64). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12077273/> (дата обращения: 23.06.2025).

13 Стадник Е. П., Надпорозжская М. А. Почвы двора фермы в Сергиевке: о чем рассказали артефакты? // Материалы Международной научной конференции XXIV Докучаевские молодежные чтения «Почвоведение в цифровом обществе». СПб., 2021. С. 244–245.

донные отложения, обновили и укрепили каменные мосты, проложили насыпные дорожки. Во двор фермы завезли плодородный грунт (30 см), разбили газоны, занявшие 260 м² из общей площади 330 м². Во дворе росли два куста сирени, кусты шиповника. В 1986 г. сотрудниками института были высажены пять молоденьких елей. Ясень вырос самосевом. Шли годы, появился подрост ясеня, клена и ивы. В 2014 г. древесный подрост мы удалили. Чтобы предотвратить восстановление древесной растительности, И. А. Инишина разбила на газонах цветники и ухаживает за ними. Сейчас во дворе остались крупные, выше зданий, деревья — три ели и ясень.

С севера и запада, в опасной близости к стенам, тоже есть крупные деревья: их корни прорастают под здание, а кроновые воды разрушают известковый цемент гранитной кладки.

Сохранность фермы зависит также от предотвращения аварийных ситуаций. Например, 6 июля 2016 г., после сильного дождя, из-за неисправной системы ливневой канализации затопило площадку около восточного корпуса фермы 10. Воду выбрасывало фонтаном из люка ливневки почти сутки. Грунт около фермы был надолго переувлажнен. Из-за избытка влаги подгнили доски пола в одной комнате и в западном коридоре первого этажа южного корпуса.

В 2020 г. Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга (КГИОП) проводил обследование фермы для «Проекта капитального ремонта конструкций крыши и кровельного покрытия, реставрации фасадов и фундамента»¹⁴. Для изучения состояния основания здания были заложены шурфы около стен снаружи и во дворе, а также четыре шурфа внутри помещений. Шурфы выявили проросшие корни деревьев в коридоре северного корпуса. При последующем ремонте и реставрации здания следует учесть необходимость удаления растений и насыпного грунта, а также восстановления грунтовой подсыпки внутреннего двора фермы.

Заключение

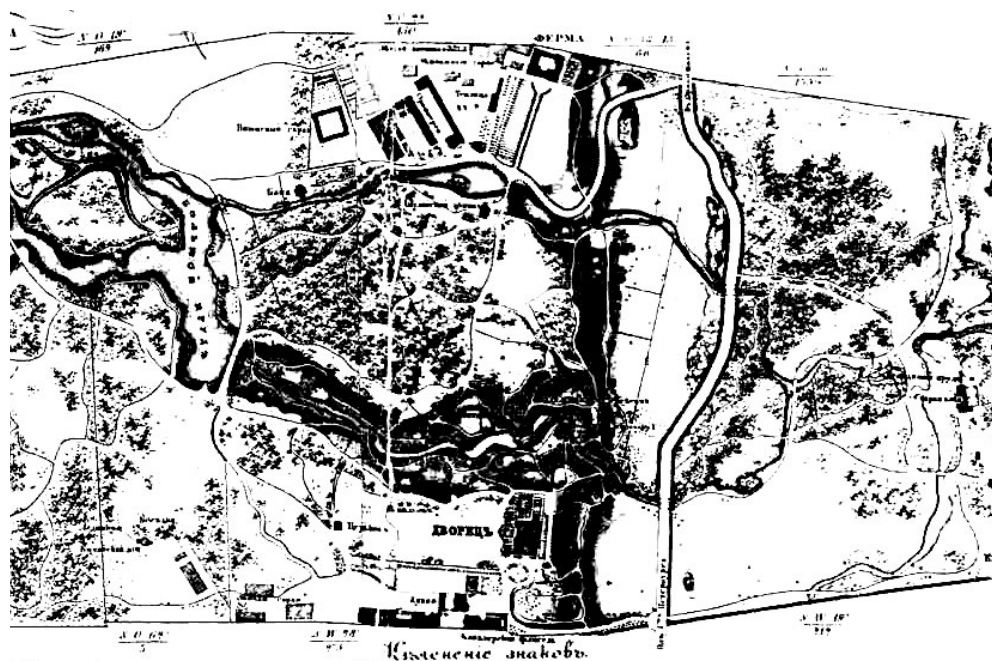
Комплекс зданий по адресу: Санкт-Петербург, Петродворцовый район, Ораниенбаумский проспект, д. 2 (литеры Ф-Ю), именуемый с 1939 г. на картах усадьбы Сергиевка «Ферма», является важным историко-культурным памятником. Исследователи сходятся во мнении, что ее основа была заложена шведским феодалом в допетровское время. Нами отмечены многочисленные следы перестройки здания, выполненной в разные периоды: до 1917 г., в 1920-е и после 1945 г.

14 Акт по результатам государственной историко-культурной экспертизы проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия федерального значения «Ферма», входящего в состав объекта культурного наследия федерального значения «Дворцово-парковый ансамбль Сергиевка» // Официальный сайт КГИОП. URL: https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2021/03/02/A_K_T_ГИКЭ_с_прил_Петергоф_Ферма.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

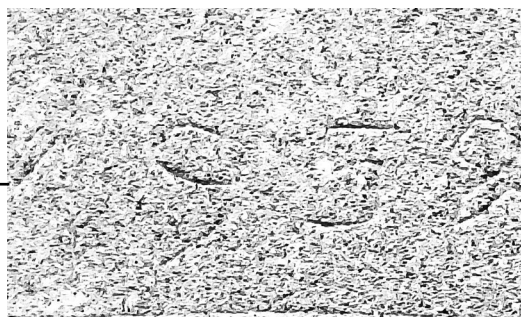
Несмотря на сложную архитектурную судьбу, ферма и в наши дни является ценным художественным и туристическим объектом. Живописная каменная кладка ее стен нуждается в особом режиме охраны. Согласно СанПиН 2.1.2.2645-10, следует удалить деревья, растущие ближе 5 м от здания. Важно учитывать также, что у строения нет фундамента, поэтому необходимо организовать систему грунтового дренажа. Для поддержания микроклимата внутреннего двора нужно восстановить его грунтовое покрытие, пересадив декоративные посадки цветов и удалив насыпной (30 см) гумусированный горизонт. С поддержанием сохранности помещений фермы справляется Санкт-Петербургский государственный университет. Охрана нашего культурного наследия – дело государственной важности.

REFERENCES

- Gorbatenko S. B. *Peterhofskaya doroga* [Peterhof Road]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ. H., 2002. 448 p. (In Russian)
- Osipov D. V. *Nauchno-istoricheskij ocherk* [Scientific and historical essay]. Sergievka Park is a complex natural monument. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ. H., 2005, pp. 6–12. (In Russian)
- Stadnik E. *Sledy istorii v pochve dvora fermy v Sergievke* [Traces of history in the soil of the farmyard in Sergievka]. Natural and cultural aspects of longterm environmental research in the North-West of Russia. Materials XIII Regional Youth Environmental School-Conference in the Sergievka Estate in 2019: dedicated to the 150th anniversary of the birth of Nikolai Adolfovich Bush, one of the founders of the Peterhof Natural Science Institute. St. Petersburg, BBM Publ. H., pp. 241–244. (In Russian)
- Stadnik E., Nadporozhskaya M. A. *Tajny postrojki zdaniya fermy v Sergievke i ekologicheskie voprosy* [Secrets of the construction of the farm building in Sergievka and environmental issues]. Materials of the VIII Annual Youth Ecological School-Conference in the estate “Sergievka” – monument of natural and cultural heritage 2013: Modern problems of biodiversity conservation of natural and transformed ecosystems. St. Petersburg, BBM Publ. H., 2013, pp. 355–357. (In Russian)
- Stadnik E. P., Nadporozhskaya M. A. *Pochvy dvora fermy v Sergievke: o chem rasskazali artefakty?* [Soils of the farmyard in Sergievka: what did the artifacts tell us?]. Proceedings of the International Scientific Conference XXIV Dokuchaev youth readings “Soil Science in a digital society”. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ. H., 2021, pp. 244–245. (In Russian)

❶ Топографическая карта усадьбы Сергиевка. Фрагмент
1843-1846
Личный архив М. А. Надпорожской

2 а Ферма на западной границе имения Сергиевка

1920-е

ГМЗ «Петергоф»

б Восточный фасад фермы в Сергиевке

1920-е

Собрание документов лаборатории биохимии почв Биологического института

в Восточный фасад фермы в Сергиевке

Стрелка указывает место, где видна дата постройки этой части второго этажа
2019

Фотограф М. А. Надпорожская

- 3 а** Часть восточного фасада с аркой фермы в Сергиевке (вид со двора)
- б** Один из кованых железных штырей, на которые крепились въездные ворота на столбе арки фермы в Сергиевке
- в** Металлическая кровля арки фермы в Сергиевке

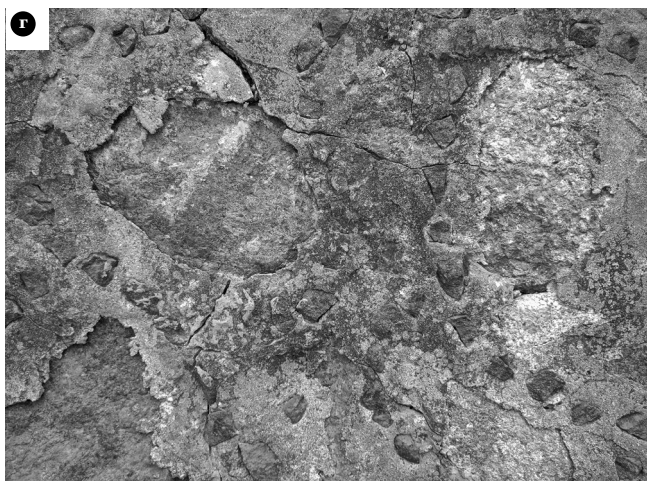
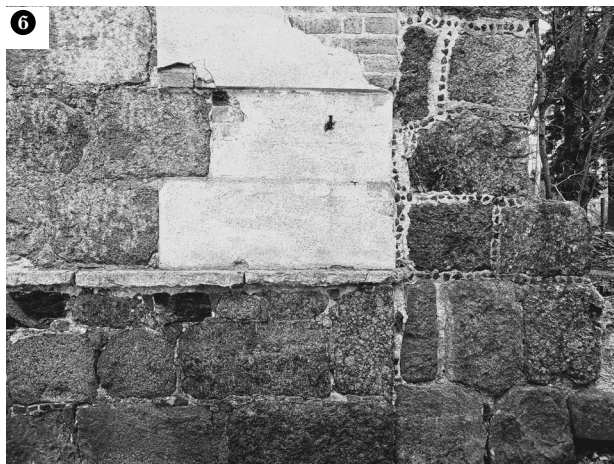
Личный архив М. А. Надпорожской

4 Южный фасад фермы в Сергиевке
Личный архив М. А. Надпорожской

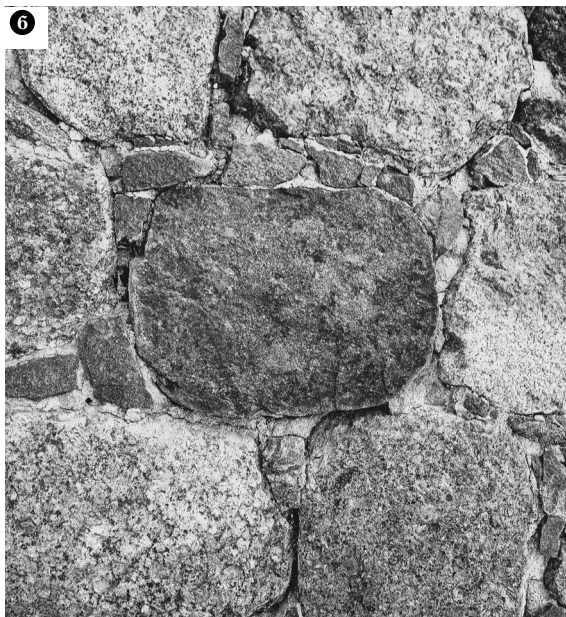

5 Северный фасад фермы в Сергиевке. Рустованный угол в середине стены
Личный архив М. А. Надпорожской

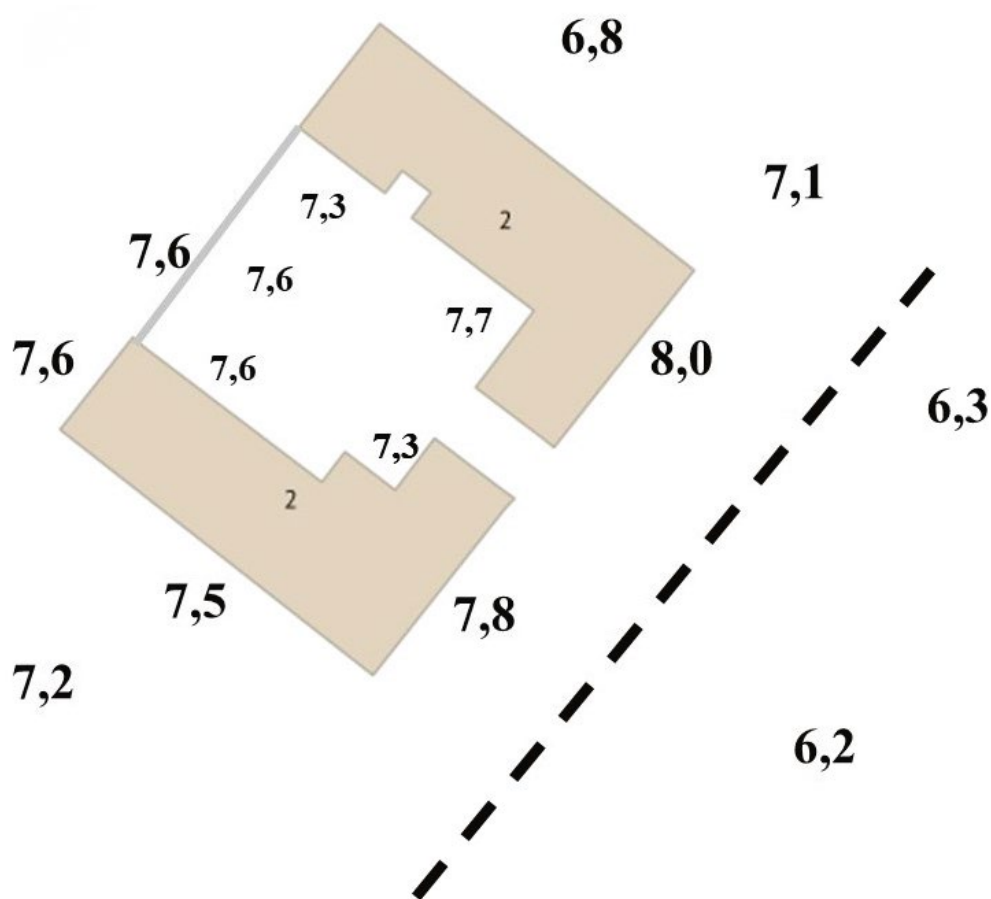

- б** **а** Часть стены южного фасада фермы в Сергиевке
б Часть стены северного фасада фермы в Сергиевке
в Северный фасад дачи В. Н. Латкина в Мартышкине
г Фрагмент каменной кладки подпорной стены дачи В. Н. Латкина в Мартышкине

Личный архив М. А. Надпорожской

- 7 а** Каменная кладка фермы в Сергиевке: верхняя часть стены 1-го этажа южного корпуса
- б** Каменная кладка фермы в Сергиевке: валуны стены восточного корпуса
- в** Каменная кладка фермы в Сергиевке: стена северного корпуса со стороны двора
- Личный архив М. А. Надпорожской*

- 8 Надпорожская М. А.
Карта-схема реакции среды (рНН₂О) почв двора и окрестностей фермы в Сергиевке
 Пробы отобраны с глубины 0–5 см. Штриховая линия показывает границу между территорией фермы и выкашиваемыми лугами

9 Задняя стена двора фермы в Сергиевке

а Вид сбоку

б Вид спереди

в Почва перед задней стеной

Личный архив М. А. Надпорожской

10 Авария ливневой канализации около здания фермы в Сергиевке

6 июля 2016

Личный архив М. А. Надпорожской

БЕРЛИНСКИЕ ЛЕБЕДИ ПЕТЕРГОФСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ

**Плотникова
Ольга
Владимировна**

Хранитель музейных
предметов (в экспозиции),
ГМЗ «Петергоф»

198516, Россия, Санкт-
Петербург, Петергоф,
Разводная ул., д. 2

olgaoranienbaum@yandex.ru

Цитирование:

Плотникова О. В.
Берлинские лебеди
петергофской
Александрии // *Loci*
Imperiales. 2025. № 4.
С. 102–115.

Поступила в редакцию:
12 февраля 2025 г.

Рекомендована к печати:
26 июня 2025 г.

Статья посвящена истории появления в петергофской резиденции Александрия лебедей и роли этих птиц в создании образа императорской усадьбы в XIX – начале XX в. Опираясь на документы из фондов Российской государственного исторического архива (РГИА), с привлечением материалов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Ведомственного архива Государственного музея-заповедника «Петергоф» и ряда библиографических источников, автор раскрывает традицию бытования этих птиц в Петергофе, подчеркивая их символическое значение в контексте русско-прусских отношений и эстетики немецкого романтизма. Собственная Ея Императорского Величества дача Александрия создавалась в характерном для усадебного строительства первой трети XIX в. «стремлении к романтизации жизненной среды», с учетом предпочтений владелицы – супруги императора Николая I Александры Федоровны, старшей дочери прусского короля Фридриха Вильгельма III. Заключенный по взаимной любви брачный союз имел важное значение в укреплении отношений между Россией и Пруссией и, кроме того, способствовал развитию диалога двух держав в области искусств, в формировании культурного ландшафта окрестностей Петербурга и Потсдама. Появление в первой трети XIX в. лебедей, в окружении природных и неоготических архитектурных декораций Александрии, сближало последние с живописными композициями немецкого романтизма. Лебеди сопутствовали всему императорскому периоду истории бытования летней резиденции, став к началу XX в. традиционным для нее видом фауны. В статье подробно описывается организация ухода за этими птицами, включая их кормление, зимнее содержание и размещение на водоемах. Архивные материалы свидетельствуют о строгом контроле за состоянием пернатых и попытках сохранить численность стаи, несмотря на периодические случаи гибели птиц. Кроме того, рассматривается архитектурное оформление парка, где лебеди стали неотъемлемым элементом пейзажа, а их изображения использовались в декоре построек. В заключение автор поднимает вопрос о необходимости восстановления лебединого населения как части культурного наследия.

Ключевые слова: Петергоф, Александрия, лебеди, Орден Лебеда, немецкий романтизм

BERLIN SWANS OF ALEXANDRIA IN PETERHOF

**Plotnikova
Olga
Vladimirovna**

Curator of museum
items (in the exposition),
The Peterhof State Museum
Reserve

2, Razvodnaya st., Peterhof,
St. Peterghof, 198516, Russia
olgaoranienbaum@yandex.ru

Citation: Plotnikova O. V.
Berlin swans of Alexandria
in Peterhof. *Loci Imperiales*,
2025, no 4, pp. 102–115.
(In Russian)

Received: February 12, 2025
Accepted: June 26, 2025

The article is devoted to the history of the appearance of swans in the Peterhof residence of Alexandria and the role of these birds in creating the image of the imperial estate in the XIX – early XX century. Based on documents from the collections of the Russian State Historical Archive, using materials from the State Archive of the Russian Federation, the Departmental Archive of the Peterhof State Museum-Reserve and a number of bibliographic sources, the author reveals the tradition of these birds in Peterhof, emphasizing their symbolic significance in the context of Russian-Prussian relations and aesthetics. German Romanticism. Her Imperial Majesty's own dacha, Alexandria, was created in a manner typical of manor construction in the first third of the 19th century "striving to romanticize the living environment", taking into account the preferences of the owner, Alexandra Feodorovna, the wife of Emperor Nicholas I, the eldest daughter of King Frederick William III of Prussia. The marriage alliance, concluded out of mutual love, was important in strengthening relations between Russia and Prussia and, in addition, contributed to the development of a dialogue between the two powers in the field of arts, in shaping the cultural landscape of the environs of St. Petersburg and Potsdam. Appearance in the first third of the 19th century. The swans, surrounded by the natural and Neo-Gothic architectural scenery of Alexandria, brought the latter closer to the picturesque compositions of German Romanticism. Swans accompanied the entire imperial period of the summer residence's history, becoming a traditional species of fauna by the beginning of the twentieth century. The article describes in detail the organization of care for these birds, including their feeding, winter maintenance and placement in reservoirs. Archival materials indicate strict control over their condition and attempts to maintain flock numbers, despite periodic bird deaths. In addition, the architectural design of the park is being considered, where swans have become an integral part of the landscape, and their images were used in the decoration of buildings. In conclusion, the author raises the issue of the need to restore the swan population as part of the cultural heritage.

Keywords: Peterhof, Alexandria, Swans, The Order of the Swan, German Romanticism

Ландшафтный облик петергофской резиденции Александрия, названной по имени владелицы — императрицы Александры Федоровны, урожденной принцессы Прусской, формировался во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XIX в. в эстетике «садового романтизма»¹, когда, по выражению Д. С. Лихачева, «все элементы <...> подчинялись эмоциональным переживаниям личности, соединялись с элементами поэзии, литературными мотивами, мотивами путешествий, воспоминаний»². **1** В овеванных памятью декорациях парка Александрии естественно воспринимались и установленный в саду дворца «Коттедж», «на пьедестале черного мрамора с посвятителной надписью в картуше»³, скульптурный портрет прусского короля Фридриха Вильгельма III — отца Александры Федоровны, и возведенная по эскизному проекту придворного берлинского зодчего Карла-Фридриха Шинкеля Готическая церковь, архитектура которой сама по себе являла образец «изящнейшей романтической декорации»⁴.

Белые лебеди, обитавшие на прудах Александрии, были также реминисценцией девического мира принцессы Шарлотты, сформировавшегося в окружении пейзажей прусских королевских резиденций, воспоминания о которых она бережно хранила. Среди дневников, альбомов, записных книжек Александры Федоровны, собранных в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), находится альбом 1814 г. Под его обложкой, отмеченной тисненой надписью «Charlotte», собраны пейзажные зарисовки, сделанные в парках потсдамских резиденций Шарлоттенбург и Паретц, виды острова Пфауенинцель с его неоготическим замком и вольерами для птиц. Один из листов альбома представляет собой исполненный рукой принцессы Шарлотты карандашный эскиз театральной декорации с изображением трех белых лебедей на озере — композицию фантазийную, но, несомненно, навеянную реальными образами⁵. **2.**

Предпочтениям августейшей владелицы Александрии, связанной узами родства с Прусским королевским домом, отвечали и присущие отдельным уголкам ее собственной дачи нотки немецкого романтизма — идеологического течения конца XVIII — начала XIX в., с характерным для него преобладанием духовного начала, тягой к мистицизму, значимостью символа. В окружении пейзажного парка образ лебедя словно вторил поэтическим строкам О. Г. фон Лёбена, воскрешал в памяти проникнутые символизмом композиции Ф. О. Рунге или же образы с полотен

1 Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 181.

2 Там же. С. 193.

3 Юмангулов В. Я. Малые формы парка Александрия. 1998 // Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Р-466. Л. 16.

4 Замечание немецкого искусствоведа Ф. Куглера. Цит. по: Шеманский А. В. Парк Александрия и Готическая капелла. Л., 1935. С. 7.

5 Альбом императрицы Александры Федоровны (урожденной принцессы прусской Шарлотты) с рисунками пейзажей // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 672. Оп. 1. Д. 473. Л. 14.

К. Д. Фридриха — «романтика из Дрездена»⁶, творчество которого особенно ценила российская императорская чета. Одним из примеров в их художественной коллекции было полотно «Лебеди в камышах», переданное уже в XX столетии (1928) из Ропшинского дворца в собрание Государственного Эрмитажа⁷.

Среди проводников идей немецкого романтизма в русскую культуру были приближенные к Александре Федоровне поэты В. А. Жуковский и Ф. И. Тютчев, каждый из которых в своей лирике отдал дань образу лебедя, восхищаясь его благородством, величественной красотой и кротостью.

В конце XVIII и, главным образом, в начале XIX столетий поэзия и живопись сыграли важнейшую роль «эстетической подготовки к восприятию красоты пейзажных садов и парков»⁸ — романтических пространств, где обитал лебедь, «высоковыйный, статный // и белый как серебро»⁹, предстающий на водной глади визуализацией «словесных ландшафтных зарисовок»¹⁰ Ж. Делиля из его поэмы «Сады», известной в России не только в оригинале¹¹, но и в изданном в 1816 г. дополненном русском переводе А. Ф. Воейкова под названием «Сады, или Искусство украшать сельские виды»¹². Предлагая читателю «руководство для устройства «пейзажных» садов»¹³, его автор вопрошал: «Почто молчат пруды и озеро пустынно?», призывая, «чтобы пернатых крики // будили дремлющий на бреге лес великий...»¹⁴

Архивные источники свидетельствуют, что лебеди обитали в петергофской Александрии на первых порах ее истории. Уже в 1830 г. закупался кормовой хлеб для птиц¹⁵. В июне 1836 г. из Царского Села были привезены в Петергоф две пары «с казенным птичником»¹⁶. Еще четыре царскосельских лебедя прибыли в мае 1841 г., «ко времени присутствия императорской фамилии на даче Александрии»¹⁷, и, в соответствии с пожеланием императора, были пущены «на находящийся там островок»¹⁸. Примечательно, что именно во время этого очередного Высочайшего присутствия дачу Александрия впервые увидела

- 6 *Turtchin W.* Die Romantik in Deutschland und in Russland // Macht und Freundschaft. Berlin — St. Petersburg. 1800–1860. Leipzig, 2008. S. 249.
- 7 Caspar David Friedrich and the German Romantic landscape: Catalogue of the Exhibition, from 20 September 2008 till 18 January 2009. Amsterdam, 2008. Kat. 75.
- 8 *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. С. 189.
- 9 *Делиль Ж.* Сады. Л., 1988. С. 144.
- 10 *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. С. 176.
- 11 *Delille J.* Les Jardins, ou L'art d'embellir les paysages: poème. Paris, 1782.
- 12 Сады или Искусство украшать сельские виды. Сочинение Делиля. Перевел Александр Воейков. СПб., 1816.
- 13 *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. С. 196.
- 14 *Делиль Ж.* Сады. С. 144.
- 15 *Юмангулов В. Я.* Малые формы парка Александрия. Л. 14.
- 16 Рапорт комиссара Артемьева в Петергофское дворцовое правление. 8 июня 1836 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 490. Оп. 2. Д. 940. Л. 13.
- 17 Предписание министра императорского двора князя Волконского генерал-лейтенанту Захаржевскому. 8 мая 1841 // Там же. Ф. 472. Оп. 3. Д. 123. Л. 2.
- 18 Там же.

молодая супруга цесаревича великого князя Александра Николаевича — великая княгиня Мария Александровна, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, которой впоследствии суждено было стать августейшей хозяйкой этой загородной резиденции¹⁹.

Посредством Царскосельского дворцового правления положили начало разведению белых лебедей в Петергофе на пруду Колонистского парка, «где Царицын остров»²⁰ ❸, для чего в 1845 г. были завезены четыре пары. К сожалению, эта поставка оказалась омрачена печальным происшествием, о котором рапортовал садовый мастер П. И. Эрлер: «<...> из числа восьми штук белых лебедей <...> один из оных пал, который должно быть поврежден [был. — *О. П.*] при перевозке и забит прочими <...>»²¹. Спустя два года на тот же водоем пустили еще «четыре белых лебедя»²² из Таврического сада.

Доставленных в мае 1848 г. из Берлина в Петергоф шесть пар белых лебедей также надлежало, согласно повелению государя, пустить на «большое озеро у Ольгинского павильона»²³. При этом берлинскими лебедями предполагалось заменить уже обитавших там птиц, которых надлежало «перевести на время в Английский сад, а после на новый пруд у Самсоньевского павильона»²⁴. Однако эта задача, возложенная на садового мастера П. И. Эрлера, оказалась трудновыполнимой: «садовый подмастерье Петр Филипов с учеником Василием Кадыковым и с большим количеством рабочих людей при всем старании не могли никаким образом оных поймать»²⁵, — докладывал П. И. Эрлер, напоминая, что «по примеру прочих лет помогал ловить таковых фазан егерь с сетями»²⁶. Разрешением возникшей проблемы стало повеление Николая I: «<...> привезенных из Берлина шесть пар лебедей пустить в Александрию»²⁷.

Вскоре, 29 мая 1848 г., берлинские белые лебеди были «пущены в пруд»²⁸ в восточной части парка, у подножия его верхней террасы, увенчанной зданием дворца «Коттедж». Это был сохранившийся до настоящего времени Большой пруд — наиболее обширный из искусственных водоемов парка, образованный в результате запруды одного из рукавов

19 О переходе дачи Александрии в собственность государыни императрицы Марии Александровны. 8 марта 1861 // Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3140. Л. 2.

20 Донесение в Петергофское дворцовое правление о препровождении четырех пар лебедей. 16 августа 1845 // Там же. Д. 1750. Л. 2.

21 Рапорт садового мастера П. И. Эрлера в Петергофское дворцовое правление. 1845 // Там же. Л. 6.

22 Рапорт садового мастера П. И. Эрлера в Петергофское дворцовое правление. 18 июня 1847 // Там же. Д. 1969. Л. 6.

23 Распоряжение главноуправляющего Дворцовым правлением и Царским Селом Я. В. Захаржевского. 21 мая 1848 // Там же. Оп. 3. Д. 1251. Л. 1.

24 Там же.

25 Рапорт садового мастера П. И. Эрлера в Петергофское дворцовое правление. 26 мая 1848 // Там же. Л. 4.

26 Там же.

27 Предписание садовому мастеру П. И. Эрлеру. 28 мая 1848 // Там же. Л. 5.

28 Рапорт садового мастера П. И. Эрлера в Петергофское дворцовое правление. 29 мая 1848 // Там же. Л. 9.

Щеголева ручья, и поныне несущего свои воды через территорию Александрии в Финский залив.

Появление в резиденции одновременно двенадцати лебедей стало беспрецедентным в ее истории фактом, по-своему знаменательным в свете установившихся взаимоотношений между правящими домами России и Пруссии. Кроме того, оно могло быть косвенно связано с событием 1843 г., когда королем Фридрихом Вильгельмом IV — братом и единомышленником императрицы Александры Федоровны — в Пруссии был восстановлен бранденбургский рыцарский Орден Лебеда, объединивший благотворительные организации, гуманитарная деятельность которых обрела покровительство гроссмейстера в лице самого монарха. Символом возрожденного духовного объединения, как и при его основании в XV в., стало изображение белого лебедя под медальоном с образом Девы Марии с Младенцем. В пользу гипотезы о возможной причастности императрицы Александры Федоровны к Ордену Лебеда словно указывает то, что уже на следующий год после его восстановления, а именно в 1844 г., в нише северного фасада императорского дворца «Коттедж» установили скульптурную композицию «Мадонна с Младенцем» (скульптор И. Витали), обратив ее в сторону дворцового пруда, где уже тогда могли обитать царскосельские лебеди.

На мысль о некоем сакральном восприятии этих птиц в контексте орденского единства наводит само их количество в мае 1848 г. — шесть пар, то есть двенадцать лебедей, как напоминание об апостольском братстве или же о двенадцати рыцарских добродетелях. Примечательно, что численность стаи при Александре Федоровне поддерживалась и, согласно архивным документам, в 1860 г. (в год смерти императрицы) по-прежнему насчитывала дюжину птиц²⁹.

Ответственность за содержание берлинских лебедей возлагалась на комиссара дачи Александрия подпоручика Абрамова, который, в свою очередь, руководствовался предписаниями Собственной Его Величества конторы. Одно из существенных распоряжений, например, касалось количества ржаной муки для выпекания хлеба на корм лебедям. Так, в расчете на одну птицу отпускалось «3 фунта в месяц»³⁰, то есть почти полтора килограмма. Эта норма устанавливалась «согласно положению Царскосельского дворцового правления»³¹, из чего можно заключить, что рацион царскосельских лебедей рассматривался как эталонный для пернатых обитателей Александрии. Помимо ржаного хлеба, лебеди получали очищенный от шелухи, так называемый «шастанный», овес — «в зимние месяцы по одному четверику и два гарнца»³² (примерно 33 кг. — *О. П.*), а в летние месяцы, когда рацион птиц дополнялся естественным путем за счет их самостоятельного пропитания на водоемах,

29 Рапорт комиссара Колюбакина. 1860 // Там же. Оп. 2. Д. 3368. Л. 38.

30 Предписание Собственной Его Величества конторы комиссару Дачи Ея Величества Александрии Абрамову. 19 июня 1852 // Там же. Д. 2442. Л. 4.

31 Там же.

32 Отчет Царскосельского дворцового правления. 29 мая 1852 // Там же. Л. 2.

«по 6 гарнцев (примерно 19 кг. — *О. П.*) для каждого»³³. Кроме того, для содержания лебедей в холодное время года требовалась солома, выделяемая из расчета для каждой птицы «по 1 фунту в день»³⁴ (примерно 0,5 кг. — *О. П.*).

Комиссар дачи докладывал о своих подопечных в Собственную Его Величества контору. Зачастую это были печальные донесения о том, как тот или иной лебедь «от неизвестной причины пал»³⁵, на что в ответ комиссар получал предписание об исключении павшей птицы из описи.

Вероятно, с целью пополнить поредевшую стаю, в 1853 г. по желанию императрицы обер-гофмаршал А. П. Шувалов через российское посольство в Берлине выписал еще четыре пары лебедей, которых на этот раз везли в Петергоф уже целенаправленно «для дачи Ея Величества Александрии»³⁶ ④. Подробности транспортировки не известны, но, очевидно, перевозили лебедей морем, предположительно тем же путем, каким в 1828 г. в Петербург доставили скульптурный портрет Александры Федоровны работы прусского мастера Л.-В. Вихмана: из Берлина в Штетин, затем в Кронштадт и далее в конечный пункт назначения³⁷.

Документы свидетельствуют, что Собственная Его Величества контора уплатила за четыре пары лебедей 139 руб. 27 коп. серебром. По распоряжению Николая I сумма была компенсирована за счет средств Кабинета Его Императорского Величества и, таким образом, восемь лебедей стали подарком государя августейшей супруге для ее петергофской резиденции. Не этих ли берлинских птиц запечатлела кисть придворного архитектора И. И. Шарлеманя, создавшего летом 1854 г. акварельный этюд «Вид на пруд с лебедями в Александрии»³⁸?

После зимовки лебеди императорского Петергофа, в том числе Александрии, традиционно поступали «в распоряжение садового мастера Эрлера»³⁹. О происшествиях со своими подопечными он подробно рапортовал: «<...> в Английском саду во время кадетских маневров из находящихся в том саду восьми казенных лебедей два <...>, испуганные вероятно пушечными выстрелами пропали и по сие время при всем старании я нигде не могу их отыскать. <...> от испуга собаками пропало два лебедя, <...> один лебедь улетел в море и пропал <...>»⁴⁰. Эпизоды, связанные с лебедями Александрии, известны благодаря сохранившимся

33 Там же.

34 Расход по ордеру от 8 марта 1860 // Там же. Д. 3345. Л. 1.

35 Рапорт комиссара Дачи Александрия подпоручика Абрамова в Собственную Его Императорского Величества контору. Январь 1850 // Там же. Д. 2289. Л. 1.

36 Рапорт обер-гофмаршала Шувалова. 24 августа 1853 // Там же. Ф. 472. Оп. 4. Д. 208. Л. 1.

37 О полученной из Берлина статуе государыни императрицы Александры Федоровны и поставленной в Зимнем дворце на половине Ее Величества // Там же. Ф. 470. Оп. 3 (внутр. оп. 145/579). Д. 503. Л. 1.

38 *Шарлемань И. И.* Вид в парке Александрии у озера с лебедями. 1854 // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Акварель». ПДМП 37/2-ак.

39 Рапорт комиссара Колюбакина. 1860. Л. 38.

40 Рапорт садового мастера П. И. Эрлера. 29 сентября 1860 // РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3368. Л. 121–122.

донесениям, которые подавались комиссаром дачи Абрамовым, а также архитектором Э. Л. Ганом на имя управляющего Петергофом. Среди этих документов — рапорты о приплоде «от берлинских лебедей»⁴¹ или их гибели. Так, например, в марте 1865 г. был зафиксирован случай падежа сразу нескольких птиц: «<...> пять молодых лебедей один за другим пали, <...> от слабости и [неспособности. — О. П.] вынести первой для них холодной зимы <...>»⁴².

На местонахождение птичника для лебедей в суровые зимние месяцы в середине XIX в. туманно указывает один из документов 1854 г. с упоминанием при водоеме «казенного дома, где [лебеди. — О. П.] всегда находятся до открытия прудов в Александрии»⁴³. Более конкретные сведения относятся уже ко второй половине XIX столетия, когда, после завершения строительства Скотной фермы в юго-западной части парка, возле запруды Щеголева ручья устроили лебедяжник с «постройкой на берегу пруда для зимнего помещения лебедей»⁴⁴. Проект домика представлен на генеральном плане дачи Александрия 1891 г. с пометкой «<...> изменить фасад и план, согласуя с удобством»⁴⁵. О том, что постройка действительно в том или ином виде была реализована, свидетельствуют планы уже последующих лет, на которых она обозначена на северном берегу водоема близ Скотной фермы⁴⁶.

В конце XIX в. лебедей по-прежнему выпускали в теплое время года на Дворцовый пруд, а также на меньший по размерам водоем выше по течению Щеголева ручья, возле Хмелевой веранды. Этот факт подтверждают воспоминания историка И. А. Галактионова, опубликованные в 1881 г. в одном из номеров иллюстрированного журнала «Семейные вечера»: «<...> со скамейки, поставленной посредине веранды, открывается вид на пруд с плавающими лебедями и белый мраморный крест, возвышающийся под горой у другого конца пруда. Это — памятник Великой Княжне Александре Николаевне <...> За плотиной маленький водопад наполняет речку, которая несет воду в <...> пруд, вырытый против самого Коттеджа»⁴⁷.

41 Рапорт комиссара Абрамова управляющему Петергофом генерал-майору и кавалеру Бларамбергу. 15 апреля 1858 // Там же. Д. 3135. Л. 16.

42 Рапорт архитектора Э. Л. Гана управляющему Петергофом генерал-майору и кавалеру Евреину. 1 марта 1865 // Там же. Оп. 3. Д. 2472. Л. 1.

43 Рапорт комиссара Абрамова. 15 апреля 1854 // Там же. Д. 1251. Л. 23.

44 Часть Генерального плана дачи Александрия в Петергофе с показанием домика для лебедей, предполагаемого к постройке на берегу пруда возле Скотной фермы. Фасад домика. 1891 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 1625-ар.

45 Там же.

46 Миняев А. К. 1) План и разрез шлюза вблизи лебедяжника на даче Александрия в Петергофе, подлежащего возобновлению. 1909 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 956-ар; 2) План скотной фермы. План шлюза у Лебедяжного пруда на даче Александрия в Петергофе. 1912 // Там же. ПДМП 957-ар.

47 Галактионов И. А. Письма брата к сестре о Петергофе // Семейные вечера. Журнал для семейного чтения и детей, издаваемый под Высочайшим покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны. Год восемнадцатый. СПб., 1881. № 9 (сентябрь). С. 278.

Возникшая в николаевское время традиция содержать белых лебедей на прудах дачи Александрия сохранялась на протяжении всего императорского периода ее бытования. Однако если изначально образу лебедя сопутствовал шлейф эстетического, а возможно и мистического восприятия в контексте немецкого романтизма, то к началу XX в. птицы воспринимались больше как традиционный вид фауны этой загородной резиденции. В определенной степени лебедь являлся атрибутом Александрии: изображения лебяжьих голов были декорированы чугунные краны ныне утраченных колодцев «в готическом духе»⁴⁸, находившихся возле служебных корпусов и Нижнего дворца⁴⁹.

Примером подобного декора, дошедшего до настоящего времени, служат выкрашенные в белый цвет чугунные водосливы на восточном фасаде Фермерского дворца, напоминающие стилизованные головы водоплавающих птиц с характерными для них вытянутыми клювами, а отнюдь не гаргульи, как это может показаться на первый взгляд. Вместе с тем эта намеренно вызванная ассоциация созвучна общему замыслу архитектурного облика Александрии, отвечавшего романтизированному отношению ее первой августейшей владелицы к эстетике европейского Средневековья.

Диалог культур России и Пруссии, установившийся в первой четверти XIX в., влиял на формирование культурного ландшафта окрестностей Петербурга. Это взаимодействие продолжалось и во второй половине столетия, несмотря на постепенное дистанцирование держав. Среди петергофских памятников, возникших в результате этого диалога, – и церковь Святого Александра Невского, и Царицын павильон, проект которого, восходящий к решению Римских терм архитектора К.-Ф. Шинкеля в Потсдаме, корректировал непосредственно Фридрих IV⁵⁰. О лебедях императорских резиденций также уместно говорить в контексте русско-немецких отношений. Германия оставалась поставщиком этих прекрасных птиц для русского двора и в начале XX в., когда особую славу приобрел гамбургский зверинец Карла Хагенбека. Так, например, известен случай 1900 г., когда именно там были приобретены три пары белых лебедей для Царскосельского дворцового управления⁵¹.

После национализации бывшей императорской дачи Александрия пейзажный парк сохранил свою территориальную целостность и «романтический характер в его искусственно-руинных сооружениях в ложно-готическом стиле большинства зданий и элементов садово-

48 Описание музейного имущества, находящегося в парке Александрия в Петергофе. 1929 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6214-ар. Л. 62 об., 63 об.

49 Там же.

50 Белов А. А. Диалог архитектора и заказчика в неосуществленных проектах А. И. Штакеншнейдера в Петергофе. Каталог, иллюстрации, комментарии // Штакеншнейдеровские чтения. ГМЗ «Петергоф», 2002. С. 83.

51 Донесение в Хозяйственный отдел Кабинета Его Императорского Величества. 14 марта 1900 // РГИА. Ф. 468. Оп. 15. Д. 2048. Л. 1.

парковой архитектуры»⁵². Александрия вошла в состав Петергофского музейного комплекса, а кроме того, в 1930-х годах, — «в систему Петергофского парка культуры и отдыха, являясь <...> сектором прогулок и тихого отдыха»⁵³. Однако его водоемы, в частности к тому времени уже «сильно заросший» Большой (Дворцовый) пруд, умолкли, лишившись своих пернатых обитателей. Эта утрата, противоречащая постулатам «романтического садоводства»⁵⁴, остается не восполненной по сей день, хотя вопрос о воссоздании лебедяжника рассматривался при реконструкции территории парка в 2009 г.⁵⁵ Принимая во внимание тот факт, что лебеди содержались на водоемах Александрии «с самого раннего периода существования»⁵⁶ резиденции и десятилетиями являлись неотъемлемой частью ее пейзажной композиции, возвращение к обсуждению этого проекта необходимо в стадийном процессе восстановления исторического образа парка.

REFERENCE

Barkovec O., Vernova N. *Imperatritsa Aleksandra Fedorovna* [The Empress Altxandra Feodorovna]. St. Petersburg, The Peterhof State Museum Reserve Publ., Abris, 2008. 191 p.

Belov A. A. *Dialog arkhitekora i zakazchika v neosushchestvlennykh proektakh A. I. Shtakensneidera v Petergofe. Katalog, illyustratsii, kommentarii* [The dialogue between the architect and the customer in the unfulfilled projects of A. I. Shtakensneider in Peterhof. Catalog, illustrations, comments]. Stackenschneider readings. St. Petersburg, The Peterhof State Museum Reserve Publ., 2002, pp. 78–95. (In Russian)

Borisova E. A. *Russkaya arkhitektura v ehpokhu romantizma* [The Russian romantic architecture]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, GITIS Publ., 1997. 314 p. (In Russian)

Caspar David Friedrich and the German Romantic landscape: catalogue of the Exhibition, from 20 September 2008 till 18 January 2009. Amsterdam, Zwolle; Waanders, Hermitage Amsterdam, 2008. 127 p.

Caspar David Friedrich. Leben. Werk. Discussion. [Caspar David Friedrich. Life. Work. Discussion]. Berlin, Union-Verl., 1977. 259 s. (In German)

Lihachev D. S. *Poehziya sadov: K semantike sadovo-parkovykh stilei* [Poetry of gardens: Towards the semantics of garden and park styles]. Leningrad, Nauka Publ. House, 1982. 343 p. (In Russian)

Macht und Freundschaft: Berlin – St. Petersburg 1800–1860 (Power and Friendship: Berlin – St. Petersburg 1800–1860). Leipzig, Köhler & Amelang, 2008. 335 p. (In German)

Potsdamer Schlösser in Geschichte und Kunst. [Potsdam Castles in history and art]. Leipzig, Brockhaus, 1984. 208 p. (In German)

Shemanskij A. V. *Park Aleksandriya i Goticheskaya kapella* [Alexandria Park and the Gothic Chapel]. Leningrad, 1st printing House of the Publishing House of the Leningrad Executive Committee and the Council, 1935. 8 p. (In Russian)

52 Шеманский А. В. Первичный паспорт парка «Александрия». 20 ноября 1940 // Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Р 101/2. Л. 8.

53 Там же. Л. 10.

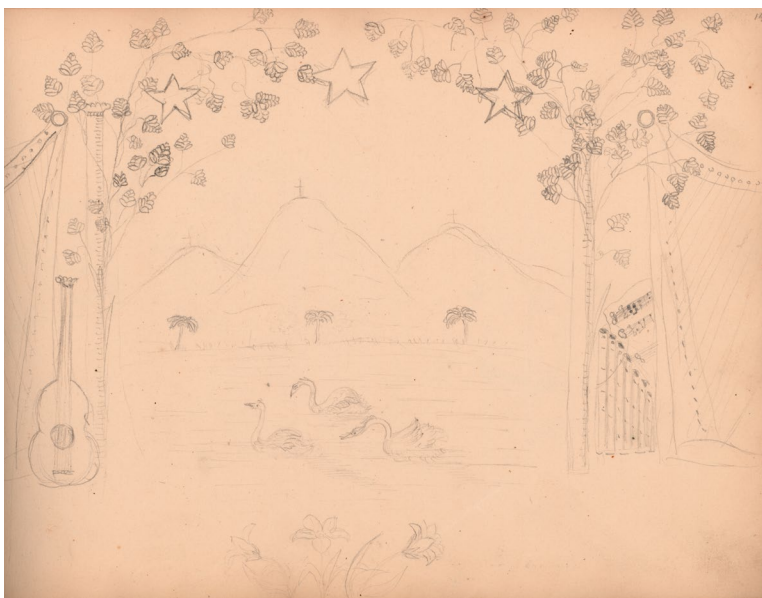
54 Лихачев Д. С. Поэзия садов. С. 189.

55 Служебная записка главному архитектору ГМЗ «Петергоф» А. Г. Леонтьеву от заведующей Отделом фауны В. А. Зайцевой. 10 декабря 2009 // Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Р-10. Оп. 2. Д. 76. Л. 4.

56 Юмангулов В. Я. Малые формы парка Александрия. Л. 14.

1 Д. Гоберт по рисунку К. Кольмана
Вид дворца в Александрии близ Петергофа, с моря
1838
ГМЗ «Петергоф»

2 Эскиз театральной декорации. Лист из альбома с рисунками
императрицы Александры Федоровны (урожденной принцессы
Шарлотты Прусской)
1814–1820
Государственный архив Российской Федерации

3 И. Мейер
Вид на Царицын остров в Петергофе
Середина XIX в.
ГМЗ «Петергоф»

№ 5064 / 1254.

24 Авг. 1853

СОБСТВЕННАЯ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО

ВЕЛИЧЕСТВА

КОНТОРА.

ВЪ Петербургѣ.

24го Августа 1853 годаГосподину Министру
Императорскаго Двора.Оберъ-Готфмаршала
Графа Шувалова,

Рапортъ:

№ 1117.

По Высочайшей воле
Государыни Императрицы,
выписаны мною изъ Берлина
презъ тамошнее посольство
Императорскому Высочеству четыре пары лебедей для Да-
вотоминнаго изъ Копенгагн Ея Величества Алек-
сандрии. — По предместу сему
издержано Собственною Ею
Величества Конторою изъ
суммы оной сто тридцать
девять рублей двадцать семь
копеекъ серебромъ. —

А какъ по штатамъ Собствен-
ной Конторы и Загородныхъ
Дворцовъ, на подобные расходы

- ④ Рапорт обер-готфмаршала графа Шувалова о выписке лебедей из Берлина
24 августа 1853
Российский государственный исторический архив

судить невозможно, то я, представляя
о всем на благоусмотрение Вашего
Святельства, и мною честь покорнейше
просить ходатайствовать распоряжение о возвра-
ти Собственной Канцелярии означенных
денег, откуда признано будет возмож-
ным.

Секретарь-Таблицарий *Григорий Мухоморов*

ДВОРЦОВЫЕ И УСАДЕБНЫЕ САДЫ И ПАРКИ КАК МЕСТА ОБИТАНИЯ ЭНТОМОФАУНЫ. ФАКТОРЫ РИСКА ДЛЯ СОХРАННОСТИ МУЗЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ И КОЛЛЕКЦИЙ

**Проворова
Ирина
Николаевна**

Кандидат биологических наук, ведущий специалист-энтомолог лаборатории биологических исследований Государственного научно-исследовательского института реставрации (ГОСНИИР)

107014, Россия, Москва,
ул. Гастелло, д. 44, стр. 1

Заведующая отделом превентивной консервации и мониторинга условий хранения музейных предметов, Государственный дворцово-парковый музей-заповедник «Останкино и Куское»

111402, Россия, Москва,
ул. Юности, д. 2

rusina@list.ru

Цитирование:

Проворова И. Н.

Дворцовые и усадебные сады и парки как места обитания энтомофауны. Факторы риска для сохранности музейных объектов и коллекций // *Loci Imperiales*. 2025. № 4. С. 116–135.

Поступила в редакцию:
17 апреля 2025 г.

Рекомендована к печати:
26 июня 2025 г.

Статья посвящена результатам многолетних исследований фауны насекомых, обитающих в музеях, исторических зданиях и окружающих пространствах. Сады и парки дворцовых и усадебных комплексов – это экосистемы с разного рода сообществами живых организмов, включая различных насекомых. С точки зрения энтомологической безопасности, музеи-заповедники, а также музейные комплексы дворцов и усадеб с парковой территорией, садами, водоемами относятся к наиболее сложным случаям музейного хранения, когда предметы находятся в исторических зданиях, в окружении живой среды растительного мира. Эти условно природные – парковые, садовые, прибрежные – территории могут быть включены в антропогенную среду населенных пунктов, где рядом с людьми привычно живут разные виды синантропных насекомых – спутников человека. Это настоящие моли-кераатофаги (Tineidae: Tineinae), кожееды (Dermestidae), притворяшки (Ptinidae), муравьи (Formicidae), чешуйницы (Lepismatidae), тараканы (Blattidae), которые могут питаться материалами музейных предметов или элементов конструкций в зданиях. При этом места естественного обитания и размножения многих насекомых, которых относят к вредителям музейных предметов и материалов, находятся не внутри, а снаружи музейных зданий и сооружений – во внешней среде, в том числе в садах, парках, лесопарках. Есть также насекомые, которые сами не повреждают музейные предметы, но проникают в музейные здания снаружи, из природы, случайно или в поисках мест для отдыха или зимовки. Часто они образуют большие сухие скопления в помещениях, чем значительно способствуют возможному развитию опасных вредителей музейных фондов – моли, кожеедов, чешуйниц, хлебного точильщика. Защита от насекомых – важная часть превентивной консервации в музеях. Когда музейные здания, сооружения с их наполнением – фондовыми коллекциями и экспозициями – представляют собой часть произведения садово-паркового искусства, решение задачи сохранения музейных объектов тоже становится своего рода искусством, овладеть которым помогают знание дела, умение и мастерство специалистов разных музейных профессий.

Ключевые слова: музеи, сады и парки, фауна насекомых, возможный вред, энтомологическая безопасность, превентивная консервация

PALACE AND MANOR GARDENS AND PARKS AS HABITATS FOR ENTOMOFAUNA. RISK FACTORS FOR THE SAFETY OF MUSEUM OBJECTS AND COLLECTIONS

**Provorova
Irina
Nikolaevna**

PhD in Biology, Leading
Specialist-Entomologist at
the Laboratory of Biological
Research, State Scientific
Research Institute for
Restoration (GOSNIIR)

44, build. 1, Castello st.,
107014, Moscow, Russia

Head of Department of
Preventive Conservation
and Monitoring, Museum
Objects Storage Conditions
at the Ostankino and
Kuskovo State Palace and
Park Museum-Reserve

2, Yunosti st., Moscow, 111402,
Russia

rusina@list.ru

Citation: Provorova I. N.
Palace and manor gardens
and parks as habitats for
entomofauna. Risk factors
for the safety of museum
objects and collections.
Loci Imperiales, 2025, no 4,
pp. 116–135. (In Russian)

Received: April 17, 2025

Accepted: June 26, 2025

The article is devoted to the results of long-term studies of insect fauna inhabiting museums, historical buildings and surrounding spaces. Parks and gardens that are located in palace and estate complexes are ecosystems with different kinds of communities of organisms, including various insects. If we mean the safety from insects, then museum-reserves and museum complexes like palaces and estates that keep parks, gardens, ponds and water streams in their territory, present the most complicated cases of museum storage. This is because museum objects are located in historical buildings surrounded by flora and fauna. These territories – parks, gardens and coastal strips – can be considered as natural ones only nominally. For the most part they are included into anthropogenic environments of big cities, smaller towns and other settlements with a lot of different species of synanthropic insects that have adapted to live near or with humans. These are keratophagous moths (Tineidae: Tineinae), dermestid beetles (Dermestidae), spider beetles (Ptinidae), some wood-borer beetles (Anobiidae), ants (Formicidae), lepismatids (Lepismatidae) and cockroaches (Blattidae) which can feed on materials of museum objects or a building itself. At the same time, natural habitats and breeding places of many museum insect pests are not inside, but outside museum buildings, and such insects can develop in external environments, including gardens, parks and forest parks. There are also insects that do not damage museum objects directly, but they penetrate into museum buildings from the outside natural environments accidentally or in search of resting or wintering places. Some of these insect species can form large clusters indoors. After some time, their lives stop and they become dry. Since then, they are a substrate which other insects can live and feed on, and these are just from the group of museum pests, including cloths moths, dermestids, ptinids, lepismatids and the biscuit beetle. Insect safety in museums is an important part of preventive conservation.

Keywords: museums, parks and gardens, insect fauna, possible harm, insect safety in museums, preventive conservation

В статье изложены результаты многолетних исследований автора – музейного энтомолога, специалиста по обеспечению сохранности музейных предметов – в области фауны насекомых музеев-заповедников, дворцовых и усадебных комплексов, а также природной составляющей как источника заселения музейных объектов и исторических зданий насекомыми и возникающих вследствие этого проблем.

В музеях насекомые повреждают различные предметы из органических материалов. Под органическими материалами имеются в виду все предметы, изготовленные из тканей растений и животных: дерево, бумага, кожа, пергамент, шерсть и шелк, перо, волосы и рог, натуральные клеи, некоторые красители. При этом места естественного обитания и размножения – не всех, но многих насекомых, которых относят к вредителям музейных коллекций и материалов, – находятся во внешней среде¹: снаружи музейных зданий и сооружений.

Сады и парки дворцовых и усадебных музейных комплексов представляют собой экосистемы, включающие многочисленные сообщества живых организмов, в том числе насекомых². С точки зрения энтомологической (связанной с насекомыми) безопасности, музеи-заповедники, дворцовые и усадебные комплексы с парковой территорией, садами и водоемами представляют собой наиболее сложные случаи музейного хранения. Приспособленные исторические здания, фундамент и кровля которых могут иметь повреждения, с неустойчивым температурно-влажностным режимом, находятся в живой среде растительного мира с его естественными обитателями.

Эти условно природные – парковые, садовые, прибрежные – территории часто граничат либо включены в городскую среду больших или малых городов, где рядом с людьми обитают разные виды так называемых синантропных насекомых – спутников человека. Это настоящие моли-кератофаги (Tineidae: Tineinae)³, кожееды (Dermestidae), притворяшки (Ptinidae), муравьи (Formicidae), чешуйницы (Lepismatidae), тараканы (Blattidae).

Все эти, как правило, мелкие, но достаточно многочисленные представители класса Insecta составляют важный фактор риска для сохранности музейных предметов. Насекомые вездесущи и очень активны. Некоторым из них свойственно стремление проникнуть из внешней среды во внутреннее пространство музея – в экспозиционные залы и хранилища, где развернуты экспозиции или собраны уникальные памятники материальной культуры.

- 1 Коритнянская В. Г. Музей в городской среде: взгляд с точки зрения экологии // Вопросы музеологии. 2015. № 1 (11). С. 81–86.
- 2 Проворова И. Н. Музейная энтомология: Музеи как среда обитания насекомых. Видовое разнообразие вредящих видов. Защита музейных предметов и коллекций. Управление энтомологическими рисками: учебное пособие. М., 2022. С. 151.
- 3 Для облегчения восприятия текста латинские названия биологических таксонов и видов насекомых используется только после первого упоминания. Фамилии авторов, описавших вид, не приводятся. Синонимы латинских названий даны в скобках после знака «=».

При энтомологических обследованиях музейных помещений дворцовых и усадебных комплексов можно встретить насекомых из разных систематических групп: моли — платяная моль *Tineola bisselliella*, шубная моль *Tinea pellionella*, войлочная моль *Tinea pallescentella* (= *coacticella*); точильщики — мебельный точильщик *Anobium punctatum*, красноногий точильщик *Cacotemnus rufipes*, домовый точильщик *Hadrobregmus* (= *Priobium*) *pertinax*, северный точильщик *Hadrobregmus confusus* (= *Priobium confusum*), также точильщик хлебный *Stegobium paniceum*; жуки-притворяшки — рода *Ptinus*, *Niptus*; кожееды — рода *Dermestes*, *Anthrenus*, *Attagenus*; чешуйницы — рода *Lepisma*, *Ctenolepisma*, *Thermobia*; также муравьи, мухи и тараканы, другие насекомые и членистоногие (хрущаки, бабочки-огнёвки, тополёвая моль *Lithocolletis populifoliella*, крупные дневные и ночные бабочки, шмели и осы, комары, златоглазки, муравьи; прочие членистоногие — пауки, мокрицы, многоножки).

Часть этих насекомых — настоящие моли-кератофаги и кожееды, притворяшки, дереворазрушающие насекомые — представляют непосредственную опасность для сохранности не только музейных предметов, но и конструкций зданий и сооружений, могут питаться входящими в их состав материалами.

В исторических зданиях моль и кожееды могут начать развиваться в войлочных прокладках стен, межэтажных перекрытий, обкладке оконных и дверных проемов. В таких случаях справиться с заражением бывает очень трудно, так как вредитель развивается внутри слоев стеновых конструкций (включая колонны), горизонтальных конструкций здания, где повреждаемый материал скрыт от непосредственной обработки⁴. Введение отопления в исторические здания значительно увеличивает риск заражения и возможную степень деструкции войлока.

Живущие в открытой природе дереворазрушающие точильщики (северный, домовый, грабовый, красноногий) при определенных условиях заражают древесину стен, перекрытий, конструкций кровли, пола. Развитию древоточцев способствует избыточное количество влаги в древесине, которое возникает в результате протечек, проникновения воды через поврежденный фундамент здания, его недостаточной естественной вентиляции. В большинстве случаев в переувлажненной древесине сначала начинают размножаться грибы бурой гнили, затем присоединяется деструкция, вызванная древоточцами, личинки которых развиваются в толще древесины. ❶

Долгоносики-трухляки (Curculionidae: Cossoninae) часто повреждают деревянные части построек, находящиеся в условиях сильного увлажнения, особенно соприкасающиеся с почвой. Отмечались случаи серьезных повреждений построек и деревянных креплений в шахтах. Эти жуки развиваются в мертвой древесине, чаще во влажной, иногда

4 Проворова И. Н., Алешио Н. А. Борьба со вспышками массового размножения платяной моли *Tineola bisselliella* (Humm.) на объектах с утеплителем из натурального войлока // Дезинфекционное дело. 2012. № 2. С. 47–50.

мокрой⁵. В естественных природных местах обитания это прежде всего древесина упавших стволов и ветвей деревьев, которая обильно увлажняется атмосферными осадками, при таянии льда и снега, у берегов водоемов и водных потоков. В постройках из дерева долгоносики могут заселять внешние участки бревен сруба, сильно переувлажненные элементы конструкции пола, места регулярных обильных протечек. Поражение древесины долгоносиками начинается с самых верхних слоев – там, где древесина мокрая, более глубокие слои довольно долго могут сохранять прочность⁶. Постепенно долгоносики проникают все глубже, что может серьезно влиять на несущую способность деревянных конструкций.

Долгоносик-трухляк *Hexarthrum exiguum* (= *Rhyncolus culinaris*) отмечен в качестве вредителя деревянных конструктивных элементов зданий в Ярославле. Он заселяет переувлажненную древесину (доски черновых полов, потолочные перекрытия в местах протечек)⁷. Известен также случай развития этого вида долгоносика в деревянных элементах пола, сооруженного в историческом здании первой четверти XX в. в Москве. ②

В отношении мебельного точильщика *Anobium punctatum* отмечается, что в Ярославле он заселяет постройки с печным отоплением. Вид особенно опасен для музейных экспонатов из дерева и старинных книг, хранящихся в малоприспособленных помещениях и подверженных резким колебаниям температуры и влажности⁸. В настоящее время считается синантропным видом⁹.

Мебельный точильщик в центральных и северных областях европейской части России не может жить в природной среде, так как вымерзает зимой. Благоприятные условия для его развития в этих регионах складываются в отапливаемых помещениях, в том числе в музеях. Личинки этого точильщика могут развиваться при относительной влажности воздуха выше 50–60%, поэтому в сухих помещениях популяция мебельного точильщика постепенно, в течение нескольких лет, вымирает¹⁰. Не имея источников развития во внешней среде, вредитель может попасть в фондовые или экспозиционные помещения музея с зараженным предметом – не только музейным, но и с деревянными деталями оборудования для хранения или экспонирования. ③

- 5 Лукьянович Ф. К., Арнольди Л. В. Определитель долгоносиков-трухляков подсемейства Cossoninae фауны СССР и сопредельных стран Европы и Передней Азии // Энтомологическое обозрение. 1951. Т. 31. Вып. 3–4. С. 558.
- 6 Тоскина И. Н., Проворова И. Н. Насекомые в музеях (Биология. Профилактика заражения. Меры борьбы). М., 2007. С. 50.
- 7 Власов Д. В. Синантропная колеоптерофауна г. Ярославля (Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник). С. 3 // Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи. URL: <https://www.zin.ru/Animalia/coleoptera/pdf/synyar.pdf> (дата обращения 12.03.2025).
- 8 Там же.
- 9 Мебельный точильщик *Anobium punctatum* // Справочник «Пестициды.ru». URL: https://www.pesticidy.ru/Точильщик_мебельный (дата обращения 08.03.2025).
- 10 Тоскина И. Н., Проворова И. Н. Насекомые в музеях (Биология. Профилактика заражения. Меры борьбы). С. 17.

При благоприятном сочетании температуры и повышенной относительной влажности воздуха мебельный точильщик может распространиться в здании. Особенно комфортно он чувствует себя в цокольных этажах исторических зданий, в непромерзающих подвалах. При этом в теплое время года он может постепенно разлетаться через прилегающую садовую, парковую территорию, заражая окружающие соседние отапливаемые постройки.

Как и мебельный точильщик, некоторые широко распространенные вредные насекомые — платяная моль *Tineola bisselliella*, кожеед Смирнова *Attagenus smirnovi*, хлебный точильщик *Stegobium paniceum* — теплолюбивы. Они не выносят низких зимних температур и в климатических условиях средней полосы заселяют только отапливаемые помещения. У них нет постоянных источников развития во внешней среде, однако в теплое время года они могут перелетать от одного здания к другому через парк или улицу, распространяя таким образом заражение.

Другие насекомые — здесь и кожееды, и «дикие» виды настоящих молей, дереворазрушающих точильщиков, и долгоносики — более приспособлены к воздействию холода и неблагоприятный зимний период переживают во внешней, в том числе парковой, среде: в гнездах птиц, норах грызунов и других мелких млекопитающих, в дуплах деревьев, в повреждаемой древесине стволов и ветвей погибшей древесной растительности, откуда потом, в следующий сезон, могут заражать музейные здания и постройки.

Многие обитающие во внешней среде насекомые — бабочки, мухи, комары, златоглазки, божьи коровки, осы — залетают или заползают в музейные здания снаружи, случайно или в поисках укромных мест для отдыха, зимовки или строительства гнезд. Они не причиняют непосредственного вреда музейным предметам или материалам конструкций здания. Однако некоторые массовые виды могут в большом количестве скапливаться на полу, подоконниках, между оконными рамами, на чердаках. Такие скопления погибших сухих насекомых привлекают, как пищевой субстрат, кожеедов (в том числе ветчинного кожееда), молей, чешуйниц, хлебного точильщика, притворяшек, которые относятся уже к опасным вредителям музейных фондов. Ветчинный кожеед в природе питается самыми разными материалами животного происхождения, может обитать в гнездах птиц, норах животных. Личинки ветчинного кожееда часто развиваются на скоплениях сухих насекомых в музейных зданиях, затем могут причинить ущерб непосредственно музейным предметам. ④

В зданиях усадебных и дворцовых музейных комплексов часто отмечаются скопления комаров-звонцов (*Chironomidae*) из дворцовых прудов или ручьев, тополевой моли *Lithocolletis populifoliella* в период роения, златоглазок (*Chrysopidae*), некоторых видов мух (*Muscidae*) в период сезонной миграции. На стенах зданий или рядом на стволах деревьев, деревянных оградах могут собираться клопы-солдатики *Pyrrhocoris apterus*. ⑤

Настоящие осы (Vespidae) из подсемейства Vespinae (виды родов *Vespula*, *Vespa*), в том числе крупные шершни, могут обосноваться под кровлей усадебных, дворцовых построек и в иных укромных пространствах, проникая под обшивку стен или в трещины цоколя здания. ❹ Такие случаи причиняют много беспокойства, так как осы могут вести себя агрессивно, особенно если их потревожить. При этом органический субстрат, который скапливается в гнездах перепончатокрылых, привлекает кожеедов.

Известны и более неожиданные энтомологические ситуации, связанные с осами, — например, когда под кровлей исторического здания XVIII в. в Москве, очевидно в гнезде ос, развивалась бабочка-огнёвка *Aphomia sociella* (Pyralidae; «пчелиная моль», огнёвка шмелиная). Удивительно было обнаружить внезапно появившееся в середине июня большое количество бабочек этой огнёвки в помещениях антресольного этажа здания, где в тот момент экспонировалась выставка. Понять причину такого явления помогло обследование ближайших участков подкровельного пространства здания, где было обнаружено осиное гнездо внушительных размеров. ❺

Этот вид огнёвки подробно описан как паразит гнезд шмелей. Известно, что личинки огнёвки питаются материалом, из которого построены соты, и губят также расплод — поедают зрелых куколок шмелей. При этом они плетут трубчатые шелковые каналы, слитые в очень плотный компактный «брикет», который может быть прикреплен поблизости от гнезда. Выход имаго бабочек бывает массовым¹¹. Могут развиваться также в гнездах ос и пчел, питаясь органическим субстратом, которым наполнено гнездо. Личинки окукливаются в плотно расположенных коконах с очень плотными шелковыми стенками. При удалении коконов с деревянных деталей на них можно обнаружить поверхностные повреждения¹².

Много неожиданных проблем приносят музеям птицы, гнездящиеся под кровлями или обшивкой зданий, даже в полостях внутри скульптур. В местах обитания голубей, галок, воробьев скапливается большое количество отходов жизнедеятельности и прочей органики. В этом материале потом комфортно развиваются многие насекомые — вредители музейных предметов и коллекций: кожееды, платяная моль, хлебный точильщик, притворяшки, чешуйницы. ❻

Членистоногие¹³, обитающие в парках, участках растительности на поверхности и в верхнем слое почвы, в траве, в листовом опаде, — пауки,

11 Гребенников В. С. К биологии огнёвки *Aphomia sociella* — паразита гнезд шмелей // Зоологический журнал. 1977. Т. 56. Вып. 7. С. 1118–1120.

12 Noldt U., Noldt G. Manual on Wood-destroying Insects and their Monitoring // University of Hamburg, Department Biology, Centre of Wood Science. P. 24. URL: https://projects.centralbaltic.eu/images/files/result_pdf/FABBI_result1_Manual_on_wood_destroying_insects_and_their_monitoring.pdf (дата обращения: 26.06.2025).

13 Членистоногие (лат. Arthropoda) — группа живых организмов, в которую входят насекомые, ракообразные, паукообразные, многоножки.

многоножки, мокрицы, также насекомые — могут питаться детритом¹⁴, корнями и наземными частями живых растений, или относятся к хищным видам и охотятся на насекомых и других членистоногих. При этом замечено, что цокольные этажи парковых павильонов могут «улавливать» в большом количестве жуков-жужелиц (*Carabidae*), стафилинид (*Staphylinidae*), многоножек (*Myriapoda*) — это могут быть, например, кивсяки (*Julida*). Они попадают в цоколи зданий по ступеням ведущих вниз лестниц, через продухи, а также трещины в стенах и фундаменте. В подвальных помещениях могут обитать пауки, которые питаются проникшими сюда мелкими членистоногими.

Иногда некоторые массовые виды парковых насекомых появляются в большом количестве в неожиданных местах, где им, казалось бы, нечего делать, так как здесь нет для них съедобных веществ. В подобных случаях они используют эти места просто как подходящие и безопасные убежища. Так, например, в открытом пространстве парка садовые муравьи могут населять участки грунта рядом с постаментами скульптур, создавая проблемы с их устойчивостью, также могут устраивать гнезда, выводковые камеры между плинтом скульптуры и постаментом, выходят роиться в помещениях, расположенных рядом с павильонами. 9 10 При этом некоторые виды муравьев могут повреждать древесину, прodelывая в ней ходы и камеры.

Один из самых необычных случаев в музейной энтомологической практике — повреждение насекомыми гипсокартона. На рисунке 2 представлен сильно разрушенный старинный фрагмент, который был обнаружен в Москве, в подвале исторического здания с поврежденным фундаментом и повышенной влажностью. Гипсокартон был изобретен в конце XIX в. Первоначально он представлял собой лист толщиной около 6 мм, состоял из 10 слоев фетровой бумаги, соединенных друг с другом прослойками гипса. Несмотря на присутствие несъедобного для насекомых известкового минерального компонента, старинный гипсокартон, как оказалось, тоже может повреждаться насекомыми. В современном варианте этот материал гораздо менее для них съедобен: он содержит в процентном отношении намного больше гипса: его слой зажат между двух слоев картона, на который приходится всего лишь около 6% массы, причем этот картон по сути представляет собой плотную бумагу. Он состоит преимущественно из растительных волокон и содержит добавки минеральных наполнителей, химических волокон, проклеивающих веществ, красящих пигментов.

Важно помнить, что все живое, и насекомые в том числе, обитает там, где для жизни есть подходящие условия: пища, безопасные убежища, комфортная температура, влажность и освещенность. Поэтому можно сказать, что в определенном смысле насекомые в музеях являются «производным» музейного микроклимата. Они не будут жить

14 Растительные и животные остатки (опавшие листья, трава, другие органические вещества).

там, где нет подходящих условий, — погибнут или покинут это место. Поэтому, по возможности меняя условия температурно-влажностного режима, по-иному, более разумно выбирая помещения для хранилищ и правильно организуя хранение, мы можем повлиять на насекомых и значительно снизить связанные с ними риски. При этом важно вооружиться знаниями из области биологии, экологии и пищевых пристрастий вредных видов, создающих проблемы в музеях.

Основная роль в защите музейных зданий и хранящихся в них коллекций от насекомых принадлежит мерам превентивной консервации. К ним относятся: закрытие окон и вентиляционных отдушин мелкоячеистыми сетками, использование клеевых и феромонных ловушек для насекомых, регулярные энтомологические осмотры, обеспыливание, по возможности — использование репеллентов. Первостепенное значение имеет поддержание здания в исправном техническом состоянии и контроль, регулирование температурно-влажностного режима в помещениях. Токсичные вещества в музейной практике применяют только в крайних случаях, при отсутствии разумной альтернативы.

Защита от насекомых — важная часть превентивной консервации в музеях. Ее цель — постараться создать для музейных предметов такие условия, в которых по возможности исключены риски дополнительного повреждения (в том числе и ущерб от насекомых) и скорость естественных процессов старения материалов минимальна.

Когда музейные здания, сооружения с их наполнением — фондовыми коллекциями и экспозициями — представляют собой часть произведения садово-паркового искусства, решение задачи сохранения музейных объектов тоже становится своего рода искусством, овладеть которым помогают знание дела, умение и мастерство специалистов разных музейных профессий.

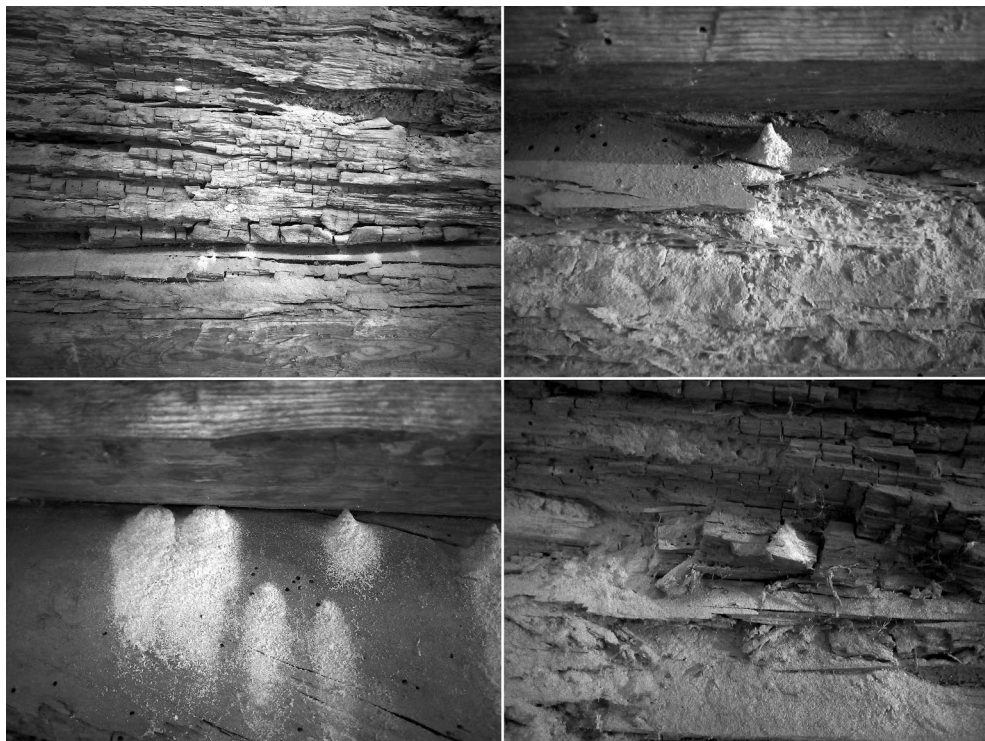
REFERENCES

- Grebennikov V. S. *K biologii ognievki Aphomia sociella — parazita gnezd shmelei* [On the biology of the moth *Aphomia sociella* — a parasite of bumblebee nests]. Zoological Journal, 1977, vol. 56, issue 7, pp. 1118–1120. (In Russian)
- Korytnianska V. G. *Museum in the urban environment: from the point of view of ecology*. The Issues of Museology, 2015, no 1 (11), pp. 81–86. (In Russian)
- Luk'yanovich F. K., Arnol'di L. V. *Opredelitel' dolgonosikov-trukhlyakov podsemeystva Cossoninae fauny SSSR i sopedel'nykh stran Evropy i Perednei Azii* [Key to Cossoninae weevils of the fauna of the USSR and adjacent countries of Europe and Western Asia]. Entomological Review, 1951, vol. 31, issue 3–4, pp. 549–567. (In Russian)
- Noldt U., Noldt G. *Manual on Wood-destroying Insects and their Monitoring*. University of Hamburg, Department Biology, Centre of Wood Science. 32 p. URL: [https://projects.centralbaltic.eu/images/files/result_pdf/FABBI_resultl_Manual_on_wood_](https://projects.centralbaltic.eu/images/files/result_pdf/FABBI_resultl_Manual_on_wood_destroying_insects_and_their_monitoring.pdf)
- [destroying_insects_and_their_monitoring.pdf](https://projects.centralbaltic.eu/images/files/result_pdf/FABBI_resultl_Manual_on_wood_destroying_insects_and_their_monitoring.pdf) (accessed: 26.06.2025).
- Provorova I. N. *Muzeinaya ehntomologiya: Muzei kak sreda obitaniya nasekomykh. Vidovoe raznoobrazie vredyashchikh vidov. Zashchita muzeinykh predmetov i kollektzii. Upravlenie ehntologicheskimi riskami: Ucheb. posobie* [Entomology for Museums: Museums as Insect Habitats. Harmful Species Diversity. Protection of Museum Objects and Collections. Entomological Risks Management. Educational Guide]. Moscow, Indrik Publ., 2022. 176 p. URL: <https://www.gosniir.ru/library/gosniir-books/provorova-sbornik.aspx> (accessed: 15.03.2025). (In Russian)
- Provorova I. N., Alesho N. A. *Struggle Against Flashes of Mass Reproduction of a Clothes Moth of Tineola Bisselliella (Humm.) On Objects With a Heater from Natural Felt*. Disinfection Affairs, 2012, no 2, pp. 47–50. (In Russian)
- Mebel'nyi tochil'shchik Anobium punctatum* [The common furniture beetle *Anobium punctatum*].

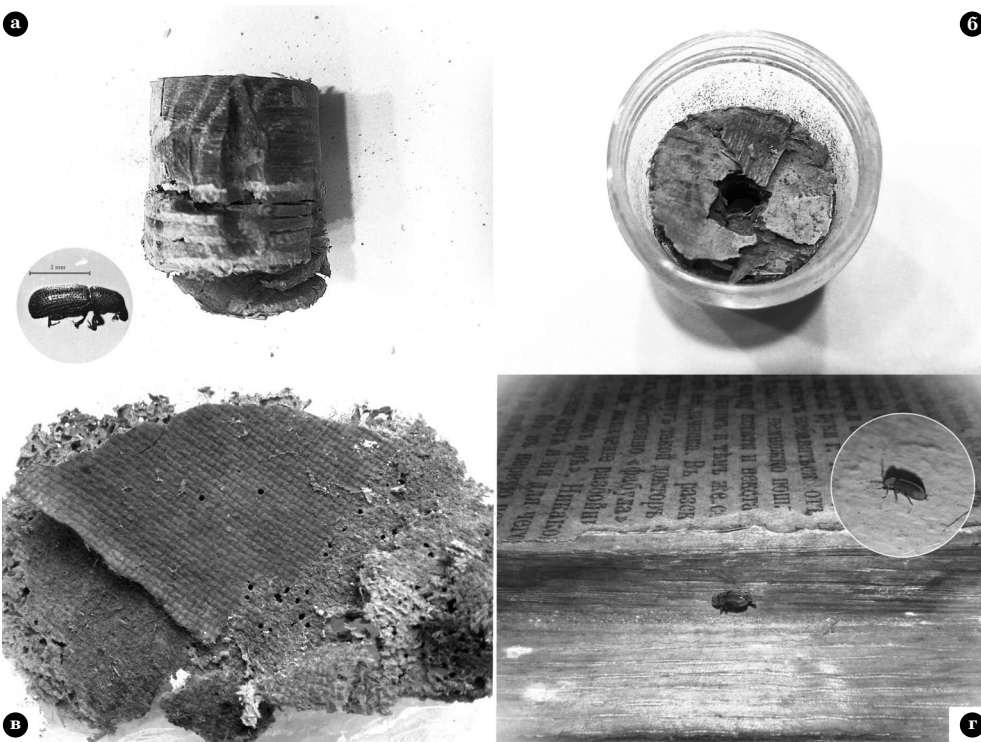
Catalogue Pesticides.ru. URL: https://www.pesticity.ru/Точильщик_мебельный (accessed: 08.03.2025). (In Russian)

Toskina I. N., Provorova I. N. *Nasekomye v muzeyakh (Biologiya. Profilaktika zarazheniya. Mery bor'by)* [Insects in museums (Biology. Prevention of infestation. Control measures)]. Moscow KMK Scientific Publications Partnership, 2007. 220 p. (In Russian)

Vlasov D. V. *Sinantropnaya koleopteroфаuna g. Yaroslavl'ya* [Synanthropic fauna of Coleoptera of Yaroslavl]. Beetles (Coleoptera) and Coleopterists. URL: <https://www.zin.ru/animalia/coleoptera/pdf/synyar.pdf> (accessed: 12.03.2025). (In Russian)

- ❶ Повреждение бревен сруба постройки конца XVIII века домовым точильщиком *Hadrobregmus* (= *Priobium*) *pertinax*. Свежие осыпи буровой муки
2023
Личный архив И. Н. Проворовой

- 2 а б Пробы поврежденных долгоносиком-трухляком *Hexarthrum exiguum* (= *Rhyncolus culinaris*) деревянных элементов (дубовый паркет и подложка из фанеры) пола, сооруженного в помещении 1-го этажа исторического здания первой четверти XX в.

2023

- в Повреждение гипсокартона насекомыми в историческом здании

2019

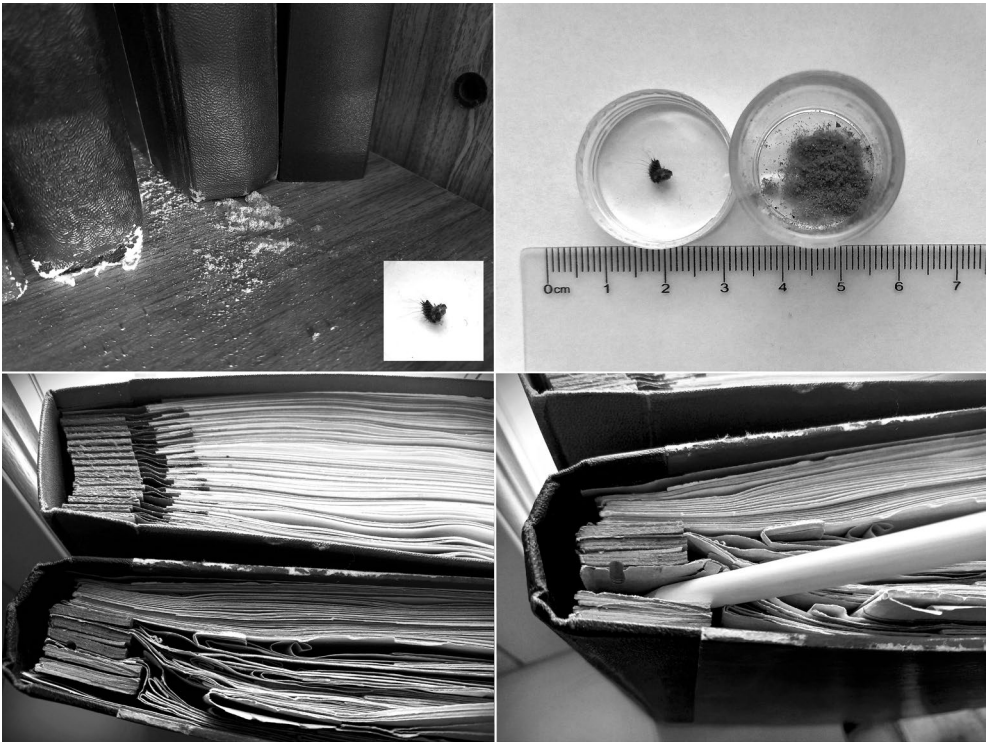
- г Жук мебельного точильщика *Anobium punctatum* в музейном помещении

2018

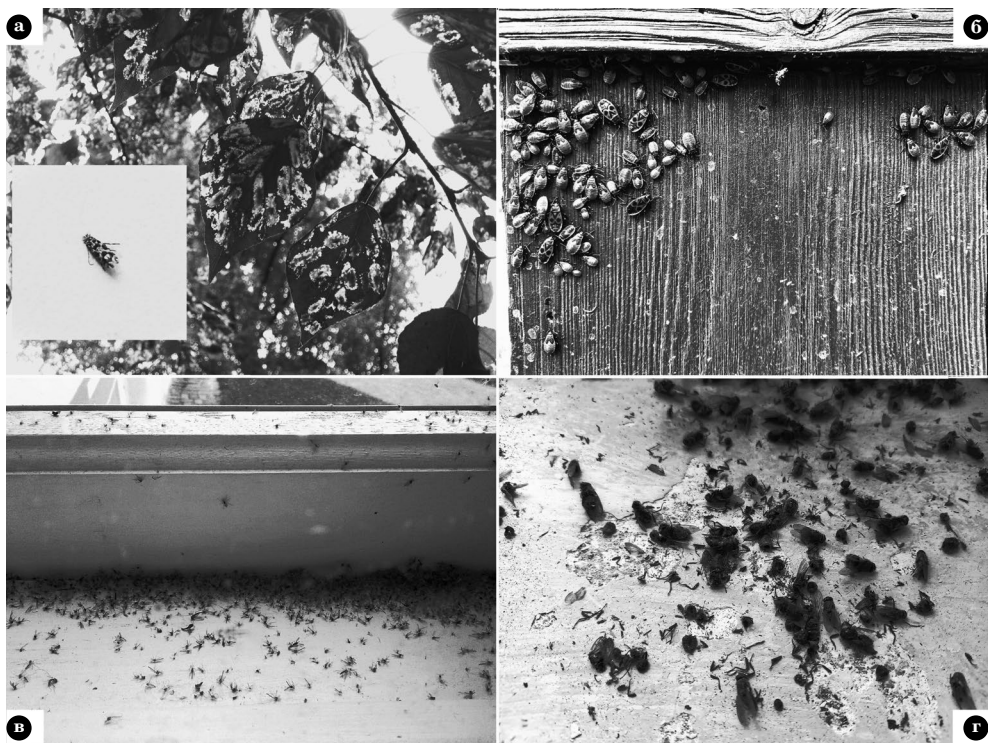
Личный архив И. Н. Проворовой

- ③ Повреждение мебельным точильщиком *Anobium punctatum* деревянных элементов оборудования (подиумы, ящики из досок, фанеры) в музейном помещении
2024
Личный архив И. Н. Проворовой

- ④ Повреждение архивного дела личинкой ветчинного кожееда *Dermestes lardarius*.
Осыпь поврежденной бумаги, пустая шкурка личинки
2022
Личный архив И. Н. Проворовой

5 Насекомые природных видов, образующие скопления снаружи и внутри музейных зданий:

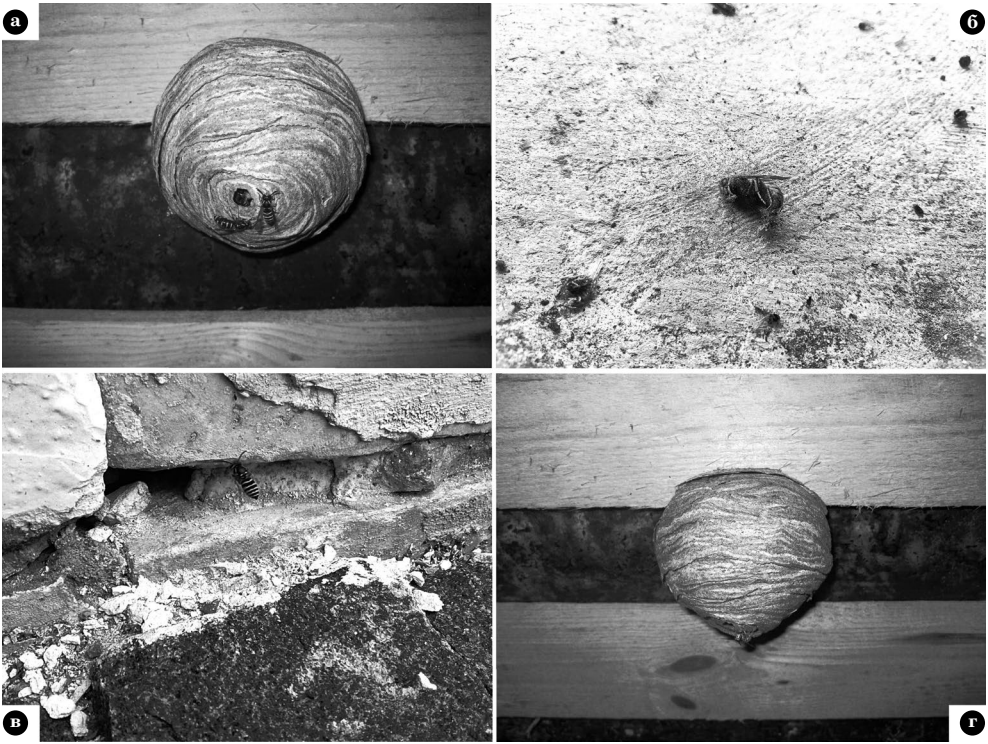
а Тополевая моль *Lithocolletis populifoliella*
2015

б Клопы-солдатики *Pyrrhocoris apterus*
2021

в Комары-звонцы (семейство Chironomidae)
2020

г Мухи: червеедка обыкновенная *Pollenia rudis*
2021

Личный архив И. Н. Проворовой

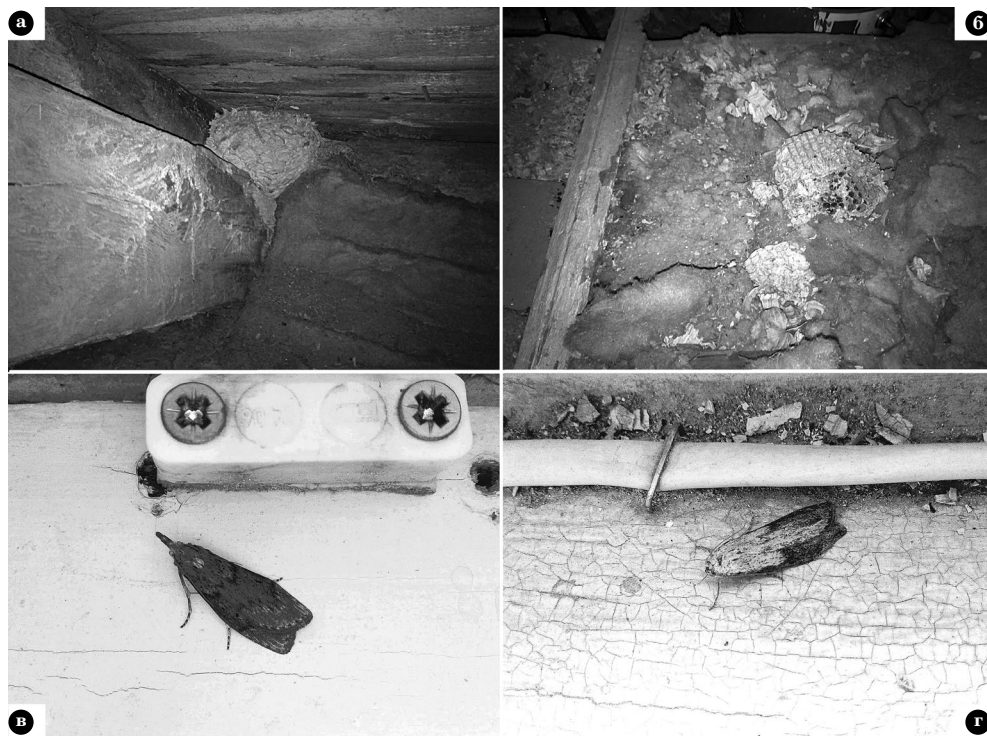

а г Гнезда ос рода *Vespula* под кровлей музейного здания
2009

б Сухая оса на подоконнике
2023

в Осы, залетающие в отверстие в цоколе музейного здания
2019

Личный архив И. Н. Проворовой

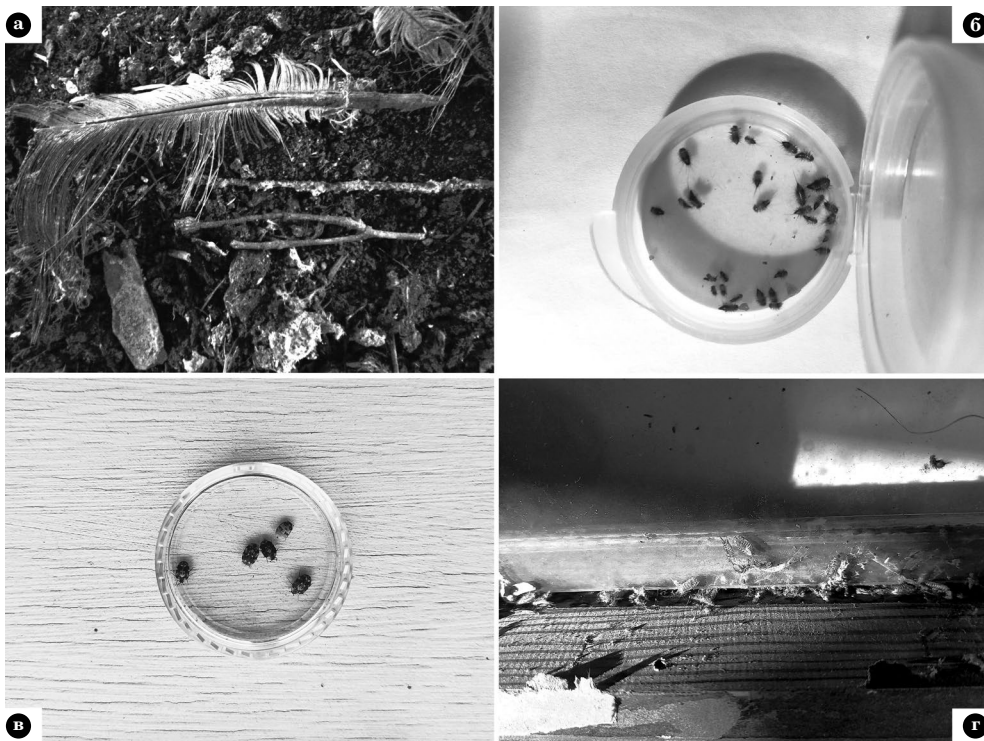

7 а б Гнездо ос рода *Vespa* на чердаке музейного здания

в г Бабочки шмелиной огневки *Aphomia sociella* (самка (слева) и самец (справа))
на полу нижерасположенного музейного помещения

2020

Личный архив И. Н. Проворовой

- 8 а** Органический субстрат из места обитания городских птиц в полости внутри памятника – статуи из металла
2019
- б в** Личинки и жуки пестрого кожееда *Anthrenus picturatus*, собранные на полу музейного помещения
2025
- в** Линочные шкурки кожееда *Anthrenus sp.* в щелях подрамника произведения декоративно-прикладного искусства
2023
- Личный архив И. Н. Проворовой

- 9 Выводковая камера гнезда садового муравья *Lasius sp.* между нижней поверхностью плинта парковой скульптуры из мрамора и ее гранитным постаментом, многочисленные куколки. Роящиеся крылатые особи муравья в парковом павильоне

2019

Личный архив И. Н. Проворовой

- 10 Гнездо садового муравья *Lasius sp.* в полостях разрушающегося бетонного постамента парковой скульптуры. Поверхностные ходы муравьев на покрытых гранитным отсевом дорожках парка. Частично смытая дождем галерея, построенная муравьями на боковой поверхности гранитного постамента парковой скульптуры

2019

Личный архив И. Н. Проворовой

ПРЕДМЕТ / Res

Венгер Ольга Владимировна	138	Детская фермочка в Александрии. История бытования
Дорофеева Дарья Михайловна	156	Исторический ассортимент многолетних цветочных культур конца XVIII – XIX века в оформлении Дворцового парка ГМЗ «Гатчина»
Суслов Дмитрий Владимирович	168	Что сажать в исторических парках Петербурга в условиях потепления климата взамен гибнущих местных деревьев?

ДЕТСКАЯ ФЕРМОЧКА В АЛЕКСАНДРИИ. ИСТОРИЯ БЫТОВАНИЯ

**Венгер
Ольга
Владимировна**

Хранитель музейных
предметов (в экспозиции),
Государственный музей-
заповедник «Петергоф»

198516, Россия, Санкт-
Петербург, Петергоф,
ул. Разводная, д. 2

fermavenger@mail.ru

Цитирование:

Венгер О. В. Детская
фермочка в Александрии.
История бытования // *Loci Imperiales*. 2025. № 4.
С. 138–155.

Поступила в редакцию:

17 апреля 2025 г.

Рекомендована к печати:

25 июня 2025 г.

Маленькая фермочка, находившаяся на побережье Финского залива в петергофской Александрии, относилась к числу так называемых «детских» построек, которые начали возводить в Александрии уже в 30-х гг. XIX в. Игровые пространства, такие как гимнастические игры, «разборные сельские домики», мельница, пожарная каланча, «батарея с пушками», не только служили для развлечения детей, но и помогали им понять устройство окружающего мира, готовили к взрослой жизни. Летом 1858 г. император Александр II распорядился возвести на берегу Финского залива, на границе Александрии и Нижнего парка, детский домик с маленькой фермой, который предназначался для дочери царя – великой княжны Марии Александровны. Строительство осуществлялось под руководством архитектора Э. Л. Гана и было завершено менее чем за год – к 24 июля 1859 г. Фермочка получила богатую отделку – как резным деревянным декором, свойственным «русскому стилю» в зодчестве, так и стрельчатыми готическими мотивами, характерными для построек Александрии. Комплекс включал в себя домик с балконом, кухней, гостиной и спальней, а также двор с ледником, молочной, коровником, комнатой для петуха, кладовой, конюшней для осла, курятником и каретным сараем. На долгие годы фермочка стала популярным местом летнего отдыха не только для детей, но и для взрослых членов большой семьи Романовых. Здесь устраивались праздники, накрывались полдники и обеды, к которым приглашались гости. Воспоминания о времени, проведенном на детской ферме, оставили в своих дневниковых записях император Николай II и великий князь Алексей Александрович. После 1917 г. постройки фермочки относились к служебным и не были сданы в эксплуатацию сторонним организациям. Пострадавший во время наводнения 1924 г., комплекс был разобран в 1926 г. и в настоящее время считается полностью утраченным.

Ключевые слова: Александрия, Александр II, Мария Александровна, Романовы, Э. Л. Ган

CHILDREN'S FARM IN ALEXANDRIA. HISTORY OF EXISTENCE

**Venger
Ol'ga
Vladimirovna**

Curator of museum
items (in the exposition),
The Peterhof State Museum
Reserve

2, Razvodnaya st., Peterhof,
St. Petersburg, 198516,
Russia

fermavenger@mail.ru

Citation:

Venger O. V. Children's farm
in Alexandria. History of
existence. *Loci Imperiales*,
2025, no 4, pp. 138–155.
(In Russian)

Received: April 17, 2025

Accepted: June 25, 2025

The small farm, which was located on the coast of the Gulf of Finland in Peterhof Alexandria, was one of the so-called “children's” buildings that began to be built in Alexandria already in the 1930s. Play spaces such as gymnastic games, collapsible rural houses, a mill, a fire tower, and a battery with cannons not only served to entertain children, but also helped them understand the structure of the world around them and prepare them for adulthood. In the summer of 1858, Emperor Alexander II ordered the construction of an orphanage with a small farm on the shore of the Gulf of Finland, on the border of Alexandria and Nizhny Park, which was intended for the tsar's daughter, Grand Duchess Maria Alexandrovna. The construction was carried out under the supervision of architect E. L. Gan and was completed in less than a year – by July 24, 1859. The farmhouse was richly decorated with both carved wooden decor, typical of the “Russian style” in architecture, and pointed Gothic motifs, typical of buildings in Alexandria. The complex included a house with a balcony, a kitchen, a living room and a bedroom, as well as a courtyard with a glacier, a dairy, a cowshed, a room for a rooster, a pantry, a stable for a donkey, a chicken coop and a carriage house. For many years, the farm has become a popular summer vacation destination not only for children, but also for adult members of the extended Romanov family. Holidays were held here, afternoon tea and dinners were served, to which guests were invited. Memories of the time spent on the children's farm were left in their diary entries by Emperor Nicholas II and Grand Duke Alexei Alexandrovich. After 1917, the farm buildings were classified as office buildings and were not commissioned by third-party organizations. Damaged during the flood of 1924, the complex was dismantled in 1926 and is now considered completely lost.

Keywords: Alexandria, Alexander II, Maria Alexandrovna, Romanovs, E. L. Gan

Петергофская Александрия – уникальное место, где «августейшие хозяева создали <...> неповторимый семейный уют, создали свой мир, который все любили и которым все дорожили»¹. Эти слова Е. Я. Кальницкой удачно характеризуют атмосферу почитания семьи и детства, царившую в императорской усадьбе. Постройки для маленьких князей и княжон – гимнастические игры, всевозможные «подвижные сельские домики», мельница, пожарная каланча, «батарея с пушками» – начали возводить в Александрии уже в 1830-х гг. Игровые пространства служили не только для развлечения детей: они помогали понять им устройство окружающего мира, готовили к взрослой жизни. В настоящей статье речь пойдет об одном из таких объектов – маленькой ферме. ❶

Летом 1858 г. император Александр II распорядился построить для своей дочери, великой княжны Марии Александровны ❷, на границе Александрии и Нижнего парка, «близ каменной стенки», детский домик с маленькой фермой. Начальная стоимость, согласно сметам и планам архитектора Эдуарда Львовича Гана, составляла 1976 руб. серебром. При более внимательном осмотре местности выяснилось, что выбранное место на берегу Финского залива может быть подтоплено во время наводнений. Чтобы избежать порчи построек от воды в весеннее и осеннее время, требовалось поднять и укрепить берег. На земляные работы и на устройство садика с огородом было решено добавить 876 руб. Таким образом, конечная сумма сметы составила 2852 руб.

Эти деньги запросил к выдаче управляющему Петергофским дворцовым правлением обер-гофмаршал граф Андрей Петрович Шувалов в своей записке министру императорского двора графу Владимиру Федоровичу Адлербергу, присовокупляя, что о постройке этой «Императрица Александра Федоровна извещена лично Ея Величеством Государынею Марией Александровною»².

К 26 августа 1858 г. сумма полностью была препровождена управляющему Петергофским дворцовым правлением генерал-майору Ипполиту Ивановичу Бларамбергу для «дальнейшего по сему делу использования»³.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) сохранилось «Описание работ по постройке домика с фермою на берегу моря дачи Ея Величества Александрии, с означением лиц которые обязались произвести эти работы с употреблением всех своих материалов»⁴.

- 1 *Кальницкая Е. Я.* Детство в Петергофе. Семейные истории императора Николая I. СПб., 2015. С. 15.
- 2 О постройке домика с фермою на даче Александрии для великой княжны Марии Александровны. 16 августа 1858 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 469. Оп. 12. Д. 73 Б. Л. 1.
- 3 Там же. Л. 2.
- 4 Описание работ по постройке домика с фермою на берегу моря дачи Ея Величества Александрии, с означением лиц, которые обязались произвести эти работы с употреблением всех своих материалов // Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3222. Л. 7.

Некоторые из видов работ, дающие представление о комплексе в целом и об архитектуре строения, следует перечислить:

«земляные работы: крестьянин Горбунов обязался вокруг строящегося домика поднять насыпь в 1 аршин вышиною, с выкопкою от бугров морского берега глины расстоянием от домика $\frac{1}{4}$ версты всего 110 квадратных сажен с доставкою, распланировкою и утрамбовкою;

каменные работы: подрядчик Андрей Александров Шейн обязуется для постройки домика с фермою выкопать рвы глубиною $1\frac{1}{2}$ аршина, вынуть булыжный камень по извести, сверх земли вывести на 1 аршин вышины стенки кирпичом; работу произвести прочно из своих материалов лучшего качества;

плотничьи работы: подрядчик Никита Иванов обязуется при постройке домика с фермою произвести чисто и прочно следующие плотничные работы с употреблением своего личного материала лучшего качества по ценам ниже контрактов Дворцового правления. А именно: рубить стены в лапу с обтескою бревен с обеих сторон на щипах и прокладкою пакли с подборами в закрой; вытесать из бревен и уложить балки для полов с подборами в закрой; вытесать из бревен и выстрогать косяки для окон и дверей с постановкою на месте на шипах; вытесать и поставить для кровли стропила с обрешеткою под железо; сделать при входах крыльца о 4-х ступенях с тумбами чистой работы; для курятника сделать из бревен обвязки, между ними стены в заборку из досок с обеих сторон чисто строганных; на оном сделать крышу тесом в два ряда со стропилами с обеих их сторон чисто строганными; обшить цоколь чисто строганными досками в закрой; в коровнике и леднике сделать чистые полы; в коровнике сделать чисто строганными досками подшивку потолка на польский манер и обшивку стен и перегородок;

кровельная работа: кровельный мастер Григорий Дмитриев обязуется крыть кровли на домики с флигелями своим железом завода Яковлева, с постановкою, где следует, водосточных желобов и труб;

столярные работы: столярный мастер Яков Максимов обязуется произвести из своего материала работу из соснового леса лучшего качества, т. е. наружную обшивку домика с флигелем сделать по рисунку самой чистой работы; по фасадам разные карнизы и тяги и вырезки по рисунку с прибивкой на место; кронштейны; к крыльцам перила по рисунку; колонны фигурные с тумбами вышиною $4\frac{1}{2}$ аршина; оконных переплетов готических по рисунку с наличниками от $1\frac{1}{2}$ до 2 аршин вышиною и от 1 до $1\frac{1}{2}$ шириною; двери готические по рисунку с мелкими филенками — $1\frac{1}{4}$ аршина шириною, $2\frac{3}{4}$ аршина вышиною; вокруг всей местности сделать вырезные перила с постановкою на место; голубятник по рисунку; сделать дверей филенчатых для курятника;

малярные работы: мастер Баккебум обязался произвести окраску железной крыши и наружной обшивки перил, заборов и всех столярных украшений за 3 дня масляною краскою, окраску со шпаклевкой и покрытием лаком окон и дверей;

крестьянин Павел Петров обязался поднять берег на протяжении 20 погонных сажень и обложить булыжным камнем на мху с доставкой для сего своего камня 30 кубических сажень и 8 сажень моху оптом»⁵.

Устройство садика и огорода обязался произвести подрядчик земляных дел Горбунов, с доставкой своей черной земли лучшего качества для огорода и цветочных клумб и гравия для дорожек, а также с посадкою своих разных кустов и цветов.

По окончании работ оказались неиспользованными по смете 245 руб. 85 коп. Получив высочайшее разрешение, архитектор Э. Л. Ган истратил эти деньги на приобретение дубового паркетного пола, покрытие стен и потолков столярной работой из разных ценных пород дерева (дуба, ореха и клена), а также на меблировку, покупку лучших приборов для окон и дверей и облицовку расписными изразцами очага в кухне⁶.

Внутренняя отделка домика фермы была такой же, как в Сосновом доме наследника цесаревича, этим объясняется сходство в обслуживании. Сохранился документ, составленный Э. Л. Ганом осенью 1859 г., в котором утверждалось о нецелесообразности отопления зданий в зимний период: «Что же касается до дворца Государя Наследника Цесаревича и фермы Ея Высочества Великой Княжны Марии Александровны, то в этих постройках, как деревянных, сырости уже в настоящее время не замечено, поэтому начать отопление оных весной будущего года. Тем более, теперь здания эти закрыты на зиму и топка печей может быть вредна для внутренних украшений комнат, стены которых изящно отделаны деревом без покрытия маслом с такими же украшениями и при 14° тепла не только потеряют отличительные достоинства свои в сохранении натурального цвета дерева, но, состоя из тонкой резьбы и наклейки, должны перелопаться и расчлениться»⁷. В последующие годы на топку зданий с весны до осени отпускалась одна сажень березовых дров⁸.

Результатом этих работ явилась фермочка⁹, характеристику которой дал в «Письмах брата к сестре о Петергофе, его истории и достопримечательностях» писатель А. И. Галактионов: «Маленький двухэтажный домик, с крылечком и балкончиком, соединен крытой галереей с кухней, птичником и службами»¹⁰ ③.

Маленькая ферма состояла из нескольких помещений. Собственно домик включал в себя балкон, кухню, гостиную и опочивальню. Через галерею находились ледник и молочная. За ними располагались коровник, комната для петуха, кладовая, конюшня для осла, курятник и каретный сарай.

5 Там же. Л. 10.

6 Там же.

7 О разных предметах по даче Александрии. 1859 // Там же. Д. 3205. Л. 52.

8 Журнал по даче Александрия. 1869 // Там же. Д. 3569. Л. 169 об.

9 В документах советского времени указано, что общая площадь «Скотной летней фермы» составляла 364 м² (Отчет о деятельности Управления дворцов-музеев за 1926–1927 гг. // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6179/2-ар. Л. 14).

10 Галактионов А. И. Письма брата к сестре о Петергофе, его истории и достопримечательностях // Семейные вечера. СПб., 1881. № 9. С. 283.

Внутреннее убранство домика было достаточно простым. В кухне была детская мебель соснового дерева, неокрашенная: два стола на крестообразных ножках, четыре табурета, тумба для дров с подъемной крышкой, шкаф двухстворчатый со стеклянными дверцами и полками внутри, четыре полки и посуда из белой жести и меди. По описи 1861 г., здесь числилось более 20 наименований кухонной утвари: рыбник, чумичка, ситечки для кореньев и варенья, сковороды, кофейник, шоколадник и т. д.¹¹ В архиве ГМЗ «Петергоф» сохранилась опись «детской фермы», датированная 1894 г.¹², в которой, помимо указанных выше предметов мебели и утвари, фиксируются части столового, чайного и кофейного сервизов с вензелями «АМ», а также некоторые предметы из хрусталя и молочного стекла, также с вензелями «АМ» под короной. Интересно, что в списке посуды по описи 1894 г. упоминаются «гипсовые фигурки быки», выполнявшие, предположительно, декоративную функцию.

В гостиной находилась мебель из ясеня: полукруглый диван, две скамейки и четыре стула (обтянутые зеленым ситцем с узорами в виде букетов цветов), два угловых шкафа, стол четырехугольный на четырех витых ножках. Дополнял мебельное убранство комнаты дубовый столик на колонке с тремя ножками.

Спальня была обставлена детской мебелью из ясеня, также декорированной зеленым ситцем с узорами в виде букетов цветов: кушетка, два кресла с мягкими спинками и локотниками и две подножные скамейки. Здесь же присутствовали: из соснового дерева — кровать и умывальный стол, из березового дерева — туалетный столик (с зеркалом в полукруглой ясеновой раме). К умывальному столу прилагались ручной мойник, блюдо и две коробочки — все из белого фарфора с узором из синих цветов.

Окна были украшены шторами розового колленкора и зеленого атамента на белых колленкорových подкладках и полузанавесками лиловой и голубой тафты. Пол балкона покрывали соломенными «стелюгами»¹³ (т. е. коврами) и цветной клеенкой. Балконы драпировались тиковыми, красными с белыми полосами, занавесями с подзорами, украшенными кисточками из красных и синих шерстяных нитей¹⁴.

Хозяйственные помещения имели скромную меблировку: столы, полки, этажерки, лари и кровать для прислуги были выполнены из соснового дерева. Кроме того, в леднике находился ящик для льда, обложенный внутри свинцом, в молочной — набор посуды из белого фаянса

11 Опись имущества детской фермы // РГИА. Ф. 469. Оп. 15. Д. 302. Л. 3 об.

12 Опись вещей, находящихся на детской ферме на даче Ея Величества Александрии. [1894] // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 7410-ар. Л. 1–8 об.

13 Письмо управляющему Петергофским дворцовым правлением генерал-майору М. Евреину из канцелярии обер-гофмаршала А. Шувалова // РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3403. Л. 43–45.

14 Ведомость материалам и припасам, употребленным по ремонтному содержанию дачи Александрии и фермы в июле месяце 1872 г. // Там же. Д. 3873. Л. 28 об.

и глиняные горшки, в коровнике — чан для поила, железная цепь и кожаный ошейник, в курятнике — корзины с крышками из прутьев¹⁵.

Об обитателях скотного двора фермочки мы можем судить как по названиям предназначенных для них помещений (коровник, конюшня для осла, комната для петуха, курятник), так и по описи, составленной в середине XIX в. Опись «овцам и птицам, находящимся на детской ферме Ведомства Петергофского правления» фиксирует, что в 1861 г. «состояло на лицо»: «баран 1, овец 5, уток штук 16, кур и петухов 32, голубей 32»¹⁶. Можно предположить, что для них заготавливались те же кормовые припасы, что и для обитателей скотной фермы Александрии, а именно «овес, пшеничные отруби, мука овсяная и ржаная, гречневая крупа двух видов — ядрица и продел, овсяная, пшеничная и ячменные крупы, сено, трава вика, солома овсяная и рисовая, солодовые ростки, картофель, крупная простая и каменная соль»¹⁷.

Для соблюдения чистоты и присмотра за хозяйством нанимали рабочего с платой 15 руб. в месяц и «женщину» с платой 10 руб. в месяц¹⁸.

С наступлением холодов животные и птицы, содержавшиеся на ферме великой княжны Марии Александровны, переводились в пристройку к караулке у Морской беседки. Пристройку спешно, за две недели, возвели в конце сентября 1859 г. Расход на постройку составил 323 руб. 50 коп.¹⁹ По ходатайству комиссара Александрии Колюбакина, уход за живностью поручили жене сторожа Морской караулки Анне Матвеевне Змеевой, с платой 10 руб. в месяц²⁰. Эту практику прекратили в 1864 г. Сохранилось письмо от 11 декабря 1863 г., написанное управляющим Петергофским дворцовым правлением Михаилом Григорьевичем Евреиновым министру императорского двора, о нецелесообразности содержания животных и птицы в отдельном хозяйстве у караулки, поскольку оно обходится в 398 руб. в год без учета расходов на покупку сена и жалованья прислуги. «Весь же приплод, равно и шерсть с овец поступают в пользу караульщицы», — особо подчеркивалось в письме. 21 декабря 1863 г. императрица «Высочайше одобрит» слияние двух хозяйств: детской фермочки великой княжны и скотной фермы дачи Александрия²¹.

Первое посещение фермочки венценосными заказчиками состоялось 24 июля 1859 г. Император, императрица, великие князья Александр,

15 Опись имущества детской фермы // Там же. Ф. 469. Оп. 15. Д. 302. Л. 23 об.

16 Опись овцам и птицам, находящимся на детской фермочке // Там же. Д. 303. Л. 1.

17 *Тенигина В. М.* Императорская Новая ферма в Александрии в Петергофе // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия. СПб., 2003. Т. 2: Девятнадцатый век. Кн. 7: У–Ч. С. 274.

18 По ремонтному содержанию дачи Александрии // РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3683. Л. 86.

19 Смета на постройку у морской беседки на даче Ея Величества Александрии зимнего помещения для коров, овец, кур и уток, находящихся в летнее время на ферме великой княжны Марии Александровны // Там же. Д. 3195. Л. 24.

20 О разрешении комиссару Колюбакину нанимать рабочих людей для дачи Александрии // Там же. Д. 3326. Л. 1.

21 Об исходатайствовании разрешения соединить хозяйство фермы великой княжны Марии Александровны с фермой дачи Александрии // Там же. Оп. 3. Д. 2311. Л. 1–7.

Владимир и Сергей Александровичи и великая княжна Мария Александровна, вернувшись из путешествия в Гапсаль, «от пристани в экипаже изволили проезжать на вновь устроенную для Великой Княжны Марии Александровны ферму»²². Изучая камер-фурьерские журналы за 1860 и 1861 гг., можно увидеть, что фермочка оказалась популярным местом посещения Романовых. Вечерние прогулки к «новой ферме»²³ стали в один ряд с прогулками к «Островам» или на «Собственную дачу». Приглашался или узкий круг лиц — например, 1 июля 1860 г. « $\frac{1}{2}$ 8 часа Их Величества с Августейшими Детьми имели выезд прогуливаться и на новой ферме изволили иметь полдник, куда также прибыли Великая Княгиня Екатерина Михайловна и Герцог Мекленбург-Стрелицкий»²⁴, — или большие компании: «21 июля 1861. В 8 часов Их Величества выезд имели прогуливаться на детскую фермочку, где собравшимися Их Высочествами и приглашенными особами имели полдник в 40 персон»²⁵. Здесь нельзя не упомянуть о большом празднике, устроенном в Александрии в июле 1861 г. Сохранился рапорт управляющего Петергофским дворцовым правлением генерал-майора М. Г. Евреинова генерал-адъютанту А. В. Адлербергу от 25 июля 1861 г. о том, что «Государь Император словесно Высочайше повелеть изволил устроить на даче Александрии на берегу моря напротив фермы Великой Княжны Марии Александровны к 27-му числу июля иллюминацию с постановкой декораций»²⁶. По сведениям камер-фурьерского журнала, к 9 часам приглашались на детскую ферму дамы «без траура», военные в сюртуках и фуражках (всего 65 человек) « $\frac{1}{4}$ 10 часа Их Величества выезд имели прогуливаться на ферму Великой Княжны; где также собрались все Августейшие Дети, Великие Князья: Константин Николаевич с сыном Николаем Константиновичем, Николай Николаевич с супругою и сыном, Михаил Николаевич с супругою, Великая Княгиня Мария Николаевна с Княжною Мариєю Максимилиановною, Герцог Мекленбург-Стрелицкий и Принц Ольденбургский. Их Величества с Их Высочествами и приглашенными особами изволили обзрывать живые картины, устроенные на судах, в коих участвовали: Августейшие Дети и некоторые особы Свиты. После живых картин слушали пение театральных воспитанниц с придворными певчими и с участием некоторых особ. Во время антрактов кушали чай и мороженое. На лугу и дорожках были постланы ковры и на оных ставили столы с фруктами и прочими принадлежностями к полднику. После живых картин и пения г.г. офицеры Гвардейского корпуса в числе

- 22 Камер-фурьерский журнал 1859 г. за июль месяц // Там же. Ф. 516. Оп. 1 (внутр. оп. 125/2382). Д. 57. Л. 28.
- 23 Одно из названий фермы великой княжны Марии Александровны, встречающееся в камер-фурьерских журналах 1860-х гг.
- 24 Камер-фурьерский журнал 1860 г. за июль месяц // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (внутр. оп. 125/2382). Д. 69. Л. 3.
- 25 Камер-фурьерский журнал 1861 г. за июль месяц // Там же. Д. 83. Л. 47.
- 26 Раппорт управляющего Петергофским дворцовым правлением военного инженер-генерал-майора Евреинова генерал-адъютанту и кавалеру Адлербергу // Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3403. Л. 31.

30 человек, подъехав к берегу на двух соединенных вместе гичках, освященных разноцветными фонарями, пели разные романсы — вслед за тем сожжен великолепный фейерверк, устроенный на берегу и частью на воде»²⁷.

Став постарше, великая княжна Мария, проводившая на ферме под присмотром приставленных к ней дам большую часть петергофского лета, с удовольствием играла роль хозяйки усадьбы: присматривала за обитателями скотного двора, ухаживала за растениями²⁸, наблюдала за приготовлением продуктов из молока, «самостоятельно» принимала гостей.

Один из таких визитов на фермочку в июле 1862 г. описал в дневнике ее брат Алексей, вернувшийся из морского путешествия по финским шхерам на яхте «Забава». «26 [июля]. Вечером пришли в Петергоф и там только узнали что Папа и Мама приедут 29 утром <...> 27 [июля]. В 10½ часов мы поехали к обедни, приехала тетя Мери, потом мы хотели поехать кататься но шаробан мой небыл там и притом Николу наказали зато что он ел в огороде репу. Я и Н. Г.²⁹ пошел на пристань и на большом вельботе поехали на забаву³⁰ что бы навестить ее. Мы обедали на маленькой ферме с Мари потом играли и ездили на осле <...>»³¹ ④

Еще одним документальным свидетельством посещения фермочки, уже в гораздо более позднее время, является упоминание о ней в дневнике великого князя Николая Александровича, будущего императора Николая II, за 1895 г. «15 июня (3 июня). <...> Осмотрели подробно все отделы хозяйства нашего собственного скотного двора. Пили в беседке — молоко и ели черный хлеб. <...>»³² Березовая беседка³³, о которой идет речь в дневнике, входила в комплекс фермочки и располагалась здесь же, в цветочном садике, внутри территории, обнесенной невысокой изгородью.

В 1914 г. в Петергофе праздновалось 10-летие наследника цесаревича Алексея Николаевича, которому его бабушка, вдовствующая

27 Камер-фурьерский журнал 1861 г. за июль месяц. Л. 58.

28 В описи 1894 г. особо указан «ящик с детскими садовыми инструментами — один» (Опись вещей, находящихся на детской ферме на даче Ея Величества Александра. [1894]. Л. 8).

29 Шиллинг фон, Николай Густавович (1829–1910) — русский военно-морской деятель, первопроходец Северного океана, с 1859 г. состоял при великом князе Алексее Александровиче.

30 Речь идет о яхте «Забава», построенной в 1860 г. в Финляндии для 10-летнего великого князя Алексея Александровича (Русские императорские яхты: конец XVII — начало XX века. СПб., 1997. С. 16–17).

31 *Алексей Александрович, великий князь*. Журнал: дневник 1862–1907 гг. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 890. Оп. 1. Д. 83. Л. 11. При цитировании сохранены орфография и пунктуация источника.

32 *Николай II Александрович, император*. Дневник: 1894–1914 // Прожито: электронная библиотека дневниковых записей. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/277445> (дата обращения: 19.05.2025).

33 В настоящее время о ее конструкции мы можем судить по чертежу, составленному архитектором А. К. Миняевым: *Миняев А. К.* Березовая беседка при Детской фермочке на даче Ея Величества Александра. 1915 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 93-ар.

императрица Мария Федоровна, преподнесла необычный подарок, о чем есть запись в ее дневнике: «30 июля / 12 августа. Среда. В 11 часов была на церковной службе. Затем — завтрак у Ники. Сегодня день рождения маленького Алексея. Я подарила ему маленького ослика, чему он был очень рад»³⁴. С большой долей вероятности можно говорить, что «подарок» определили на постой в конюшню маленькой фермы.

К 1914 г. относится проведение последних масштабных ремонтных работ на фермочке — возобновление балкона³⁵.

О судьбе детской фермы после 1917 г. в настоящее время имеется очень мало сведений. Известно, что постройки относились к служебным и не были сданы в эксплуатацию сторонним организациям³⁶.

Случившееся в 1924 г. наводнение нанесло серьезный ущерб Петергофу: «23 сентября в 18:00 морская вода стала заливать Нижний парк, прибрежную часть парка Александрия вместе с музеями и другими строениями»³⁷. Не могла не пострадать и детская ферма 5 6. Разрушения усугублялись участвовавшими случаями расхищения имущества из хозяйственных строений в парке Александрия. В архиве Государственного музея-заповедника «Петергоф» сохранился документ от 30 августа 1926 г., составленный помощником хранителя дворцов-музеев Николаем Петровичем Удаленковым, где говорилось следующее: «В настоящее время фермочка представляет из себя печальное зрелище, стекол в окнах нигде нет, переплеты рам и рамы большею частью выломаны, ясеневое дерева двери тоже. Ясеновая облицовка стен подготовлена к выломке и часто уже украдена. Чугунная плитка выломана и отсутствует. Паркетный пол еще цел, но видны попытки к его выломке. Наружная тесовая облицовка и крылечки расхищаются, как на детской фермочке, так и на ее службах»³⁸. 1 сентября 1926 г. специально созданная комиссия постановила разобрать строения комплекса³⁹. 24 сентября 1926 г. в материальную кладовую были приняты бревна, доски, двери и кровельное железо, полученные от разборки сарайчиков, а 27 сентября от разборки домика, «причем все оказалось годным для ремонтных работ»⁴⁰. Часть материалов позже использовали для восстановления караулки у Морских ворот⁴¹.

34 *Мария Федоровна, императрица. Дневники (1914–1920, 1923). М., 2005. С. 50.*

35 *Миняев А. К.* План и фасад части детской фермочки на даче Александрия в Петергофе с обозначением балкона, подлежащего возобновлению. 1914 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 926-ар.

36 Отчет о деятельности Управления Петергофских дворцов-музеев за 1926–1927 гг. // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6179/2-ар. Л. 14.

37 *Бондарев С. В.* «Владыка бурь восстал и сел на колесницу». Последствия наводнения 1924 года и начало музейной реставрации в Петергофе // Век реставрации пригородных дворцов. Трагедия и триумф : сборник статей по материалам научно-практической конференции. СПб., 2019. С. 38.

38 Докладная записка помощника хранителя дворцов-музеев Н. Удаленкова. 30 августа 1926 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5899-ар. Л. 329.

39 Там же.

40 Акты за 24 и 27 сентября 1926 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5891-ар. Л. 96, 97.

41 Докладная записка помощника хранителя дворцов-музеев Н. Удаленкова.

В 2005 г. Сергей Юрьевич Каргапольцев составил отчет об архитектурно-археологических изысканиях в парке Александрия 7. О работах на территории, где прежде находилась детская ферма, он пишет следующее: «Обильная корневая система разросшихся здесь деревьев не позволяет заложить сетку индикационных шурфов. Сделанные зондажи никаких конструкций фундаментов не выявили. Слой насыщен битым бутылочным стеклом, консервными банками и другим мусором, связанным с периодом существования здесь в 50–70-е годы прошлого века так называемого „Золотого пляжа“ (непосредственно примыкающего к ферме с восточной стороны). Тем не менее не вызывает сомнений местонахождение комплекса, хорошо прослеживаемое на местности, совпадающее с данными исторических карт и планов, — мысовая площадка, ограниченная с береговой стороны навалом крупных камней размерами 0,5–0,8 метров. Комплекс фермочки следует признать полностью утраченным»⁴².

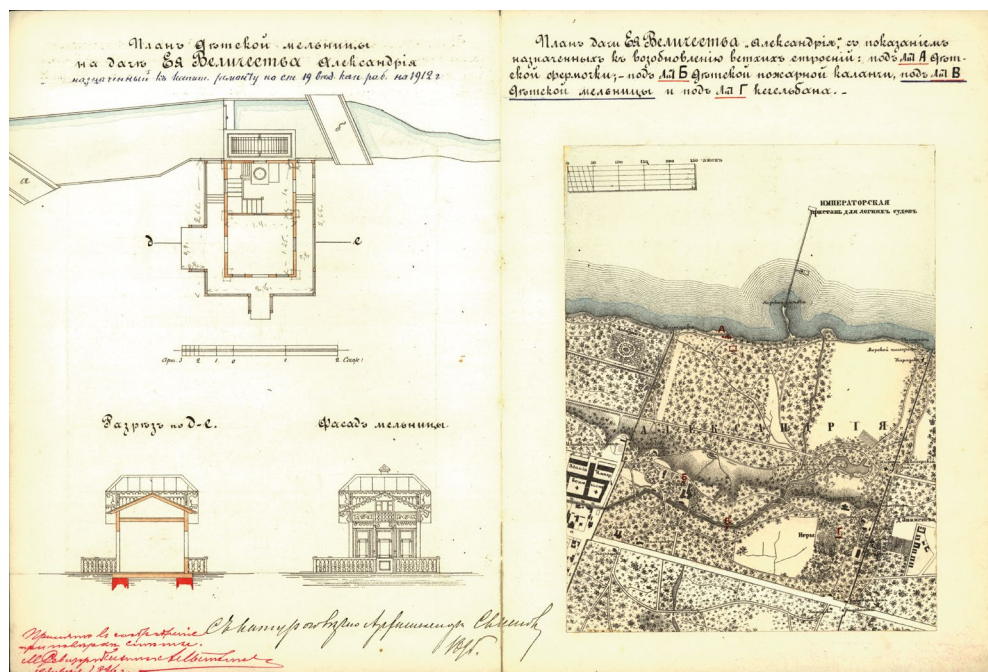
REFERECES

Bondarev S. V. *"The ruler of the storm rebelled and sat fown to chariot". Consequences of the flood in the 1924 and the beginning of the museum restoration in Peterhof*. The Century of restoration of suburban palaces. Tragedy and Triumph. Proceeding of the Scientific and Practical Conference of the Peterhof State Museum Reserve. St. Petersburg, The Peterhof State Museum Reserve Publ., 2019, pp. 37–41. (In Russian)

Kalnitskaya E. Y. *Detstvo v Petergofe. Semeinye istorii imperatora Nikolaya I* [Childhood in Peterhof. Family stories of Emperor Nicholas I]. St. Petersburg, Detgiz, 2015. 125 p. (In Russian)

Tenikhina V. M. *Imperatorskaya Novaya ferma v Aleksandrii v Petergofe* [The Imperial New farm in Alexandria in Peterhof]. Three centuries of St. Petersburg: encyclopedia: in 3 vol. Vol. 2, book 7. St. Petersburg, Faculty of Philology and Art of St. Petersburg State University Publ., 2003, pp. 274–276. (In Russian)

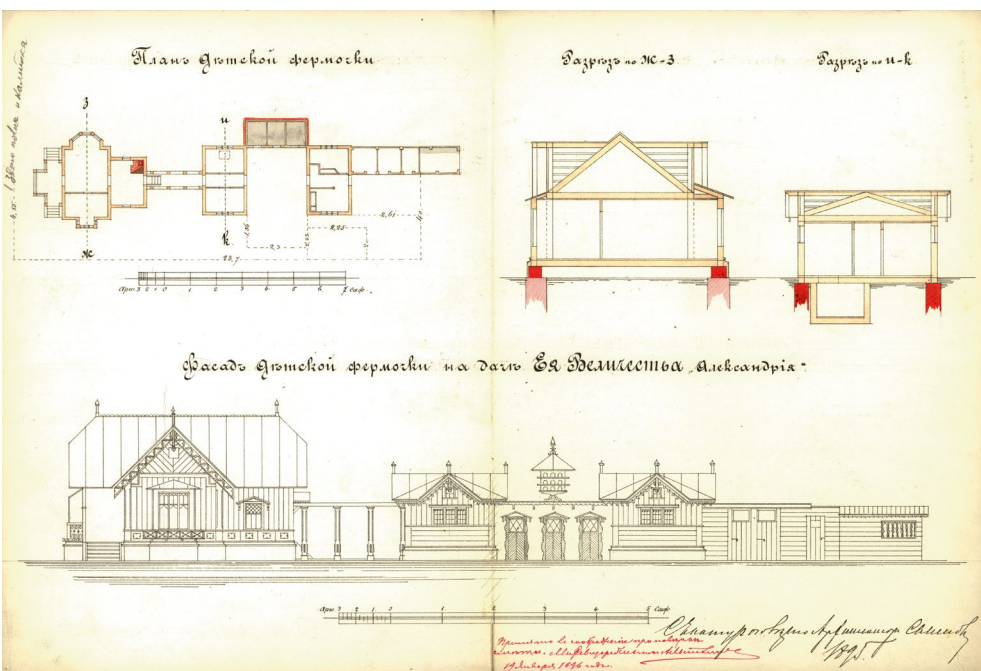
42 Каргапольцев С. Ю. Отчет об архитектурно-археологических изысканиях в парке Александрия: «лебедяжник», плотина и береговые откосы на Лебяжьем пруду, колодец у дома великих князей Николая и Михаила, детская фермочка // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 15039/1. Л. 7.

1 План дачи Александрия в Петергофе с обозначением построек, назначенных к возобновлению; план, фасад и разрез детской мельницы
1896
ГМЗ «Петергоф»

2 Портрет императора Александра II с дочерью Марией и сыном Алексеем
Начало 1860-х
ГМЗ «Петергоф»

3 Семенов А. И.
Чертежи детской фермочки на даче Александрия в Петергофе
 1895
 ГМЗ «Петергоф»

м чай у нее
милу, Павлуш
ея.
м по одожди,
почи на жоним
танс мой кеде
оду капозали

а соломо
таву хто бы не
ододами на
ри, жотомъ
мо
ферма и мие играли
мансваши
троис Нико

танъ и при
зато хто

и на столе
забаву хто бы
Мы ододами
Мари, жотомъ

городъ роггу
а пристань
потожали на
ее.
ми гдаит на забаву
фери мъ се
вздили на
у дяди Мизи

- ④ Страница из Журнала великого князя Алексея Александровича (фрагменты)
1862
Российская национальная библиотека

5 Детская фермочка в парке Александрия в Петергофе
1926
Фотограф Е. М. Тихвинский
ГМЗ «Петергоф»

❖ Детская фермочка в парке Александрия в Петергофе
1926
ГМЗ «Петергоф»

7 С. Ю. Каргапольцев на территории утраченного комплекса детской фермочки
2005
ГМЗ «Петергоф»

ИСТОРИЧЕСКИЙ АССОРТИМЕНТ МНОГОЛЕТНИХ ЦВЕТОЧНЫХ КУЛЬТУР КОНЦА XVIII – XIX ВЕКА В ОФОРМЛЕНИИ ДВОРЦОВОГО ПАРКА ГМЗ «ГАТЧИНА»

**Дорофеева
Дарья
Михайловна**

Магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия,
Санкт-Петербург,
Университетская наб.,
д. 7–9

dariakhvostik@yandex.ru

Цитирование:

Дорофеева Д. М.

Исторический ассортимент многолетних цветочных культур конца XVIII – XIX века в оформлении Дворцового парка ГМЗ «Гатчина» // *Loci Imperiales*. 2025. № 4. С. 156–167.

Поступила в редакцию:

25 февраля 2025 г.

Рекомендована к печати:

28 мая 2025 г.

Статья посвящена актуальной проблеме выявления и систематизации исторического ассортимента цветочных культур Дворцового парка Государственного музея-заповедника (ГМЗ) «Гатчина», где в последние годы идет активная реставрация и восстановление исторических цветников. Целью исследования стало выявление, на основе архивных документов, литературных источников и иконографии, исторического ассортимента многолетних культур, используемых в цветочном оформлении Дворцового парка ГМЗ «Гатчина», а также систематизация изученного ассортимента по периодам пребывания в Гатчинской резиденции русских императоров. С целью подробного описания исторического ассортимента Дворцового парка был проведен анализ документальных источников из фондов Российского государственного исторического архива (далее РГИА) и Научного архива ГМЗ «Гатчина». Особое внимание уделялось изучению финансовых документов по приобретению семян и растений, реестрам цветочных растений, описям оранжерейных комплексов и хозяйственной документации садовых мастеров из следующих фондов РГИА: ф. 491 (Гатчинское дворцовое управление Министерства императорского двора), ф. 478 (Императорская охота Министерства императорского двора), ф. 759 (Собственная Ея Императорского Величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии Федоровны), ф. 472 (Канцелярия Министерства императорского двора). В результате исследования были выявлены многолетники, которые заказывались разными ведомствами для нужд дворцово-паркового ансамбля «Гатчина». Всего в процессе работы в РГИА и научном архиве Гатчинского дворца были определены 115 таксонов, которые высаживались в парке в период с конца XVIII до начала XX в. Полученные данные не только позволяют уточнить структуру исторического цветочного оформления, но и служат базой для разработки научно обоснованного плана восстановления и реконструкции цветников. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов для сохранения аутентичности и исторической преемственности ландшафта, а также для дальнейших исследований в области исторической садово-парковой культуры.

Ключевые слова: Гатчинский парк, цветочное оформление, исторический ассортимент, декоративные цветочные растения, многолетние цветочные культуры

HISTORICAL ASSORTMENT OF PERENNIAL FLOWER CROPS FROM THE END OF THE 18TH – 19TH CENTURY IN THE DESIGN OF THE GATCHINA STATE MUSEUM OF FINE ARTS PALACE PARK

**Dorofeeva
Darya
Mikhailovna**

Master's student,
St. Petersburg State
University

7–9, Universitetskaya
Naberezhnaya,
St. Petersburg, 199034,
Russia

dariakhvotik@yandex.ru

Citation:

Dorofeeva D. M. Historical assortment of perennial flower crops from the end of the 18th – 19th century in the design of the Gatchina State Museum of Fine Arts Palace Park. *Loci Imperiales*, 2025, no 4, pp. 156–167. (In Russian)

Received: February 25, 2025

Accepted: May 28, 2025

This article is devoted to the urgent problem of identifying and systematizing the historical assortment of flower crops in the Palace Park of the Gatchina State Museum Reserve, since in recent years the park has been actively restoring and restoring historical flower beds. The purpose of the study was to identify, based on archival documents, literary sources and iconography, the historical assortment of perennial crops used in the floral decoration of the Gatchina State Museum of Fine Arts, as well as systematize the studied assortment by the periods of stay in the Gatchina residence of the Russian emperors. The methodology of historical research of perennial flower crops is impossible without reference to archival documents, therefore, in order to describe in detail the historical assortment of the Palace Park, we analyzed documentary sources from the collections of the Russian State Historical Archive and the Scientific Archive of the Gatchina State Museum of Fine Arts. Special attention was paid to the study of financial documents for the purchase of seeds and plants, registers of flowering plants, inventories of greenhouse complexes and economic documentation of gardeners from the following funds of the Russian Agricultural Institute: f. 491 (Gatchina Palace Administration of the Ministry of the Imperial Household), f. 478 (Imperial Hunting of the Ministry of the Imperial Household), f. 759 (Her Imperial Majesty's Own Chancellery for the Institutions of Empress Maria Feodorovna), f. 472 (Chancellery of the Ministry of the Imperial Household). This multidimensional research method allowed us to obtain the most complete information about the composition of historical flower beds. As a result of the study, perennials were identified, which were ordered by various departments for the needs of the Gatchina Palace and Park ensemble. In total, 115 taxa that were planted in the park from the end of the XVIII century to the beginning of the XX century were identified in the course of work at the Russian State Agricultural Institute and the scientific archive of the Gatchina Palace. The data obtained not only makes it possible to clarify the structure of the historical floral design, but also serves as the basis for the development of a scientifically sound plan for the restoration and reconstruction of flower beds. The practical significance of the work lies in the possibility of using the results to preserve the authenticity and historical continuity of the landscape, as well as for further research in the field of historical landscape gardening.

Keywords: Gatchina Park, floral design, historical assortment, decorative flower plants, perennial flower crops.

Важную роль в деле сохранения культурно-исторического и природного наследия России играет восстановление и сохранение исторических парков. При разработке проекта реставрации необходимо собрать всю информацию об объекте. Главными источниками являются архивные документы, проектные материалы, иконография, литературные произведения: дневники, записки путешественников и др. Для уточнения исторической планировки объекта, композиции и структуры пейзажей, состава насаждений проводится натурное обследование территории.

Значимый этап в процессе реставрации – восстановление исторического цветочного оформления, что определяет несомненную актуальность темы исторического ассортимента растений. К сожалению, зачастую информация, относящаяся к нему, либо не полная, либо не структурирована. Поэтому одной из главных задач при реставрации исторического цветочного оформления в парках является изучение и идентификация цветочного ассортимента¹.

Цветочное оформление всегда было неотъемлемой частью парков, убранство которых менялось в процессе развития модных тенденций садово-паркового искусства. Вместе с формой и стилем цветника изменения затрагивали и ассортимент растений, поэтому его необходимо изучать вместе с типами цветочного оформления. Такой подход к исследованию темы позволит сформировать наиболее полный художественный образ исторических парков².

Как в современных, так и в исторических объектах ландшафтной архитектуры важное место занимают многолетние цветочные культуры, благодаря своей декоративной стабильности, многообразию форм и длительности цветения, простоте агротехники и экономичности. В XVIII–XIX вв. в Европу стали привозить множество новых растений, которые затем высаживали в садах и парках. Большое влияние на моду задеять в цветочных композициях многолетние цветочные культуры оказала Великобритания. Английские садоводы добились значительных успехов в селекции и популяризации новых сортов не только однолетников, но и многолетников. Впоследствии выведенные сорта и мода на них быстро распространились по континентам и странам.

Одним из успешных примеров использования многолетних цветочных культур в дворцово-парковых ансамблях является цветочное оформление Дворцового парка Государственного музея-заповедника (ГМЗ) «Гатчина». В период с конца XVIII до начала XIX в. при устройстве цветников применялись разнообразные многолетние цветочные культуры, отражающие как эстетические предпочтения своего времени, так и достижения в области садоводства и ботаники.

- 1 *Максименко М. Ф.* Использование ассортимента цветочных растений в русских регулярных парках // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2008. № 2 (65). С. 22.
- 2 *Максименко М. Ф.* Изучение динамики ассортимента декоративных травянистых растений и ее значение при реставрации исторических парков России: автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. М., 2012. С. 24.

Об истории развития и формирования гатчинского Дворцового парка писали многие исследователи. Самым ранним и монументальным трудом является «Столетие города Гатчины. 1796–1896» С. И. Рождественского, где рассматривается не только история социально-экономического развития города, но и начало зарождения и формирования его парков. Автор отмечает, что их основу заложил Павел I и они отражали личные вкусы императора³. В работе Л. А. Кашук подробно характеризуются этапы формирования архитектурно-планировочной структуры гатчинских парков, их флора и фауна⁴. В книге Д. А. Кючарианц и А. Г. Раскина высказывается идея о том, что город и все гатчинские парки представляют собой единый художественный образ и взаимосвязаны в историческом и композиционном развитии⁵. Таким образом, формирование дворцово-парковых ансамблей неразрывно связано с историей Гатчины и является его неотделимой частью.

Вопрос создания цветников в садах и парках, а также подбора ассортимента для них всегда был актуален. Этой теме было посвящено много исследований, издавалась научная литература, альбомы и ботанические атласы. В последнее время все больше специалистов поднимают вопрос исторического ассортимента, используемого в цветочном оформлении дворцово-парковых ансамблей. Однако исследований по растительному ассортименту открытого грунта Дворцового парка ГМЗ «Гатчина» практически нет, в некоторых работах упоминаются растения только закрытого грунта. Например, в статье А. Ю. Паркаловой описывается устройство и организация оранжерейного хозяйства Гатчинского парка и называются растения, которые выращивались в теплицах. В основном автор сообщает об их количестве, без конкретных названий, но есть сведения о 200 многолетних растениях, зимующих в оранжерее⁶. В статье А. Ю. Поляковой встречаются некоторые растения открытого грунта, которые выращивались в ботанических садах в разные периоды истории Дворцового парка. Однако чаще всего это плодовые деревья без точного видового названия, а многолетние цветочные культуры вовсе отсутствуют⁷.

Все больше специалистов поднимают вопрос о важности использования в дворцово-парковых ансамблях исторического растительного ассортимента. Каждый музей-заповедник в пригородах Санкт-Петербурга старается выявлять, идентифицировать и использовать именно те растения и цветы, которые украшали парки в прежние столетия. Такая

3 Столетие города Гатчины, 1796 – 11/XI 1896 г. Гатчина, 1896. Т. 1: Исторические сведения. С. 55.

4 Кашук Л. А. Гатчина XVIII – начала XX века. Владельцы, фавориты, события. СПб., 2010. С. 145–154.

5 Кючарианц Д. А., Раскин А. Г. Гатчина: Художественные памятники. СПб., 2001. С. 132.

6 Паркалова А. Ю. Оранжереи Дворцового парка // 30-летие с момента открытия для посетителей первых залов Гатчинского дворца, отреставрированных после Второй мировой войны: Материалы научной конференции 14 мая 2015. Гатчина, 2015. С. 58.

7 Полякова А. Ю. Ботанические сады Дворцового парка в Гатчине // Лесной вестник. 2018. Т. 22. № 3. С. 30.

работа давно ведется в Государственном музее-заповеднике «Петергоф» – например, в садах на островах Колонистского парка в процессе реставрации были высажены растения, подобранные на основе архивных материалов⁸. В статье И. О. Пашинской, посвященной историческому цветочному ассортименту Петергофа, приведены не только конкретные названия растений, но и у кого именно они были заказаны⁹. В музее-заповеднике «Царское Село» данную тему осветила в своих работах О. А. Филиппова. Она описывает не только историю формирования и развития питомника, но и приводит списки растений, которые выращивались в Школьном садовом заведении в середине XIX в. Преимущественно это деревья и кустарники, однако не известно, где именно данные виды растений использовались¹⁰.

Самая богатая и полная информация о правильном подборе ассортимента для цветников, с подробными характеристиками и схемами цветников разных типов, относится к концу XIX в., когда был уже накоплен значительный опыт и было выведено большое количество разнообразных сортов. Одно из самых ранних пособий по садоводству и цветоводству было написано А. Т. Болотовым¹¹. Отметим работы К. П. Епанчина о подборе ассортимента для разных типов цветочного оформления¹² и В. Я. Курбатова о композиции цветников¹³, а также монографию А. Э. Регеля¹⁴, где автор, обобщив и резюмировав историю садово-паркового искусства, предложил систему практических советов по садоводству.

Вместе с тем следует признать, что в настоящее время данные об ассортименте цветочного оформления дворцово-парковых ансамблей Санкт-Петербурга далеко не полные, а те сведения, которые известны, не систематизированы. Поэтому главным в решении проблемы исторического цветочного оформления в парках представляется исследование, идентификация и систематизация цветочного ассортимента¹⁵.

Данная работа направлена на изучение исторического ассортимента многолетних цветочных культур, использовавшихся в Дворцовом

- 8 Сады на островах Колонистского парка // Официальный сайт ГМЗ «Петергоф». URL: https://peterhofmuseum.ru/objects/islands/sadi_na_ostrovah/ (дата обращения: 22.05.2025).
- 9 Пашинская И. О. «Цветочный энтузиазм». Петергоф. Середина XIX века // Плантомагия: российский вариант: материалы XII Царскосельской научной конференции. СПб., 2006. С. 307.
- 10 Филиппова О. А. Школьное садовое заведение – колыбель царскосельских парков // Сады и парки: энциклопедия стиля: сборник научных статей XXV Царскосельской конференции. СПб., 2019. Ч. 2. С. 310.
- 11 Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1738–1793). СПб., 1870–1873. Т. 1–4.
- 12 Епанчин К. П. Цветочный сад: Устройство цветников с планами и чертежами. Выбор красивейших цветочных растений и их культура. М., 1891.
- 13 Курбатов В. Я. Сады и парки: История и теория садового искусства. Пг., 1916.
- 14 Регель А. Э. Изящное садоводство и художественные сады: историко-дидактический очерк. СПб., 1896.
- 15 Максименко М. Ф. Изучение динамики ассортимента декоративных травянистых растений и ее значение при реставрации исторических парков России. С. 5.

парке ГМЗ «Гатчина», с целью выявления их роли в формировании уникального ландшафтного облика, а также тех методов, которые могут быть применены в современной ландшафтной архитектуре. Важным аспектом исследования является сохранение и восстановление исторической составляющей садово-парковых традиций, что способствует глубокому пониманию приемов оформления дворцово-парковых ансамблей XVIII–XIX вв.

Для детального описания исторического ассортимента цветочного оформления Дворцового парка нами были изучены документы из собрания Российского государственного исторического архива (РГИА) и Научного архива ГМЗ «Гатчина». Особое внимание уделялось счетам на покупку семян и растений, реестрам цветочных растений, описям оранжерей и хозяйственным документам садовых мастеров из фондов РГИА: ф. 491 (Гатчинское дворцовое управление Министерство императорского двора), ф. 478 (Императорская охота Министерства императорского двора), ф. 759 (Собственная Ея Императорского Величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии Федоровны), ф. 472 (Канцелярия Министерства императорского двора). Сложность идентификации растений заключалась в том, что в большинстве случаев в архивных документах названия растений написаны от руки на русском и латинском языках, а иногда и русскими буквами написаны латинские названия.

В процессе исследования были установлены ведомства, которые заказывали растения для дворцово-паркового ансамбля Гатчины. Так, на период XVIII в. было обнаружено очень мало документов на закупку семян и растений. В основном это письма, адресованные Григорию Ивановичу Вилламову, который был принят на службу императрицей Марией Федоровной в 1801 г., после кончины Павла I, с целью «исправления дел» при государыне¹⁶. К Вилламову обращались в случае необходимости заказать те или иные растения.

Также были выявлены записи 1798 г. садовых мастеров Гаштама и Геккета, которые заказывали «для здешнего сада разных семян на 52 руб.»¹⁷ и «огородных семян и цветочных: гвоздики, астр, мальвы, мальвы, зимней, левкоя летнего, левкоя зимнего, лаватер <...> базилику голубого, подсолнечников...»¹⁸ на 40 руб.

Были обнаружены документы начала XIX в. – описи оранжерей и рапорты о получении растений и семян садовым мастером Марселлем¹⁹. Во второй половине XIX – начале XX в. заказы на покупку семян и растений поступали от Управления императорской охоты,

16 Вилламов Григорий Иванович // Энциклопедия Санкт-Петербурга. URL: <https://encspb.ru/object/2830282864> (дата обращения: 10.02.2024).

17 Опись английского сада. 1798 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 491. Оп. 1. Д. 1659. Л. 508.

18 Там же. Л. 508.

19 Цветочное оформление Гатчинского парка (Выписки из архивных материалов 1798–1799 гг., 1854, 1864, 1882 гг.) // Научный архив (НА) ГМЗ «Гатчина». Д. 64.

Дворцового управления или от садовых мастеров. В основном закупка растений производилась в садовых заведениях А. Ушакова, Регеля и Кессельринга, К. И. Вагнера в Риге и семенного магазина «Северный букет» Ивана Сима.

В архивных документах не описано точное местонахождение растений, которые заказывались для Дворцового парка. Однако, благодаря идентифицированным экземплярам, известна палитра ассортимента цветочных культур. Для конкретизации расположения исторического цветочного оформления в парке были изучены его планы и схемы за 1790–1820 гг., хранящиеся в фондах графики ГМЗ «Гатчина»²⁰. В результате можно сделать вывод, что цветочное оформление являлось важностью частью планировочной структуры и объемно-пространственной композиции Дворцового парка. Часть цветников повторяются на большинстве планов и схем, но встречаются и те, которые меняли конфигурацию и расположение²¹ – под влиянием модных тенденций, в зависимости от вкусов хозяев дворцово-паркового ансамбля и функционального использования территории в разные периоды существования парка. Таким образом, динамику исторического ассортимента многолетних цветочных культур Дворцового парка следует рассматривать в хронологическом порядке.

В соответствии с временем пребывания императоров в Гатчинской резиденции с конца XVIII в. до начала XX в. условно были выделены **четыре периода**: 1) конец XVIII – начало XIX в.); 2) первая половина XIX в.; 3) вторая половина XIX в.; 4) конец XIX – начало XX в. Период правления Александра II был опущен, так как император не интересовался Гатчиной и за все правление был в ней всего пять раз, чаще всего используя ее как место временного отдыха во время выездов на охоту²².

Первый период был условно выделен с **конца XVIII до первой четверти XIX в.**, когда Гатчиной управляла вдовствующая императрица Мария Федоровна. Наиболее ранние найденные списки датируются концом XVIII в. и относятся к Оранжерейному хозяйству, где оформлялись заказы не только на семена овощных культур, но и на декоративные растения. Первые обнаруженные записи, выполненные сотрудниками Гатчинского научного архива, датируются 1798 г. Так как при подборе ассортимента внимание уделялось не только эстетическим свойствам, но и зимостойкости растений, в более поздних хозяйственных документах начала XIX столетия (1812–1818) преобладают многолетние цветочные

20 План Гатчины 1816 г. Копия. 1970-е // НА ГМЗ «Гатчина». ГДМ-1232-ХІІ; Атлас Гатчинскому дворцу (1-й Кушелевский альбом) // НА ГМЗ «Гатчина». ГДМ-11-ХІ, ГДМ-12-ХІ; Атлас оберамтов Гатчины и Новоквориц (2-й Кушелевский альбом) // НА ГМЗ «Гатчина». ГДМ-78-ХІ, ГДМ-79-80-ХІ.

21 Атлас Гатчинскому дворцу // НА ГМЗ «Гатчина». ГДМ-8-ХІ, ГДМ-9-ХІ, ГДМ-15-ХІІ, ГДМ-20-ХІІ, ГДМ-22-ХІІ, ГДМ-31-ХІІ, ГДМ-33-ХІ, Атлас оберамтов Гатчины и Новоквориц // НА ГМЗ «Гатчина». ГДМ-55-ХІІ, ГДМ-65-ХІІ.

22 Семенов В. А. Императорская Гатчина // Официальный сайт ГМЗ «Гатчина». URL: <https://gatchinapalace.ru/special/publications/istoria/imperatorskajagatchina.php> (дата обращения: 27.05.2025).

культуры, а также упоминается небольшое количество однолетних и двулетних цветочных культур²³.

Из многолетников удалось идентифицировать такие растения, как *Achillea millefolium* L., *Althaea cannabina* L., *Aster amellus* L., *Campanula latifolia* L., *Campanula pulla* L., *Centranthus ruber* (L.) DC., *Dahlia* × *cultorum* Thorsrud & Reisaeter, *Digitalis ferruginea* L., *Dianthus deltoides* L., *Dianthus plumarius* L., *Epilobium hirsutum* L., *Filipendula ulmaria* (L.) Maxim., *Hemerocallis fulva* (L.) L., *Hemerocallis* × *hybrida* Hort. ex Bergmans, *Helianthemum grandiflorum* (Scop.) DC., *Hypericum perforatum* L., *Kitaibelia vitifolia* Willd., *Lilium candidum* L., *Lupinus polyphyllus* Lindl., *Mentha* × *gracilis* Sole, *Nepeta grandiflora* M. Bieb., *Ornithogalum umbellatum* L., *Paeonia albiflora* var. *Rosea*, *Phlox ovata* L., *Rudbeckia hirta* L., *Trollius altissimus* Crantz, *Valeriana capitata* Pall. ex-Link, *Verbascum* × *hybridum* hort., *Viola odorata* L. и др. В документах встречаются многолетние цветочные культуры, которые использовали для вертикального озеленения, – например, многолетние лианы *Vigna Caracalla* и *Clematis viticella* L.

Всего за первый период было обнаружено 99 таксонов. Среди них преобладают многолетние цветочные культуры – 56, далее однолетние – 16; красивоцветущих кустарников – 11. Выявлено равное количество двулетников, лиан и кадочных растений – по 5 таксонов.

Второй период относится к **правлению Николая I**, когда, согласно завещанию Марии Федоровны, Гатчина перешла в его владение²⁴. Выписки из описей оранжерей за 1854 г., обнаруженные в Гатчинском научном архиве, выполнены его сотрудниками²⁵. В этих списках преобладают травянистые растения, в частности однолетники, но также упоминаются и кустарники. Многолетние цветочные культуры представлены *Anthyllis hermanniae* L., *Anthemis argyrophylla* (Halácsy & Georgiev) Velen., *Dahlia* × *cultorum* Thorsrud & Reisaeter, *Dianthus caryophyllus* L., *Dracocephalum ruyschiana* L., *Echinacea purpurea* (L.) Moench, *Fragaria vesca* L., *Lilium candidum* L., *Lythrum salicaria* L., *Medicago arborea* L., *Phlox subulata* L., *Primula auriculata* Lam., *Salvia fruticosa* Mill., *Saxifraga stolonifera* Curtis. В оранжерейных описях, как и в предыдущем периоде, встречаются многолетние лианы, используемые для вертикального озеленения: *Convolvulus tricolor* L. и *Cobaea scandens* Cav.

Всего за второй период было всего выявлено 44 таксона. Среди них преобладают многолетние цветочные культуры – 14 таксонов. Также было идентифицировано достаточное количество многолетников, выращиваемые в условиях северо-запада как однолетние культуры, – 11. Красивоцветущие и декоративно-лиственные кустарники присутствуют в списках в количестве 9 таксонов. Представлено равное количество

23 Рапорты директора города Гатчины В. И. Ребиндера о получении для Дворцового сада и оранжерей различных растений и семян и о выращенных в них фруктах // РГИА. Ф. 759. Оп. 94. Д. 342. Л. 1–2, 8, 15, 30, 38, 40.

24 Семенов В. А. Императорская Гатчина.

25 Цветочное оформление Гатчинского парка. Выписки из архивных материалов 1798–1799, 1854, 1864, 1882 гг.

двулетников, лиан и древесных лиан – 2 таксона; однолетники – в количестве 4 таксонов. Кадочные растения в списках не были обнаружены.

Несмотря на то что в архивах не были найдены списки многолетних цветочных культур за 1855–1881 гг. (период правления Александра II), можно предположить, что в эти годы продолжали заказывать те же растения, что и в предыдущие периоды.

Больше всего архивных документов и списков растений было обнаружено за **третий период – правление Александра III**. Было выявлено много реестров цветочных растений, счетов на покупку семян²⁶ и списков из цветочных хозяйств и магазинов за 1887–1894 гг.²⁷ В это время цветы для Гатчинской императорской резиденции заказывались через Управление императорской охоты. Эти списки и реестры – самые многочисленные²⁸, и в них присутствуют не только видовое название растения, но и сорт, а иногда вместо названия – подробное описание цвета, строения и размера соцветий²⁹.

В середине XIX в. менялась мода не только на определенные виды цветочных растений, но и на способы устройства цветников, а увлечение новыми видами и сортами сохранялось всегда³⁰. Поэтому в архивных документах представлено большое количество модных с середины XIX в. однолетних цветочных культур с богатой цветовой палитрой³¹, с подробным описанием сортов, размера растения, а также конкретные названия сортов³².

За этот период были обнаружены обширные списки многолетних цветочных культур, среди них присутствуют виды, которые используются и в современном цветочном оформлении, например: *Artemisia dracunculus* L., *Calceolaria* × *herbeohybrida* Voss., *Chrysanthemum indicum* L., *Chrysanthemum japonicum* Thunb., *Dahlia* × *cultorum* Thorsrud & Reisaeter, *Dianthus caryophyllus* L., *Dianthus giganteus* d'Urv., *Eryngium planum* L., *Gladiolus splendens* (Sweet) Herb., *Glandularia* × *hybrida* cv. Defiance (Groenl. & Rümpler) G. L. Nesom & Pruski, *Heliotropium suaveolens* M. Bieb, *Helichrysum arenarium* (L.) Moench, *Hylotelephium spectabile* (Boreau) H. Ohba, *Iris* × *hybrida* hort., *Lychnis chalconica* L., *Lilium superbum* L., *Mimulus cupreus* Dombroin, *Myosotis alpestris* F. W. Schmidt, *Myosotis palustris* (L.) L., *Nicotiana alata* Link & Otto, *Penstemon glaber* Pursh., *Primula auriculata* Lam., *Primula cortusoides* L., *Primula denticulata* Sm., *Primula*

26 См. напр.: По выписке деревьев, растений и семян. 5 мая – 13 декабря 1887 // РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2746. Л. 2.

27 См. напр.: Выписка из ведомости в 1888 г. Работы по Гатчинскому дворцовому управлению и гор. Гатчина (ЦГИАЛ. Ф. 491. Оп. 3. Д. 186) // НА ГМЗ «Гатчина». Д. 696.

28 По выписке деревьев, растений и семян. 17 февраля 1891 – 21 февраля 1892 // РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2840. Л. 2, 7, 16, 18, 27–28, 30–31.

29 По выписке семян, деревьев и растений. 8 января 1893 – 25 мая 1894 // Там же. Д. 2881. Л. 2–4, 76, 48–49.

30 Урядникова Л. А. Цветочное оформление в дворянском и крестьянском быте XIX века // Псков. 2017. № 47. С. 70.

31 По выписке деревьев, растений и семян. 17 февраля 1891 – 21 февраля 1892. Л. 2, 27–28, 30–31.

32 По выписке семян, деревьев и растений. 8 января 1893 – 25 мая 1894. Л. 2–4, 48–49.

japonica A. Gray, *Pyrethrum parthenifolium* Willd., *Rhodanthe manglesii* Lindl., *Scabiosa columbaria* L., *Uiscaria vulgaris* Bernh., *Verbascum phoeniceum* L., *Viola wittrockiana* Gams ex Nauenb. & Buttler. Следует отметить, что среди цветов было идентифицировано несколько декоративных трав, таких как *Agrostis tenuis* Sibth., *Hordeum jubatum* L., *Pennisetum alopecuroides* (L.) Spreng. Также в списках упоминаются и многолетние лианы – *Passiflora caerulea* L. и *Humulopsis scandens* (Lour.) Grudz.

Всего за третий период было всего обнаружено 120 таксонов. Среди них преобладают многолетние цветочные культуры – 34 таксона. Почти одинаково количество таксонов однолетних цветочных культур (25 таксонов) и многолетников, выращиваемых в условиях северо-запада как однолетние культуры (27 таксонов). Следующими по количеству идут сортовые розы: в списках перечислено 11 сортов. Лианы, красивоцветущие и декоративно-лиственные кустарники представлены в равном количестве – 5 таксонов. Луковичных и кадочных на один меньше, по четыре вида. Двулетники представлены в количестве трех. Было обнаружено по одному таксону древесных лиан и горшечных культур.

В конце XIX – начале XX в. садовые мастера имели уже богатый опыт и растительный ассортимент для создания цветочного оформления садов и парков. Было открыто и выведено много видов и сортов как однолетних, так и многолетних цветочных культур, поэтому за **четвертый период, время правления Николая II**, сохранилось большое количество архивных документов. В РГИА были найдены материалы 1906 г.: они представляют собой списки семян из магазина Ивана Сима «Северный букет», которые заказывались через Ведомство императорской охоты³³. Среди идентифицированных растений преобладали однолетние цветочные культуры. Как и в документах 1887–1894 гг., приводится описание сортовых различий: цвета, размера и формы соцветия, но есть и точные названия сортов³⁴. В списках за этот год заказывались такие многолетники, как: *Calceolaria* × *herbeohybrida* Voss, *Convallaria majalis* L., *Cyclamen persicum* Mill., *Dianthus caryophyllus* L., *Glandularia* × *hybrida* (Groenl. & Rümpler) G. L. Nesom & Pruski, *Hesperis matronalis* L., *Phlox paniculata* L., *Phlox subulata* L., *Primula denticulata* Sm., *Pyrethrum parthenifolium* cv. *Aureum* Willd., *Stachys byzantina* K. Koch, *Viola wittrockiana* Gams ex Nauenb. & Buttler.

Всего за четвертый период было всего обнаружено 40 таксонов. Биологические многолетники и многолетники, выращиваемые в условиях северо-запада как однолетние культуры, представлены в равном количестве – 12 таксонов. Однолетние цветочные культуры были обнаружены в количестве 9 таксонов. В списках упоминается три вида луковичных, два таксона двулетних цветочных культур и в равном количестве, по одному таксону, горшечных культур и лиан.

33 О приобретении семян и растений. 12 марта – 30 декабря 1906 // РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2953. Л. 26–3, 17.

34 Там же. Л. 26–3.

Таким образом, в процессе исследования архивных документов РГИА и научного архива Гатчинского дворца было идентифицировано 313 таксонов, которые использовались для цветочного оформления дворцово-паркового ансамбля Гатчины в период с конца XVIII до начала XX в. Был проведен количественный анализ, на основании которого сделан вывод, что наиболее полные списки относятся ко второму периоду (вторая половина XIX в.) – 130 таксонов. В них преобладают однолетние цветочные культуры – 51 таксон. Многолетники представлены 31 таксоном. Кроме этого, в документах за 1887–1894 гг. упоминаются сортовые розы, одиннадцать из них удалось определить. В архивных документах, относящихся к концу XVIII – началу XIX в., удалось идентифицировать большинство растений, а именно 100 таксонов. В списках за этот период преобладают многолетние цветочные культуры (52 таксона) и кустарники (11 таксонов).

Определено, что в большинстве документов конца XVIII – начала XIX в. повторялись такие многолетние цветочные культуры, как *Calceolaria × herbeohybrida* Voss., *Dahlia × cultorum* Thorsrud & Reisaeter., *Dianthus caryophyllus* L., *Echinacea purpurea* (L.) Moench, *Iris × hybrida* hort., *Lilium candidum* L., *Nepeta grandiflora* M. Bieb., *Phlox subulata* L., *Primula auriculata* Lam., *Primula denticulata* Sm., *Pyrethrum parthenifolium* Willd., *Viola wittrockiana* Gams ex Nauenb. & Buttler, *Viola odorata* L.

Исследование исторического ассортимента многолетних цветочных культур конца XVIII – XIX в. в оформлении Дворцового парка ГМЗ «Гатчина» представляет собой важный шаг к восстановлению и сохранению культурного наследия, имеющего особое значение для отечественной садово-парковой архитектуры. Актуальность данного вопроса обусловлена не только необходимостью возрождения исторического облика парков, но и усилением интереса общества к культурным и историческим ценностям. В процессе реставрации исторического облика и объемно-пространственной композиции парка необходимо восстанавливать и их цветочное оформление – неотъемлемую часть дворцово-парковых ансамблей. При этом главной задачей является точный и внимательный качественный подбор растений с опорой на исторический ассортимент, но с учетом современной экологической обстановки³⁵. Предлагаемое исследование позволяет глубже понять особенности исторического садоводства, а также выявить уникальные виды и сорта многолетних растений, которые использовались в цветочном оформлении Дворцового парка с конца XVIII до начала XX в., что необходимо для восстановления исторического облика садово-парковой композиции. Введение идентифицированного видового и сортового состава многолетних цветочных культур исторического ассортимента позволит возродить исчезнувшие исторические цветники и откорректировать существующие на исторических местах их расположения.

35 Максименко М. Ф. Использование ассортимента цветочных растений в русских регулярных парках. С. 22

REFERENCES

- Epanchin K. P. *Tsvetochnyi sad. Ustroistvo tsvetnikov s planami i chertezham. Vybor krasiveishikh tsvetochnykh rastenii i ikh kul'tura* [Flower Garden. Arrangement of flower beds with plans and drawings. A selection of the most beautiful flowering plants and their culture]. Moscow, Print. house of A. I. Mamontov and Co, 1891. 156 p. (In Russian)
- Filippova O. A. *Shkol'noe sadovoe zavedenie – kolybel' tsarskosel'skikh parkov* [School Garden institution – the cradle of Tsarskoye Selo parks]. "Gardens and parks. Encyclopedia of Style": XV Tsarskoye Selo Conference: P. 2. St. Petersburg, Silver Age, 2019, pp. 305–314. (In Russian)
- Kashuk L. A. *Gatchina XVIII – nachala XX veka. Vldel'tsy, favority, sobytiya* [Gatchina of the XVIII – early XX century. Owners, favorites, events]. St. Petersburg, Paritet Publ., 2010. 448 p. (In Russian)
- Kyuchariants D. A., Raskin A. G. *Gatchina: Khudozhestvennye pamyatniki* [Gatchina: Art monuments]. St. Petersburg, Lenizdat, 2001. 318 p. (In Russian)
- Maksimenko M. F. *Different Flowers in Russian Regular Parks*. Bulletin of the Moscow State Forestry University, Forestry bulletin, 2008, no 2 (65), pp. 22–24. (In Russian)
- Maksimenko M. F. *Izuchenie dinamiki assortimenta dekorativnykh travyanistykh rastenii i ee znachenie pri restavratsii istoricheskikh parkov Rossii* [Studying the dynamics of the range of ornamental herbaceous plants and its importance in the restoration of historical parks in Russia]. Abstract of the dissertation of the Candidate of Agricultural Science. Moscow, 2012. 24 p. (In Russian)
- Parkalova A. Yu. *Oranzherei Dvortsovogo parka* [Greenhouses of the Palace Park]. 30th anniversary of the opening for visitors of the first halls of the Gatchina Palace, restored after the Second World War: Proceedings of the Conference. Gatchina, 2015, pp. 54–59. (In Russian)
- Pashchinskaya I. O. "Tsvetochnyi ehntuziazm". *Peterhof. Sredina XIX v.* ["Flower enthusiasm". Peterhof. The middle of the XIX century]. Plantomania. The Russian version. Proceedings of the XII Tsarskoye Selo Conference. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publishing House, 2006, pp. 303–312. (In Russian)
- Polyakova A. Yu. *Botanical Gardens in Gatchina Palace Park*. Forestry Bulletin, 2018, vol. 22, no 3, pp. 29–39. (In Russian)
- Regel A. E. *Izyashchnoe sadovodstvo i khudozhestvennye sady* [Elegant gardening and artistic gardens]. St. Petersburg, Publ. house G. B. Winkler, 1896. 512 p. (In Russian)
- Semenov V. A. *Imperatorskaya Gatchina* [Imperial Gatchina]. Official website of the Gatchina Palace and Estate Museum. URL: <https://gatchinapalace.ru/special/publications/istoria/imperatorskajagatchina.php> (accessed: 02.15.2025). (In Russian)
- Uryadnikova L. A. *Tsvetochnoe oformlenie v dvoryanskom i krest'yanskom byte XIX v.* [Floral decoration in the noble and peasant life of the XIX century]. Pskov, 2017, no 47, pp. 68–71. (In Russian)

ЧТО САЖАТЬ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРКАХ ПЕТЕРБУРГА В УСЛОВИЯХ ПОТЕПЛЕНИЯ КЛИМАТА ВЗАМЕН ГИБНУЩИХ МЕСТНЫХ ДЕРЕВЬЕВ?

**Суслов
Дмитрий
Владимирович**

Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия,
Санкт-Петербург,
Университетская наб.,
д. 7–9

d.suslov@spbu.ru

Цитирование:

Суслов Д. В. Что сажать в исторических парках Петербурга в условиях потепления климата взамен гибнущих местных деревьев? // *Loci Imperiales*. 2025. № 4. С. 168–187.

Поступила в редакцию:
7 февраля 2025 г.

Рекомендована к печати:
30 июня 2025 г.

Потепление климата в Петербурге неоднозначно влияет на древесные растения. С одной стороны, появляются новые смертельные болезни, которые убивают привычные нам породы деревьев, так как возбудители успешно зимуют в условиях современных теплых зим. С другой – теперь можно выращивать теплолюбивые виды, которые раньше гибли от суровых местных морозов. В статье рассматриваются перспективные древесные породы, подходящие для замены привычных видов, гибнущих в исторических парках Петербурга. Выбор заменяющих пород основан на двух принципах. Во-первых, можно использовать устойчивые к заболеваниям виды – «близких родственников» выпадающих деревьев. Во-вторых, для этой цели подходят неродственные виды, имеющие визуальное сходство с местными гибнущими древесными растениями. Взамен пораженных голландской болезнью (возбудители – грибы рода *Ophiostoma*), переносчики – жуки-заболонники (*Scolytus*)) обычных для Петербурга вяза гладкого (*Ulmus laevis*) и вяза шершавого (*Ulmus glabra*) предлагается использовать вяз японский (*Ulmus japonica*), вяз низкий (*Ulmus pumila*) и граб европейский (*Carpinus betulus*). Для замены сильно повреждаемого минирующей молью (*Cameraria ohridella*) привычного конского каштана обыкновенного (*Aesculus hippocastanum*) хорошо подходят конский каштан голый (*Aesculus glabra*) и конский каштан мясо-красный (*Aesculus × carnea*). Ясень обыкновенный (*Fraxinus excelsior*) и ясень пенсильванский (*Fraxinus pennsylvanica*), гибнущие от суховершинности, вызванной грибом гименоцифусом ясеневым (*Hymenoscyphus fraxineus*), и поражения жуком ясеневой изумрудной узкотелой златкой (*Agrilus planipennis*), можно заменять на ясень маньчжурский (*Fraxinus mandshurica*), ясень носоватый (*Fraxinus rhynchophylla*), птерокарию ясенелистную (*Pterocarya fraxinifolia*), птерокарию сумахолистную (*Pterocarya rhoifolia*) и бархат амурский (*Phellodendron amurense*). Большинство из перечисленных перспективных видов деревьев можно выращивать из семян петербургского происхождения. Утрата местных пород деревьев, вызванная их болезнями, мешает сохранению исторического облика садов и парков Петербурга. Деликатное внедрение новых видов деревьев в городское озеленение поможет решить эту проблему.

Ключевые слова: исторические парки, ассортимент древесных растений, голландская болезнь вязов, каштановая минирующая моль, ясеневая изумрудная узкотелая златка, суховершинность ясеней

WHAT SHOULD BE PLANTED IN ST. PETERSBURG'S HISTORICAL PARKS UNDER CLIMATE WARMING INSTEAD OF DYING LOCAL TREES?

**Suslov
Dmitry
Vladimirovich**

PhD in Biology, senior
researcher, St. Petersburg
State University

7–9, Universitetskaya emb.,
St. Petersburg, 199034,
Russia

d.suslov@spbu.ru

Citation:

Suslov D. V. What should be
planted in St. Petersburg's
historical parks under
climate warming instead
of dying local trees? *Loci
Imperiales*, 2025, no 4,
pp. 168–187. (In Russian)

Received: February 7, 2025

Accepted: June 30, 2025

Climate warming in St. Petersburg has a mixed effect on woody plants. On the one hand, new deadly diseases are appearing that kill aboriginal tree species, as their pathogens successfully hibernate in modern warm winters. On the other hand, it is now possible to grow thermophytes that used to die from severe local frosts. Promising tree species suitable for replacing the usual species dying in the historical parks of St. Petersburg are being considered. The choice of replacement woody plants is based on two principles. First, it is possible to use disease-resistant close relatives of declining trees. Secondly, unrelated species with visual similarities to local dying trees are suitable for this purpose. Instead of European white elm (*Ulmus laevis*) and wych elm (*Ulmus glabra*), affected by Dutch disease (the pathogens are *Ophiostoma* fungi, the vectors are sapwood beetles (*Scolytus*)), it is proposed to use Japanese elm (*Ulmus japonica*), Siberian elm (*Ulmus pumila*) and European hornbeam (*Carpinus betulus*). Ohio buckeye (*Aesculus glabra*) and red horse chestnut (*Aesculus × carnea*) are well suited to replace the common horse chestnut (*Aesculus hippocastanum*), which is severely damaged by leaf miner (*Cameraria ohridella*). Common ash (*Fraxinus excelsior*) and green ash (*Fraxinus pennsylvanica*), dying from ash dieback caused by the fungus *Hymenoscyphus fraxineus*, and lesions by the emerald ash borer beetle (*Agrilus planipennis*), can be replaced by Manchurian ash (*Fraxinus mandshurica*), largeleaf Chinese ash (*Fraxinus rhynchophylla*), Caucasian wingnut (*Pterocarya fraxinifolia*), Japanese wingnut (*Pterocarya rhoifolia*) and Amur cork tree (*Phellodendron amurense*). Most of the listed promising tree species can be grown from seeds of St. Petersburg origin. The loss of local tree species from diseases prevents the preservation of the historical appearance of gardens and parks in St. Petersburg. The delicate introduction of new tree species into urban landscaping will help solve this problem.

Keywords: historical parks, woody plant assortment, Dutch elm disease, horse-chestnut leaf miner, emerald ash borer, ash dieback

Потепление климата в Петербурге: неоднозначное влияние на древесные растения

Мы живем в условиях очевидного потепления климата. С 1970 г. среднегодовая температура воздуха в Ленинграде – Санкт-Петербурге увеличилась на два градуса – с $+5,0^{\circ}\text{C}$ до $+7,0^{\circ}\text{C}$ ¹. Потепление в нашем регионе ускорилось во второй половине 1980-х гг., главным образом за счет повышения температуры воздуха с ноября по март. Молодое поколение петербуржцев незнакомо с 30-градусными морозами, которые в последний раз регистрировались в нашем городе в 1987 г. С начала XXI в. в Петербурге заметно возрастают и летние температуры. Согласно спутниковым данным дистанционного зондирования земли NASA, наш город в последние 20 лет постоянно входит в число регионов России с максимальной положительной температурной аномалией, уступая в этом лишь районам Крайнего Севера². Указанная тенденция теперь распространяется и на начало осени: сентябри 2023 и 2024 гг. оказались самыми теплыми с 1752 г. со среднемесячными температурами $+16,4^{\circ}\text{C}$ и $+17,0^{\circ}\text{C}$ соответственно (см. данные метеостанции Санкт-Петербурга и более ранних литературных источников, обобщенные на сайте³).

В нашем регионе потепление климата оказывает весьма неоднозначное влияние на древесные растения. Его вред заключается в усугублении существующих и появлении новых, часто смертельных болезней деревьев. Это происходит, во-первых, из-за выживания возбудителей данных заболеваний в условиях теплых петербургских зим. Например, известно, что ясеневая изумрудная узкотелая златка (*Agrilus planipennis*) – жук-возбудитель смертельного заболевания ясеней – гибнет при морозах ниже -34°C ⁴, которые регулярно случались в Петербурге до 1987 г., но ни разу не регистрировались с тех пор. Во-вторых, более теплые летний сезон и начало осени способствуют появлению дополнительных поколений насекомых-вредителей, увеличению их численности и сопутствующему ущербу для древесных растений. Например, каштановая минирующая моль (*Cameraria ohridella*), поражающая листья конского каштана обыкновенного, в условиях Петербурга обычно давала два поколения за сезон. Однако продолжающееся потепление климата привело к тому, что у данного вредителя в 2021 г.

- 1 Суслов Д. В. Практика интродукции древесных растений на территориях зеленых насаждений Санкт-Петербурга во взаимодействии с муниципальными образованиями города и участниками тематических групп в социальных сетях // Биологическое разнообразие. Интродукция растений: сборник научных статей. СПб., 2021. С. 159–163.
- 2 NASA official website. URL: https://data.giss.nasa.gov/gistemp/animations/TEMPANOMALY_10_2023_pdiff.mp4 (дата обращения: 28.01.2025).
- 3 Летопись погоды в Санкт-Петербурге // Сайт «Погода и климат». URL: <http://www.pogodaiklimat.ru/history/26063.htm> (дата обращения: 28.01.2025).
- 4 Orlova-Bienkowskaja M. J., Bienkowski A. O. Minimum Winter Temperature as a Limiting Factor of the Potential Spread of *Agrilus planipennis*, an Alien Pest of Ash Trees, in Europe // Insects. 2020. Vol. 11. No 4. P. 258.

впервые развилось третье поколение с соответствующим резким увеличением численности⁵.

С другой стороны, в потеплении климата есть положительные стороны: появилась возможность выращивать в Петербурге устойчивые к заболеваниям теплолюбивые древесные растения, которые раньше вымерзали в холодные зимы. Деревья являются весьма чувствительными индикаторами климатических изменений. Существует ряд показателей, демонстрирующих возрастающую приспособленность деревьев к условиям окружающей среды. О последовательном улучшении адаптации к текущей норме климата свидетельствуют отсутствующее или минимальное обмерзание побегов, начало цветения, плодоношение с вызреванием всхожих семян и, наконец, появление самосева. Последний показатель говорит о возможности дерева натурализоваться, т. е., благодаря способности к самовоспроизводству, стать частью местных растительных сообществ. С начала XXI в. сотрудники ботанических садов Санкт-Петербурга наблюдают у многих теплолюбивых древесных растений открытого грунта удивительные изменения. Мы живем в интересное время внезапно открывшихся новых возможностей! В частности, в ботаническом саду Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета в 2012 г. впервые был обнаружен самосев бука лесного (*Fagus sylvatica*), типичного представителя флоры Западной Европы⁶. Возможно, самым показательным и впечатляющим примером улучшения самочувствия дерева в условиях потепления климата является старовозрастной экземпляр американского дуба белого (*Quercus alba*), растущий в коллекции открытого грунта Ботанического сада Петра Великого с 1886 г. Это дерево впервые начало плодоносить в 2002 г. в возрасте более 116 лет⁷! Таким образом, с начала XXI в. саженцы дуба белого успешно выращиваются в Петербурге из желудей местного происхождения. В недавнем исследовании были обобщены все данные по коллекции открытого грунта Ботанического сада Петра Великого и было показано, что в период с 2001 по 2022 г. впервые начали плодоносить 238 видов древесных растений⁸. Более десятка среди них находились в возрасте старше 45 лет. Семена этой ограниченной группы зрелых деревьев являются особенно ценным

- 5 Селиховкин А. В. Вредители и патогены древесных растений в насаждениях Санкт-Петербурга: динамика и прогноз // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2023. Вып. 243. С. 162–176.
- 6 Лаврентьев Н. В., Фирсов Г. А., Потокин А. Ф. История интродукции и современное состояние *Fagus sylvatica* L. (Fagaceae) в ботаническом саду Санкт-Петербургского лесотехнического университета // Вестник Орловского государственного аграрного университета. 2013. № 1. С. 58–65.
- 7 Лаврентьев Н. В., Фирсов Г. А. Дуб белый (*Quercus alba* L., Fagaceae) в Санкт-Петербурге // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2015. Вып. 212. С. 29–41.
- 8 Фирсов Г. А. и др. Влияние короткопериодных колебаний климата на репродуктивные способности древесных растений в Санкт-Петербурге // Сибирский лесной журнал. 2024. № 2. С. 84–102.

генетическим ресурсом, так как их родительские растения смогли пережить по крайней мере две последние суровые петербургские зимы 1978/79 и 1986/87 гг. с минимальными температурами, опускавшими до $-34,4^{\circ}\text{C}$ и $-34,7^{\circ}\text{C}$, и, следовательно, несут гены повышенной для данных видов зимостойкости, делающие их особенно перспективными для использования в озеленении Петербурга и пригородов.

Многие новые заболевания древесных растений, появившиеся в Петербурге в последние десятилетия из-за потепления климата, оказались смертельными для деревьев-хозяев и не поддаются эффективному лечению (графiosiз ильмовых, также известный как голландская болезнь вязов, поражение ясеней ясеновой изумрудной узкотелой златкой), либо их лечение является дорогим, малоэффективным и затрудненным из-за законодательного запрета на применение на городских территориях многих химических препаратов (поражение конских каштанов каштановой минирующей молью). В данной ситуации неизлечимо больные деревья нужно оперативно удалять, устраняя, таким образом, очаги распространения инфекции⁹, а взамен следует высаживать другие, устойчивые к заболеваниям, породы. Возможное расширение ассортимента древесных растений в связи с потеплением климата существенно облегчает выбор замещающих видов. Эффективным способом борьбы с последствиями новых болезней деревьев служит максимальное обогащение культурной дендрофлоры города. Данный подход может быть результативным в связи с тем, что фитопатологии, как правило, являются узкоспецифичными. Другими словами, болезнь, которая, например, убивает вязы, совершенно не поражает дубы и наоборот. Современный климат позволяет в несколько раз увеличить разнообразие широко используемых в озеленении города деревьев и кустарников по сравнению с концом советского периода, когда, по данным Булыгина, в Ленинграде росло 211 пород древесных растений, среди которых только 36 видов имели широкое распространение, 33 вида использовались ограниченно, а 142 – встречались редко¹⁰. В современном списке культурной флоры Санкт-Петербурга зарегистрированы 467 видов декоративных и плодовых деревьев и кустарников¹¹. Однако львиная доля из этого впечатляющего числа по-прежнему встречается только единично – в коллекциях открытого грунта ботанических садов и дендропарков города, подчеркивая огромный потенциал для увеличения видового разнообразия обычных петербургских скверов, садов и парков. Легко представить, что, при наличии в обычной средней городской зеленой зоне (ЗНОП – зеленые насаждения общего пользования) не 5–10 видов древесных растений, которые мы имеем сейчас,

- 9 Щербакова Л. Н. Вязовые заболонники в городских посадках г. Санкт-Петербурга // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2008. Вып. 182. С. 306–313; Musolin D. L et al. Invasive Insect Pests of Forests and Urban Trees in Russia: Origin, Pathways, Damage, and Management // Forests. 2022. Vol. 13. P. 521.
- 10 Щербакова Л. Н. Некоторые итоги мониторинга насаждений Санкт-Петербурга // Лесной вестник. 2000. № 6. С. 88–92.
- 11 Бялт В. В. и др. Обзор культурной флоры Санкт-Петербурга (Россия). М., 2019.

а хотя бы 25–30 пород, даже появление новых смертельных фитопатологий не будет приводить к видимому катастрофическому ущербу для ее зеленого убранства, учитывая видоспецифичность заболеваний древесных растений. Большинство деревьев таких биоразнообразных ЗНОП не будут заражены и продолжат нас радовать пышной зеленью.

В то время как увеличение биоразнообразия древесных пород в обычных городских зеленых зонах является залогом их долговременной устойчивости в условиях появления новых фитопатологий, применение данного подхода в исторических парках Петербурга может сталкиваться с препятствиями нормативного характера. Все посадки деревьев в большинстве старинных парков нашего города контролирует Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП) с целью сохранения их исторического облика. Он вряд ли охотно согласует посадку в поднадзорных парках новых для Петербурга видов древесных растений. С другой стороны, сама жизнь показывает, что в современных условиях необходим разумный компромисс относительно видового состава охраняемых КГИОП парков. В противном случае, их исторический облик может необратимо измениться в силу естественных причин — из-за вымирания привычных местных видов деревьев от новых болезней. Это уже произошло с некоторыми историческими парками г. Пушкина, где впервые в нашем регионе в 1995 г. была обнаружена голландская болезнь вязов¹² и откуда по всему Петербургу начала распространяться эпидемия, погубившая к настоящему времени значительную часть этих прекрасных деревьев. В наши дни огромная опасность грозит ясеням из-за недавнего появления в регионе ясеновой изумрудной узкотелой златки и грибковых заболеваний этого ценного паркового дерева. В последние годы изящные листья обыкновенных конских каштанов, начиная со второй половины лета, теряют привлекательный вид, покрываясь коричневыми пятнами из-за повсеместного распространения в городе каштановой минирующей моли. Это постепенно ослабляет конские каштаны и при усугублении проблемы может привести к их гибели.

Веря в лучшее стечение обстоятельств, но руководствуясь принципом «Предупрежден — значит вооружен», рассмотрим виды деревьев, которые можно было бы использовать в охраняемых КГИОП парках взамен привычных нам вязов, ясеней и конских каштанов, пораженных новыми болезнями, с максимально возможным сохранением исторического облика жемчужин садово-паркового искусства Петербурга.

Два принципа выбора древесных пород для замещения гибнущих местных видов в исторических парках Петербурга

В исторических парках города для замещения гибнущих от новых заболеваний древесных пород нужно руководствоваться не только

12 Щербакова Л. Н. Вязовые заболонники в городских посадках г. Санкт-Петербурга. С. 306–313.

их устойчивостью к фитопатологиям, хорошей приспособленностью к условиям произрастания, но и визуальным сходством с выпадающим видом. В связи с этим возможны два подхода. Во-первых, можно производить замену на родственный вид – как правило, на представителя того же самого рода, к которому принадлежат гибнущие привычные нам деревья. Во-вторых, для замены можно использовать визуально похожие древесные растения, не имеющие близкого родства с выпадающими.

Первый подход основан на знаниях о катастрофических эпидемиях древесных растений, случавшихся в последние полтора века. Они обычно возникали из-за передачи инфекции между родственными видами в пределах одного рода. Известным примером является массовая гибель американского каштана зубчатого (*Castanea dentata*) в конце XIX в. из-за появления в США китайского каштана мягчайшего (*Castanea mollissima*). Желая получать богатые урожаи более крупных съедобных орешков китайского каштана, вместе с саженцами в страну завезли эндосимбионтный грибок *Endotia parasitica*, безвредный для *Castanea mollissima*, но смертельно опасный для *Castanea dentata*. В результате погибли миллионы высоких стройных деревьев каштана зубчатого, который у себя на родине в настоящее время сохранился главным образом в виде низкой поросли¹³. Подобная печальная история произошла и с вязами. Во время Первой мировой войны наемные китайские рабочие приезжали в Западную Европу, привозя свой багаж в корзинах из вязовых прутьев. Эти прутья восточноазиатских вязов содержали споры грибка-возбудителя графิโอза, который оказался смертельным для большинства европейских и американских видов вяза. Эпидемия сначала охватила Европу, потом США, докатилась до СССР, а в середине 1990-х гг. наконец добралась и до Петербурга. Число погибших вязов и сопутствующий ущерб были колоссальными.

Сравнительно недавно возникла и стремительно распространяется эпидемия, вызванная ясеновой изумрудной узкотелой златкой. Природный ареал этого небольшого жука охватывает Восточную Азию и часть российского Дальнего Востока, где златка не причиняет заметного экономического ущерба, размножаясь только в стволах старых или сильно ослабленных экземпляров местных видов ясеня¹⁴. До сих пор непонятно, каким образом она была завезена в Москву и независимо в США в самом конце XX в. Как бы то ни было, с начала 2000-х гг. в обоих регионах началось массовое вымирание местных видов ясеня, вызванное златкой. В США с тех пор погибли десятки миллионов деревьев, экономический ущерб достиг миллиардов долларов.

13 Walker S. M. Champion: the comeback tale of the American chestnut tree. New York, Henry Holt and Company, 2018.

14 Орлова-Беньковская М. Я. Европейский ареал жука *Agrilus planipennis* (Coleoptera: Buprestidae) расширяется: зона массовой гибели ясеня охватила северо-западное Подмосковье и часть Тверской области // Российский журнал биологических инвазий. 2013. Т. 6. № 4. С. 49–58.

Как можно видеть из приведенных выше примеров, в границах природного ареала длительная совместная эволюция возбудителя заболевания и его дерева-хозяина приводит к развитию у последнего достаточно большой устойчивости к патогену. В результате после заражения заболевание либо вообще не проявляется, либо протекает в легкой форме, представляя опасность только для старых или ослабленных деревьев. В ситуации, когда возбудителя заболевания случайно завозят на другой конец света, где он встречается с родственниками своего дерева-хозяина, межвидовой барьер в распространении инфекции часто преодолевается. При этом у зараженного аборигенного вида полностью отсутствует иммунитет к новому патогену, что приводит к катастрофическим последствиям.

Описанная картина зарождения эпидемий наводит на мысль о том, что гибнущие от новых фитопатологий местные деревья можно успешно заменять их родственниками — «земляками» возбудителя заболевания, с которым они уже встречались на исторической родине. С другой стороны, межвидовые различия в пределах одного рода деревьев могут быть весьма значительными, и разная устойчивость двух родственных видов к одному патогену иногда объясняется случайным стечением обстоятельств. Например, наш местный дуб черешчатый (*Quercus robur*) сильно поражается мучнистой росой — грибковым заболеванием, проявляющимся в виде белого налета на листьях ❶ а, тогда как американский красный дуб (*Quercus rubra*) полностью устойчив к этой фитопатологии ❶ б. Любопытно, что в данном случае устойчивость красного дуба к мучнистой росе нельзя объяснить его длительной совместной эволюцией с грибом-возбудителем, так как последний происходит из тропиков и субтропиков Юго-Восточной Азии¹⁵.

Преимуществом первого подхода, когда вымирающие местные деревья заменяются родственниками, является легкость нахождения визуально похожих древесных пород, их высокая устойчивость к возбудителю заболевания при условии совместной эволюции в естественном ареале распространения. Однако нет гарантии, что устойчивое к новой для Петербурга фитопатологии дерево, происходящее с другого конца света, будет хорошо себя чувствовать в наших условиях.

Что касается второго подхода, когда для замены гибнущих местных пород используют визуально похожие неродственные им деревья, здесь можно быть уверенным в том, что заменяющий вид не будет страдать от заболеваний, которым подвержены представители заменяемого рода. Однако выпадающий местный вид может иметь настолько неповторимый облик, что подобрать визуально похожую на него замену среди неродственных деревьев будет очень сложно. Тем не менее, параллельная эволюция в царстве высших растений творит чудеса! На фотографиях показаны листья широко распространенных

15 Mougou A., Dutech C., Desprez-Loustau M.-L. New insights into the identity and origin of the causal agent of oak powdery mildew in Europe // Forest Pathology. 2008. Vol. 38. P. 275–287.

в Петербурге ясеня обыкновенного (*Fraxinus excelsior*) и ясеня пенсильванского (*Fraxinus pennsylvanica*) ② а рядом с листьями пока еще редких у нас деревьев – лапины (птерокарии) ясенелистной (*Pterocarya fraxinifolia*) ② б и бархата амурского (*Phellodendron amurense*) ② в. Глядя на эти очень похожие друг на друга сложные листья, трудно поверить, что последние два вида деревьев имеют совершенно отличное от ясеня происхождение и не являются родственниками друг другу. В то время как ясени относятся к семейству маслиновых (*Oleaceae*) вместе с хорошо известными нам оливой и сиренью, лапина близка грецкому ореху и относится к семейству ореховых (*Juglandaceae*), тогда как бархат является родственником лимона и апельсина и вместе с ними входит в семейство рутовых (*Rutaceae*).

Независимо от используемого подхода, перед заменой гибнущих от заболеваний местных деревьев на новые породы нужно подробно проанализировать всю имеющуюся информацию о пригодности последних к петербургским условиям. Известен ряд примеров, когда заменяющие интродуцированные деревья гибли от обычных местных болезней, к которым были устойчивы аборигенные заменяемые породы. Самым правильным решением будет выбор древесных растений, которые уже прошли интродукционные испытания в ботанических садах Петербурга. Для гарантии того, что выбранные породы будут себя хорошо чувствовать в нашем климате, лучше всего выращивать их из семян местного происхождения, доступность которых постоянно увеличивается из-за потепления климата¹⁶.

Самые опасные новые болезни, поражающие древесные растения в исторических парках Петербурга, и рекомендуемые замещающие виды деревьев

Графиоз (голландская болезнь вязов)

Голландская болезнь вязов хронологически была первым новым опасным заболеванием древесных растений, которое нанесло катастрофический ущерб зеленым насаждениям города в постсоветский период¹⁷. Каждый петербуржец знаком с последствиями графиоза в виде многочисленных полностью усохших вязов с отваливающейся корой, встречающихся в нашем регионе повсеместно. Поражаются оба местных вида – вяз гладкий (*Ulmus laevis*) и вяз шершавый (*Ulmus glabra*). Возбудителями заболевания в Петербурге являются два вида сумчатых грибов-офиостом: *Ophiostoma ulmi* и *Ophiostoma novo-ulmi*, споры которых разносят три вида жуков: струйчатый заболонник (*Scolytus multistriatus*), заболонник-разрушитель (*Scolytus scolytus*) и заболонник-пигмей (*Scolytus pygmaeus*), способствуя быстрому

16 Фирсов Г. А. и др. Влияние короткопериодных колебаний климата... С. 84–102.

17 Щербакова Л. Н. Вязовые заболонники в городских посадках г. Санкт-Петербурга. С. 306–313.

распространению заболевания¹⁸. При графิโอze поражается проводящая система вяза: сосуды ксилемы быстро забиваются гифами гриба и слизью, которую вырабатывает само дерево, пытаясь ограничить быстрое распространение патогена по стволу и ветвям. В результате нарушается приток воды и минеральных веществ из почвы к листьям, и вяз начинает усыхать. Эффективного лекарства от графิโอза нет. Для профилактики его дальнейшего распространения при появлении первых признаков заболевания зараженные деревья нужно оперативно убирать, а порубочные остатки — в идеале сжигать.

Для борьбы с последствиями графิโอза в Западной Европе и США были выведены устойчивые гибриды вязов. При помощи одного из них — так называемого резиста-вяза — пытались бороться с распространением голландской болезни и в Петербурге. К сожалению, высаженные в нашем городе резиста-вязы не оправдали ожиданий. Они тоже заражались и гибли от графิโอза, хоть и в меньшей степени, чем местные виды вяза. Кроме того, сравнительно холодная для современной нормы климата в Петербурге зима 2023/2024 гг., когда минимальная температура в январе опускалась до $-25,3^{\circ}\text{C}$, выявила недостаточную зимостойкость резиста-вязов — некоторые из них вымерзли.

С другой стороны, обнадеживающие данные были получены в Ботаническом саду Петра Великого, где за время распространения эпидемии графิโอза были утрачены сотни экземпляров местных видов вяза, но выжили и оказались устойчивыми вяз японский (*Ulmus japonica*) и вяз низкий (*Ulmus pumila*) азиатского происхождения¹⁹. Данные виды могут быть рекомендованы для широкого использования в зеленых насаждениях Петербурга. Вяз японский очень похож по форме листа и кроны на местные виды вязов ③ ④, но отличается от них несколько большей требовательностью к влажности воздуха, что не должно быть препятствием для его успешного использования в исторических парках города. Вяз низкий, напротив, крайне неприхотлив, засухо- и солеустойчив, но весьма существенно отличается от местных вязов сквозистой кроной, дающей мало тени, и мелкими листьями ③ ⑥. Он лучше подойдет для использования в обычных ЗНОП Петербурга. Оба вида вязов являются полностью зимостойкими в условиях современного климата нашего города.

Наконец, есть еще одна альтернатива вязам, гибнущим от графิโอза, — граб европейский (*Carpinus betulus*), представитель семейства березовых (*Betulaceae*). По форме листа он очень похож на вязы ③ ⑤, но отличается от них низкопосаженной кроной, что может быть компенсировано ее правильной обрезкой, которую граб переносит очень хорошо. Эта древесная порода достаточно неприхотлива к почвам и влажности, отлично выдерживает затенение, устойчива к заболеваниям. К недостат-

- 18 Селиховкин А. В. Вредители и патогены древесных растений... С. 162–176; Щербакова Л. Н., Шевченко С. В., Мощеникова Н. Б. Проблема гибели вязов в Санкт-Петербурге // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2019. Вып. 228. С. 352–366.
- 19 Фирсов Г. А., Ярмишко В. Т. Аннотированный каталог покрытосеменных растений парка-дендрария Ботанического сада Петра Великого БИН РАН. М., 2021.

кам граба можно отнести медленный рост в первые пять лет после прораствания из семени и плохую выживаемость при пересадке крупных деревьев. Таким образом, данную породу имеет смысл высаживать на постоянное место в юном возрасте. Современные петербургские зимы граб переживает без потерь, а в условиях Ленинградской области после суровых морозов у него могут немного подмерзнуть кончики однолетних побегов.

Поражение конского каштана минирующей молью

Каштановая минирующая моль (охридский минер) (*Cameraria ohridella*) была впервые обнаружена в середине 1980-х гг. в Северной Македонии около Охридского озера, т. е. в пределах природного ареала конского каштана обыкновенного (*Aesculus hippocastanum*), когда от поражения этим ранее неизвестным вредителем неожиданно начали массово страдать местные каштаны²⁰. Болезнь стремительно распространилась по всей Европе. В Петербурге эта небольшая бабочка была впервые выявлена в 2007 г.²¹, но ее массовое размножение и расселение по всему городу началось только в 2021 г.²². Охридский минер откладывает яйца на листья конского каштана. Гусеница развивается внутри листа, питаясь фотосинтезирующими клетками. В месте ее нахождения на листе образуется мина — красновато-коричневое пятно с более светлой каймой. Многочисленные мины охридского минера равномерно распределяются по поверхности листа, серьезно снижая эффективность фотосинтеза и уменьшая накопление растением запасных питательных веществ. Сильно пораженные деревья могут сбрасывать листья уже в середине лета. В результате страдающие от заражения минирующей молью конские каштаны ослабевают, легче поражаются другими вредителями и хуже зимуют. При сохранении высокой численности минирующей моли на протяжении нескольких сезонов подряд ослабевшие деревья могут погибнуть.

Полностью избавиться от данного вредителя до сих пор нигде не удалось. В Европейском Союзе контроль его численности осуществляется при помощи внутриветвистовых инъекций специальных инсектицидов и феромонных ловушек. Достаточно эффективным в наших реалиях способом является уборка опавших листьев под конскими каштанами, так как именно в листовом опаде зимует большинство куколок охридского минера²³. Повторение данной процедуры под зараженными конскими каштанами каждый год, наряду с их подкормками, будет поддерживать численность минирующей моли на приемлемом уровне и сохранит жизнь растущих в Петербурге конских каштанов обыкновенных.

20 Musolin D. L. et al. Invasive Insect Pests... P. 521.

21 Голосова М. А., Гиненко Ю. И., Голосова Е. И. Каштановый минер *Cameraria ohridella* — опасный карантинный вредитель на объектах городского озеленения. М., 2008. С. 26.

22 Селиховкин А.В. Вредители и патогены древесных растений... С. 162–176.

23 Musolin D. L. et al. Invasive Insect Pests... P. 521.

Что касается новых посадок, целесообразно высаживать устойчивые к моли американский конский каштан голый (*Aesculus glabra*) и конский каштан мясо-красный (*Aesculus × carnea*) — гибрид конского каштана обыкновенного и американского конского каштана павии (*Aesculus pavia*)²⁴. Оба вида по форме листа весьма похожи на конский каштан обыкновенный. *Aesculus glabra* несколько меньше привычного нам каштана, его зеленовато-желтые соцветия не так эффектные, но листья осенью могут приобретать очень красивую красно-оранжевую окраску. В условиях Петербурга данный вид полностью зимостоек. В Удельном парке есть небольшая роща старовозрастных конских каштанов голых. Конский каштан мясо-красный по декоративным качествам даже превосходит обыкновенный. Никого не оставляют равнодушными его ярко-красные соцветия. Дерево весьма устойчиво к городским условиям, хорошо переносит засуху, сохраняет зеленую окраску листьев до самого листопада, который случается позднее, чем у других видов конских каштанов. Однако у всех известных автору экземпляров *Aesculus × carnea* в Петербурге имеются глубокие морозобойные трещины на стволе без видимого подмерзания концов побегов. Возможно, этот недостаток конских каштанов мясо-красных можно было бы устранить, заблаговременно укрывая стволы молодых деревьев перед наступлением холодов. По совокупности показателей *Aesculus glabra* является более надежным вариантом для посадок в Петербурге.

Заболевания ясеней в Петербурге

Из двух видов ясеней, распространенных в Петербурге, в старинных парках обычно встречается только ясень обыкновенный (высокий) (*Fraxinus excelsior*) — вид местной флоры, тогда как интродуцированный из Северной Америки ясень пенсильванский (*Fraxinus pennsylvanica*) преобладает в обычных зеленых зонах города 2 а. В настоящее время судьба этих деревьев вызывает большую тревогу, так как они находятся между двух огней: с юго-востока, из Центральной России, к нам совсем недавно пришла ясеневая изумрудная узкотелая златка, которая убивает ясень пенсильванский, но является менее патогенной в отношении ясеня обыкновенного, тогда как с запада окрестностей Петербурга достиг патогенный гриб гименосцифус (*Hymenoscyphus fraxineus*), вызывающий суховершинность ясеней. Это заболевание является причиной массовой гибели ясеней обыкновенных по всему Европейскому Союзу, тогда как ясень пенсильванский поражается в меньшей степени²⁵.

Личинки златки выедают у ясеней камбий — тонкий слой клеток, деления которых обеспечивают формирование проводящей системы расте-

24 Голосова М. А., Гниненко Ю. И., Голосова Е. И. Каштановый минер... С. 26.

25 Davydenko K. et al. Invasion of Emerald Ash Borer *Agrilus planipennis* and Ash Dieback Pathogen *Hymenoscyphus fraxineus* in Ukraine — A Concerted Action // Forests. 2022. Vol. 13. P. 789.

ния. В результате зараженное дерево погибает в течение 2–6 лет²⁶. Характерными симптомами поражения ясеня златкой являются D-образные летные отверстия в коре шириной около 4 мм и высотой около 3,5 мм, которые молодой жук прогрызает перед расселением на новые деревья, и наличие обильной поросли у основания стволов высохших взрослых ясеней ④ а ⑥. Эффективного лекарства против златки нет. Зараженные деревья нужно срочно вырубать, сжигая порубочные остатки, чтобы воспрепятствовать дальнейшему расселению вредителя.

Появление симптомов суховершинности, вызванной гименосцифусом, начинается у ясеней во второй половине лета с почернения и высыхания листьев. Затем последовательно засыхают все более крупные ветви, пока не погибнет вся крона. В местах отхождения мелких ветвей от более крупных образуются некротические поражения ромбовидной формы. Гифы гриба распространяются по всему дереву, пронизывая разные ткани. Молодые ясени могут погибнуть от суховершинности за один сезон, тогда как зрелые деревья обычно живут несколько лет с момента заражения до гибели²⁷. Эффективного средства борьбы с этим заболеванием нет. Однако было установлено, что примерно 1–5% ясеней обыкновенных имеют природную устойчивость к поражению *Hymenoscyphus fraxineus*²⁸, в связи с чем в Европе проводятся селекционные работы по выведению устойчивых к суховершинности культиваров ясеня. Заражение здоровых деревьев гименосцифусом происходит за счет переноса спор гриба ветром. При естественном способе распространения споры обычно не разлетаются дальше, чем на 50 м от зараженного дерева²⁹. Важным источником спор являются плодовые тела гименосцифуса, которые образуются на черешках прошлогодних опавших листьев. Поэтому в городских условиях удаление листового опада может замедлить распространение инфекции³⁰.

Можно сказать, что ГМЗ «Петергоф» находится практически «на линии фронта», так как первый очаг распространения златки был обнаружен в его окрестностях у поселка Мартышкино, а большинство известных до настоящего времени очагов сосредоточено в Петродворцовом районе Петербурга ⑤. За пределами схемы остались два небольших очага: на Гостилицком шоссе и в привокзальном сквере города Ломоносова, а также крупный удаленный очаг в Невском районе Петербурга³¹. В исходном очаге в Мартышкино среди поражен-

26 Орлова-Беньковская М. Я. Европейский ареал жука *Agrilus planipennis*... С. 49–58.

27 Carroll D., Boa E. Ash dieback: From Asia to Europe // Plant Pathology. 2024. Vol. 73. P. 741–759.

28 Davydenko K. et al. Invasion of Emerald Ash Borer... P. 789.

29 Carroll D., Boa E. Ash dieback... P. 741–759.

30 Шабунин Д. А. и др. Усыхание ясеня на территории памятника природы «Дудергофские высоты», вызванное грибом *Hymenoscyphus pseudoalbidus*, и морфологические особенности его аскоспор // Труды Санкт-Петербургского научно-исследовательского института лесного хозяйства. 2012. № 1–2. С. 70–79.

31 Селиховкин А. В. и др. Популяционные характеристики и новые находки ясеновой изумрудной узкотелой златки *Agrilus planipennis* Fairm. (Coleoptera, Buprestidae) в Санкт-Петербурге в 2022 г. // Энтомологическое обозрение. 2022. Т. 102. № 1. С. 35–43.

ных в разной степени деревьев ясеня пенсильванского встречались отдельные экземпляры ясеня обыкновенного без видимых повреждений («1» на схеме). Такая же ситуация наблюдалась в самом новом очаге, обнаруженном автором в октябре 2024 г. у мемориала «Приморский плацдарм» в непосредственной близости от ГМЗ «Петергоф» («5» на схеме). Таким образом, подтверждаются данные о большей устойчивости ясеня обыкновенного к поражению златкой по сравнению с ясенем пенсильванским. Однако в историческом парке Сергиевка («4» на схеме) нет пенсильванских ясеней, но в последние годы происходит заметное усыхание кроны у ясеней обыкновенных и гибель отдельных деревьев без характерных признаков поражения златкой (нет летных отверстий). Симптомы весьма похожи на суховершинность, которая была впервые обнаружена в нашем регионе на Дудергофских высотах³², а несколько позднее — в исторических парках Пушкина и Гатчины, где усыхали целые куртины ясеня обыкновенного³³. Если причиной гибели ясеней в Сергиевке действительно является гименосцифус, тогда возможен очень неприятный сценарий: златки, прилетающие из близлежащих очагов попробовать местные деревья «на вкус», могут начать разносить споры возбудителя суховершинности на большие расстояния. В результате начнется стремительное расширение зоны поражения ясеней обыкновенных гименосцифусом, которое непременно затронет старовозрастные деревья на территории ГМЗ «Петергоф». То есть ситуация будет развиваться по аналогии с распространением голландской болезни вязов, когда жуки разносят споры гриба — возбудителя инфекции.

Какие деревья имеет смысл сажать в Петербурге вместо широко распространенных у нас двух видов ясеня, которые могут погибнуть от поражения златкой или суховершинности? По современным данным, оба вредителя происходят из Восточной Азии и российского Дальнего Востока, где живут на местных ясенях маньчжурском (*Fraxinus mandshurica*) и ясенях носолистном (*Fraxinus rhynchophylla*; его иногда рассматривают как подвид ясеня китайского (*Fraxinus chinensis*)), нанося вред только старым и ослабленным деревьям³⁴. Соответственно, данные виды ясеня являются кормовой базой для златки и гименосцифуса, но отличаются высоким уровнем устойчивости к указанным вредителям. Они хорошо растут в условиях Петербурга и с определенными ограничениями могут использоваться для замены выпадающих видов ясеня. Ясень маньчжурский по размерам, форме листа и потребностям для оптимального роста весьма похож на местный ясень обыкновенный.

32 Шабунин Д. А. и др. Усыхание ясеня... С. 70–79.

33 Shabunin D. A. et al. Decline of *Fraxinus excelsior* L. in parks of Saint Petersburg: Who is to blame — *Hymenoscyphus fraxineus* or *Diplodia* spp.? // Forestry Studies. 2020. Vol. 73. P. 43–51.

34 Musolin D. L. et al. Invasive Insect Pests... P. 521; Nielsen L. R. et al. The susceptibility of Asian, European and North American *Fraxinus* species to the ash dieback pathogen *Hymenoscyphus fraxineus* reflects their phylogenetic history // European Journal of Forest Research. 2017. Vol. 136. P. 59–73.

новенный, превосходя последний по морозостойкости, но несколько уступая ему по чувствительности к возвратным весенним заморозкам. Ясень носолистный – сравнительно небольшое нетребовательное дерево. Хорошо растет на крутых склонах, укрепляя почвенный покров. Отличается высокодекоративной густой кроной и очень привлекательной осенней окраской листьев, которые могут становиться темно-бордовыми. Альтернативными видами для замены гибнущих от болезней ясеней могут быть лапины (птерокарии) – ясенелистная (*Pterocarya fraxinifolia*) и сумахолистная (*Pterocarya rhoifolia*), а также бархат амурский (*Phellodendron amurense*). Эти высокодекоративные, достаточно влаголюбивые деревья очень похожи по форме листа на ясени ②, но не являются их родственниками. Птерокария сумахолистная превосходит по зимостойкости ясенелистную, но дает очень обильный самосев и по этой причине больше подходит для применения вместо ясеня пенсильванского в обычных городских ЗНОП, а не в исторических парках. Оба вида похожи на ясени стройностью кроны, но она у них более низкоопущенная. Бархат в условиях плотного древостоя вырастает высоким и стройным, а на открытых участках становится более раскидистым, чем ясени. Это высокодекоративное дерево заслуживает широкого применения в исторических парках вместо гибнущих ясеней. Очень эффектные старовозрастные экземпляры бархата амурского можно увидеть в Петербурге в ЦПКиО около Елагина дворца.

Для сохранения ясеней в озеленении Петербурга необходимо предпринять следующие меры.

1. Введение полного моратория на посадку в регионе молодых деревьев ясеня пенсильванского и ясеня обыкновенного.

2. Общегородская инвентаризация для выявления ясеней с признаками поражения златкой или гименосцифусом. При этом особое внимание нужно уделять территориям, расположенным рядом с известными очагами распространения данных инфекций.

3. Срочное удаление всех ясеней, пораженных златкой, учитывая способность вредителя к разлету на значительное расстояние от очага заражения. Постепенное удаление ясеней, гибнущих от суховершинности. При этом в очагах распространения гименосцифуса ни в коем случае нельзя удалять деревья ясеня обыкновенного без признаков развития суховершинности: они могут представлять собой редкие экземпляры с природной устойчивостью к данному заболеванию.

4. Уборка листового опада под деревьями ясеня в очагах или около очагов распространения суховершинности.

5. Посадка в очагах или вокруг очагов распространения златки и суховершинности отличных от ясеней пород деревьев, включая виды, внешне похожие на ясени, но не родственные им (лапины, бархат).

6. Посадка устойчивых к поражению златкой и гименосцифусом ясеней маньчжурского и носолистного в районах Петербурга, удаленных от известных очагов распространения указанных инфекций. На территориях

бывших очагов данные породы можно будет начинать сажать только через несколько лет после естественного отпада или удаления всех зараженных ясеней обыкновенных и пенсильванских.

Перечисленные выше меры позволят не только сохранить привычные нам виды ясеней, но и обогатят культурную флору Петербурга, делая ее более устойчивой к новым фитопатологиям.

Заключение

Размышления о том, что сажать в Петербурге в условиях вымирания привычных нам древесных пород от новых заболеваний, не являются призывом к заполнению старинных парков города экзотической растительностью. Это лишь план действий на случай развития ситуации по самому неблагоприятному сценарию. Мы должны быть к этому готовы. Для решения существующих серьезных проблем с зелеными насаждениями нужно использовать имеющийся научный потенциал города. Практически все упомянутые в статье перспективные древесные породы можно выращивать из семян петербургского происхождения, что является гарантией их чистоты от инфекций, распространенных в пределах природного ареала данных видов, и хорошей приспособленности к местным климатическим условиям. Разработаны и совершенствуются способы семенного размножения указанных деревьев. Большой проблемой является отсутствие их масштабного производства в местных питомниках, которую не решить без активного взаимодействия городских властей и бизнеса. Однако многое можно сделать своими силами. Организации, управляющие историческими парками города, имеют штат садовников и небольшие участки земли, на которых выращивают растения, обычно рассаду цветов, для посадки на своей территории. Эти ресурсы они могут использовать для выращивания перспективных древесных растений для своих нужд в небольших объемах. Автор с коллегами готов помочь в этом, делясь опытом выращивания новых для нашего региона деревьев и предоставляя их просшие семена или сеянцы. Только совместными усилиями мы сможем сохранить наши жемчужины садово-паркового искусства для будущих поколений!

REFERENCES

- Byalt V. V., Firsov G. A., Byalt A. V., Orlova L. V. *Obzor kul'turnoi flory Sankt-Peterburga (Rossiya)* [Overview of the cultural flora of St. Petersburg (Russia)]. Moscow, ROSA Press, 2019. 180 p. (In Russian)
- Carroll D., Boa E. Ash dieback: From Asia to Europe. *Plant Pathology*, 2024, vol. 73, pp. 741–759.
- Davydenko K., Skrylnyk Y., Borysenko O., Menkis A., Vysotska N., Meshkova V., Olson Å., Elfstrand M., Vasaitis R. Invasion of Emerald Ash Borer *Agrilus planipennis* and Ash Dieback Pathogen *Hymenoscyphus fraxineus* in Ukraine – A Coordinated Action. *Forests*, 2022, vol. 13, 789 p.
- Golosova M. A., Gninenko U. I., Golosova E. I. *Kashtanovyi miner Cameraria ohridella – opasnyi karantinnyi vreditel' na ob'ektakh gorodskogo ozeleneniya* [Chestnut miner *Cameraria ohridella* – a hazardous quarantine pest in urban green plantations]. Moscow, 2008. 26 p. (In Russian)
- Firsov G. A., Tkachenko K. G., Volchanskaya A. V., Fadeeva I. V. The influence of short-term climate fluctuations on the reproductive capacity of woody plants in St. Petersburg. *Siberian Journal of Forest Science*, 2024, no 2, pp. 84–102. (In Russian)

- Firsov G. A., Yarmishko V. T. Annotated Catalogue of Arboretum of Peter the Great Botanic Garden BIN RAS. Moscow, ROSA Press, 2021. 452 p. (In Russian)
- Lavrentyev N. V., Firsov G. A. White oak (*Quercus alba* L., *Fagaceae*) in Saint-Petersburg. Proceedings of the St. Petersburg Forestry Academy, 2015, vol. 212, pp. 29–41. (In Russian)
- Lavrentyev N. V., Firsov G. A., Potokin A. F. The history of introduction and modern state of *Fagus sylvatica* L. (*Fagaceae*) at botanic garden of Saint-Petersburg State Forest-Technical University. Bulletin of the Orel State Agrarian University, 2013, no 1, pp. 58–65. (In Russian)
- Mougou A., Dutech C., Desprez-Loustau M.-L. New insights into the identity and origin of the causal agent of oak powdery mildew in Europe. Forest Pathology, 2008, vol. 38, pp. 275–287.
- Musolin D. L., Kirichenko N. I., Karpun N. N., Aksenenko E. V., Golub V. B., Kerchev I. A., Mandelshtam M. Y., Vasaitis R., Volkovitsh M. G., Zhuravleva E. N., Selikhovkin A. V. Invasive Insect Pests of Forests and Urban Trees in Russia: Origin, Pathways, Damage, and Management. Forests, 2022, vol. 13, p. 521.
- Nielsen L. R., McKinney L. V., Hietala A. M., Kjær E. D. The susceptibility of Asian, European and North American *Fraxinus* species to the ash dieback pathogen *Hymenoscyphus fraxineus* reflects their phylogenetic history. European Journal of Forest Research, 2017, vol. 136, pp. 59–73.
- Orlova-Bienkowskaja M. Ja. European range of the emerald ash borer *Agrilus planipennis* (Coleoptera: Buprestidae) is expanding: the pest destroys ashes in the north-west of Moscow region and in part of Tver region. Russian Journal of Biological Invasions, 2013, vol. 6, no 4, pp. 49–58. (In Russian)
- Orlova-Bienkowskaja M. Ja., Bienkowski A. O. Minimum Winter Temperature as a Limiting Factor of the Potential Spread of *Agrilus planipennis*, an Alien Pest of Ash Trees, in Europe. Insects, 2020, vol. 11, no 4, p. 258.
- Selikhovkin A. V. Pests and pathogens of woody plants in St. Petersburg plantings: dynamics and forecast. Proceedings of the St. Petersburg Forestry Academy, 2023, vol. 243, pp. 162–176. (In Russian)
- Selikhovkin A. V., Volkovitsh M. G., Kazi I. M., Popovichev B. G., Osechkina T. A. Population characters and new records of emerald ash borer *Agrilus planipennis* Fairm. (Coleoptera, Buprestidae) in Saint Petersburg in 2022. Entomological review, 2022, vol. 102, no 1, pp. 35–43. (In Russian)
- Shabunin D. A., Semakova T. A., Davydenko E. V., Vasaitis R. A. Ash decline in nature monument “Dudergofskie heights”, caused by the fungus *Hymenoscyphus pseudoalbidus*, and morphological features of its ascospores. Proceedings of the St. Petersburg Forestry Research Institute. 2012, no 1–2, pp. 70–79. (In Russian)
- Stcherbakova L. N. *Nekotorye itogi monitoringa nasazhdenii Sankt-Peterburga* [Some results of the monitoring of plantings in St. Petersburg]. Forestry Bulletin, 2000, no 6, pp. 88–92. (In Russian)
- Stcherbakova L. N. European Elm bark beetles in parks of St. Petersburg]. Proceedings of the St. Petersburg Forestry Academy, 2008, vol. 182, pp. 306–313. (In Russian)
- Stcherbakova L. N., Shevchenko S. V., Moshchenikova N. B. The problem of the Dutch elm disease in Saint Petersburg. Proceedings of the St. Petersburg Forestry Academy, 2019, vol. 228, pp. 352–366. (In Russian)
- Suslov D. V. Practice of woody plant introduction in green spaces of Saint Petersburg in the interaction with the city municipalities and thematic group members in social networks. Biological diversity. Plant introduction. Collection of scientific articles. St. Petersburg, First IPH Press, 2021, pp. 159–163. (In Russian)
- Walker S. M. Champion: the comeback tale of the American chestnut tree. New York, Henry Holt and Company, 2018. 144 p.

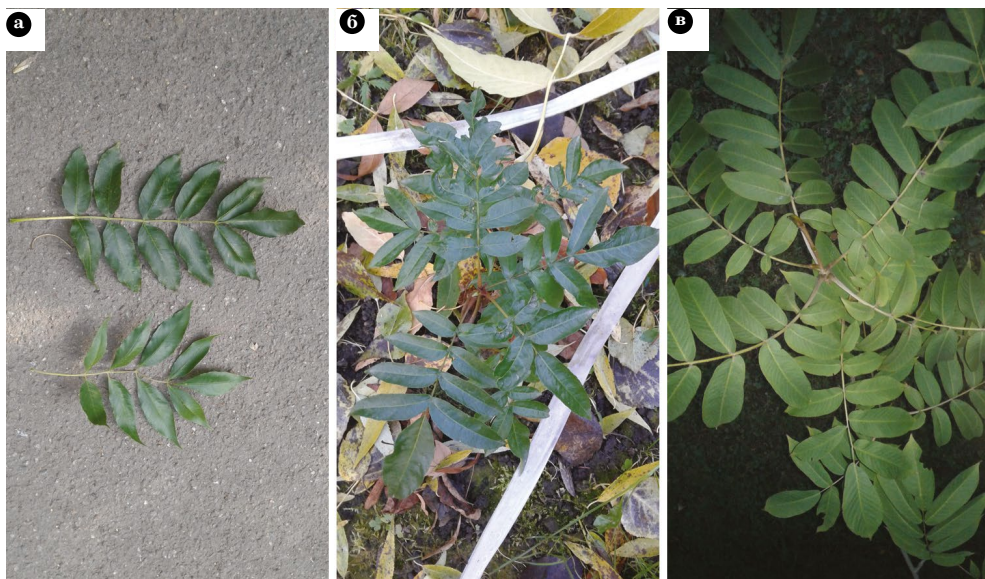

1 а Лист черешчатого дуба, пораженный мучнистой росой

6 Здоровый лист красного дуба

Санкт-Петербург, Кировский район, сквер
12 октября 2024

Личный архив Д. В. Сулова

- 2 **а** Форма листьев ясеня обыкновенного и ясеня пенсильванского
б Форма листьев лапыны ясенелистной
в Форма листьев бархата амурского

Личный архив Д. В. Сулова

- 3 **а** Форма листьев у вяза японского
 Санкт-Петербург, Ботанический сад Петра Великого
б Форма листьев вяза низкого
 Санкт-Петербург, Ботанический сад Петра Великого
в Форма листьев граба европейского
 Санкт-Петербург, Ботанический сад СПбГУ

Октябрь 2024

Личный архив Д. В. Сулова

а**б**

4 Симптомы поражения ясеней ясеновой изумрудной узкотелой златкой

а Летное отверстие златки в коре ясеня

б Высохшее взрослое дерево с обильной порослью у основания ствола

Петергоф, сквер у мемориала «Приморский плацдарм»

11 октября 2024

Личный архив Д. В. Суслова

**5 Суслов Д. В.
Схема расположения очагов поражения ясеней опасными болезнями
в окрестностях ГМЗ «Петергоф»**

Суслов Д. В. — Что сажать в исторических парках Петербурга в условиях потепления климата взамен гибнущих местных деревьев?

НАПРАТИВ / Verbum

Сидорова
Марина Викторовна

190

**Два трактата о коневодстве
из библиотеки императора
Александра II**

ДВА ТРАКТАТА О КОНЕВОДСТВЕ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

**Сидорова Марина
Викторовна**

Кандидат исторических
наук, начальник
выставочного отдела,
Государственный архив
Российской Федерации

119435, Россия, Москва,
ул. Большая Пироговская,
д. 17

sidmari@yandex.ru

Цитирование:

Сидорова М. В.

Два трактата о коневодстве
из библиотеки императора
Александра II // *Loci
Imperiales*. 2025. № 4.
С. 190–199.

Поступила в редакцию:

10 января 2025 г.

Рекомендована к печати:

30 июня 2025 г.

В статье рассматриваются две рукописные книги, хранящиеся в фонде рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Обе они посвящены лошадям и являются своеобразной антологией изучения европейских и арабских пород. Рукописи происходят из собрания императора Александра II. Автор первого сборника Отто фон Кюне собрал для Александра II подборку интересных и важных сведений о европейских лошадях и новых методиках ведения коневодства, разработанных в передовых хозяйствах Швеции, Нидерландов, Пруссии, Австрии, Франции. Самое ценное в данной рукописи – оригинальные рисунки лошадей, выполненные художником Францем Тейхелем, который известен зарисовками сцен придворного быта, придворной охоты, композициями с охотничьими трофеями, выполненными для заставок меню и для росписи по фарфору. В рассматриваемой рукописи художник впервые и вполне успешно выступает в новом для себя жанре – как художник-анималист. Вторая рукопись – трактат об арабской лошади – написан Мухаммедом аль Джазаيري, сыном алжирского лидера эмира Абделькадера. Эмир был известен не только как политический деятель, но и как ученый, поэт, он много и плодотворно изучал арабскую лошадь как древнюю породу лошадей. Его статьи на эту тему печатались в специальных русских периодических изданиях. Сын эмира, автор рукописи, собрал, очевидно, в своем труде ценные и яркие тексты об арабской лошади, фольклорные произведения, литературные сочинения, религиозные трактаты, посвященные этой породе, в том числе и высказывания своего отца. Рукопись на персидском языке оформлена по всем канонам арабских рукописей. Уникальность экземпляра из собрания ГА РФ состоит в том, что она была поднесена российскому императору Александру II еще на стадии своего завершения и за несколько лет до публикации. В настоящее время в мире известно лишь несколько печатных экземпляров данного трактата.

Ключевые слова: рукописи, лошади, библиотека, император, рисунки

TWO TRACTATES ON HORSE BREEDING FROM THE LIBRARY OF EMPEROR ALEXANDER II

**Sidorova Marina
Viktorovna**

PhD in History, Head of
Exhibition Department,
The State Archive
of the Russian Federation

17, Bolshaya Pirogovskaya st.,
Moscow, 119435, Russia

sidmari@yandex.ru

Citation:

Sidorova M. V. Two tractates
on horse breeding from
the library of emperor
Alexander II. *Loci
Imperiales*, 2025, no 4,
pp. 190–199. (In Russian)

Received: January 10, 2025

Accepted: June 30, 2025

The article examines two handwritten books kept in the collection of the manuscript department of the library of the Winter Palace in the State Archive of the Russian Federation. Both manuscripts are devoted to horses and are a kind of anthology of the authors' study of European and Arab breeds. The manuscripts come from the collection of Emperor Alexander II. The author of the first collection, Otto von Kuhne, collected for Alexander II a selection of interesting and important information about European horses and new methods of horse breeding developed in advanced farms in Sweden, the Netherlands, Prussia, Austria, and France. The most valuable thing in this manuscript is the original drawings of horses made by the artist Franz Teichel. The artist is known for his drawings of scenes of court life, court hunting, compositions with hunting trophies, made for menu screensavers and for painting on porcelain. In the manuscript under consideration, the artist performs for the first time and quite successfully in a new genre for himself – as an animal painter. The second manuscript, a treatise on the Arabian horse, was written by Mohammed al Jazairi, who was the son of the famous Algerian leader Emir Abdelkader. The Emir was known not only as a politician, but also as a scientist, poet, he studied the Arabian horse as an ancient breed of horses a lot and fruitfully. His articles on this topic were published in special Russian periodicals. The son of the emir, the author of the manuscript, obviously collected in his work valuable and vivid texts about the Arabian horse, folklore works, literary works, religious treatises dedicated to this breed, including the statements of his father. The manuscript is in Persian, designed according to all the canons of Arabic manuscripts. The uniqueness of the copy from the collection of the State archive of the Russian Federation is that it was presented to the Russian Emperor Alexander II at the stage of its completion and several years before publication. Currently, only a few printed copies of this treatise are known in the world.

Keywords: manuscripts, horses, library, emperor, drawings

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в коллекции рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца (ф. 728) хранятся две интересные рукописи, содержащие исторические размышления и практические соображения о лошадях. Пометы на титульных листах говорят о том, что обе рукописи происходят из собрания императора Александра II.

Первая рукопись называется «Иппологические компиляции одного русского кавалериста. Продолжение. 1861»¹. Ее автор – берейтор Главной императорской конюшни Отто фон Кюне – был известен своей книгой «Кавалерист и его лошадь», изданной в 1859 г. в Петербурге в типографии М. Эттингера в переводе с немецкого языка². Книга содержала руководство офицерам-кавалеристам в искусстве верховой езды и была посвящена наследнику цесаревичу Николаю Александровичу³. Видимо, книга имела успех, и Кюне решил продолжить свой труд и еще в рукописном виде поднести его августейшему наследнику. Интересно, что рукопись была представлена в двух вариантах, имеющих разное оформление. Один вариант являет собой сброшюрованную книгу в ярко-красном кожаном переплете формата 30×22×1,5 см, украшенном золотым тиснением по периметру верхней и нижней крышек. Текст написан чернилами немецкой скорописью и состоит из 122 страниц⁴. Другой вариант, чуть большего формата 31,5×22×2 см, имеет темно-зеленый переплет с тисненными золотыми украшениями по периметру и по центру обложек. Текст написан той же немецкой скорописью, но почерк значительно крупнее, отчего текст книги занимает 174 страницы. Этот второй вариант имеет в самом конце собственноручную подпись автора – “Otto von Kuhne”⁵. Но самое главное отличие второго варианта – это восемь оригинальных акварельных рисунков, выполненных известным немецким художником Францем Тейхелем (1816–?), на которых изображены лошади различных пород, рассматриваемые в сочинении.

Текст представляет собой изложение некоторых наблюдений по проблеме коневодства, которые Кюне вынес из путешествий и знакомства с различными методиками, принятыми в коневодческих хозяйствах ряда европейских государств: Швеции, Нидерландов, Пруссии, Австрии, Дармштадта и Франции. Рассказывая о постановке конного дела в указанных государствах, автор обращает внимание на характерные особенности коневодства, присущие каждой стране. В Дании он описывает конный завод Фредериксборга и племенных жеребцов в Коллинге, в Вене – знаменитых липицианеров Габсбургов, во Франции обращает внимание на лошадей местных пород. Отдельные главы

1 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 2660. Т. I, II.

2 Кюне. Кавалерист и его лошадь: Труд 25-летнего изучения и опытов майора Кюне, прикомандированного к Главной конюшне Его Императорского Величества. СПб., 1859.

3 Николай Александрович (1843–1865) – цесаревич, старший сын императора Александра II.

4 Кюне О. фон. Иппологические компиляции одного русского кавалериста. Продолжение. 1861 // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2660. Т. I.

5 Там же. Д. 2660. Т. II.

рукописи посвящены характеристикам дворцовых конюшен всех перечисленных государств. Называя свой труд «иппологическими компиляциями», автор не только опирается на собственные наблюдения, но и использует труды по коневодству, которые в большом количестве печатались в то время в известном «Журнале коннозаводства»⁶, а также, вероятно, работу генерал-майора А. А. Бетанкура «О состоянии конных заведений Франции, Вюртемберга и Ганновера»⁷. Очевидно, первоначально Кюне предполагал поднести свой труд цесаревичу Николаю Александровичу, как было с книгой 1859 г. Но всеобщее воодушевление, которое царило в обществе после реформы 1861 г., сподвигло Кюне на поднесение рукописи и самому государю — недаром Кюне заканчивает свой текст пафосной витиеватой фразой, явно обращенной к императору Александру II: «Доброе старое время, когда мы позволяли себе быть равнодушными к тяжелой поступи проходящего года, давно минуло. Новое солнце взошло над Россией, согревающее все вокруг и дарующее цветение, я хотел бы быть усердным сеятелем — собирать эти семена и кидать их в благодатную почву на пользу нашему северному Отечеству!»⁸ Поэтому для императора Кюне и составил второй экземпляр — более «богатый» по оформлению: в зеленом «императорском» переплете, написанный более крупным, разборчивым почерком, и главное, с иллюстрациями — акварельными рисунками, изображающими различные породы лошадей.

Об авторе рисунков Франце Тейхеле известно немного. Художественные справочники и словари указывают, что он был учеником немецкого живописца, иллюстратора, профессора Прусской королевской академии искусств Теодора Хоземана, активно работал в Берлине, Париже, Петербурге. Несмотря на неизученность биографии, работы Тейхеля достаточно известны, многие из них часто литографировались. Его знают как автора ряда рисунков к коронационному альбому Александра II и изображений сцен из жизни императорской семьи: «Император Николай I на смертном одре в Готическом зале Зимнего дворца», «Приезд в Россию датской принцессы Дагмар», «Александр II с императрицей Марией Александровной в экипаже», «Николай I и цесаревич Александр Николаевич. Известия из Крыма», «Великая княжна Мария Александровна в коляске на прогулке в Царском Селе» и др. Славу художнику принесли и зарисовки придворной охоты с участием императора

- 6 Один из старейших российских журналов, орган Комитета государственного коннозаводства. Выходит с 1842 г. до настоящего времени. Первоначальное название — «Журнал коннозаводства и охоты», с 1865 г. — «Журнал коннозаводства», с 1960 г. — «Коневодство и конный спорт». Содержал материалы по истории зарождения и развития коннозаводства, знакомил с зарубежными и отечественными породами лошадей, рассказывал о селекционной работе по созданию новых пород, анонсировал литературные новинки по теме, сообщал о важнейших событиях конной жизни: скачках, бегах и под.
- 7 *Бетанкур А. А.* О состоянии конных заведений Франции, Вюртемберга и Ганновера // Журнал коннозаводства и охоты. 1851. Т. XXVIII. № 3. С. 215–242.
- 8 *Кюне О. фон.* Иппологические компиляции одного русского кавалериста. Продолжение. 1861. Т. II. Л. 98–98 об.

Александра II, а также композиции с охотничьими трофеями, используемые для заставок меню и для росписи по фарфору.

В рассматриваемой рукописи «Иппологические компиляции одного русского кавалериста» Франц Тейхель выступает в новом для него жанре – как анималист. Рисунки выполнены акварелью на листах довольно плотной серой бумаги формата 14×16,5 см и наклеены на листы рукописи. Все они имеют собственноручную подпись художника: “F. Teichel” или “F. T.”. На рисунках представлены породы лошадей нескольких регионов Франции: булонская, арденская, першеронская, вандейская, наварринская (Тарбе), нормандская. Как раз в середине XIX в. проводилось активное селекционирование этих местных пород путем скрещивания с чистокровными с целью улучшения и создания новых упряжных и верховых пород. Следуя тому принципу, что рисунки являются иллюстрациями к определенному тексту, Тейхель изображает лошадей в так называемом коннозаводческом жанре, когда рисунок четко и верно передает все анатомические особенности лошади, без каких-либо посторонних отвлечений. Как правило, изображение помещалось на отдельном листе или холсте без каких-либо посторонних предметов; лошадь показана в определенной позе, в которой обычно стоит на выводке, что дает возможность судить о ее ногах, анатомически верных подробностях мускулатуры. В таких рисунках правильно подобран цвет в передаче масти, четко, с хорошей детализацией переданы особенности породы, особенно если она предназначена к селекционированию и созданию новой⁹. Все эти моменты мы наблюдаем в рисунках Франца Тейхеля.

Таким образом, рукопись Кюне, хранящаяся в ГА РФ, не только является интересным, современным своей эпохе исследованием в области коневодства, но и содержит неизвестные рисунки известного художника в новом жанре.

Вторая рукопись, происходящая из коллекции императора Александра II, посвящена истории арабской лошади¹⁰. Как указано в колофоне рукописи, текст был составлен в 1873 г., а переписан в Дамаске в 1873–1874 гг. Автор текста – Муххамад аль-Джазаири, и, как и все арабские манускрипты, она имеет витиеватое восточное название типа «Ожерелье превосходных лошадей», или «Ожерелье породистых лошадей». С этим названием и указанием автора рукопись была опубликована в Бейруте (?) в 1876 г. В настоящее время она является чрезвычайно редким экземпляром: в международных библиотечных каталогах выявлено всего два подобных печатных издания – в библиотеке Института востоковедения в Бейруте и в библиотеке университета в Констанце¹¹.

9 Подробное см.: Шапошникова Н. В. Н. Е. Сверчков. Портрет на фоне лошади: исторический очерк. М., 2017. С. 10–11.

10 *Магомет, сын эмира Абдель Кадера*. О породах арабских лошадей (на арабском языке, в кожаном переплете и футляре с золотым тиснением) // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2357.

11 *Al-Jazairi, Muhammad Ibn-'Abd-al-Qadir*. Kitab 'Iqd al-agyad fi 's-safinat al-giyad. [Beirut, 17 Aug. 1876]. URL: <https://inlibris.com/item/bn52230> (дата обращения 27.06.2025).

Соответственно, рукопись из собрания ГА РФ является уникальным экземпляром, который был поднесен российскому императору еще на стадии составления, за несколько лет до публикации.

Рукопись выполнена по всем правилам и канонам составления и оформления старых арабских манускриптов¹². Она стандартного и очень удобного формата 24×16×2 см, открывается и листается слева направо, т. е. в направлении, обратном европейскому. Текст написан тушью и красками, на бумаге кремового оттенка с золотым обрезом листов, каллиграфическим почерком насталик, и «уложен» в прямоугольную рамку, вычерченную широкой золотой полосой и двойной синей и красной линиями. Перед началом текста помещена орнаментальная заставка — сарлавх, доходящая до края верхнего поля. Она выполнена тушью, акварелью, золотой краской и представляет собой витиеватый растительный орнамент. Крышки переплета обтянуты снаружи светло-коричневой кожей с одинаковым тиснением верхней и нижней крышек: в середине турундж — медальон в виде заостренного овала, напоминающего лимон, сверху и снизу которого разместились маленькие фестончатые заостренные овалы сартурунджи, а по углам — угольники лачаки. Клапан обложки, который является отличительной особенностью мусульманского переплета, по своей орнаментовке выглядит как половина крышки. Рукопись вложена в картонный футляр сандук, полностью обтянутый темно-вишневой кожей с тисненым орнаментом в виде золотой рамы и медальонами по центру обеих крышек. На клапане футляра написано название рукописи в обрамлении орнамента из небольших веточек.

В рукописи рассказывается об истории появления арабской лошади, о типах древних лошадей, об их одомашнивании, использовании, разведении, а также приводятся фольклорные произведения, литературные сочинения, религиозные трактаты и извлечения из них, посвященные арабской лошади. Автор этого своеобразного сборника-антологии — Мухаммад аль-Джазаيري, или Мухаммад-паша (1840–1912), — был сыном известного алжирского религиозного и военного лидера, писателя и ученого-богослова эмира Абделькадера¹³, который также занимался изучением арабских лошадей и написал ряд статей для «Журнала коннозаводства»¹⁴.

12 *Халидов А. Б.* Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985. С. 167–180.

13 Эмир Абделькадер Эль Джазаيري (1808–1883) — арабский эмир, национальный герой Алжира, полководец, ученый, поэт. В 1860 г. предотвратил резню христиан в Дамаске, за что снискал уважение во все христианском мире. Президенты и монархи присылали ему благодарности, ценные подарки, награждали орденами, в том числе от российского императора Александра II Абделькадер получил орден Белого Орла. Подробнее см.: *Оганисьян Ю. С.* Абд-аль-Кадир. М., 1968.

14 *Абд-Эль-Кадер*: 1) Письмо к г. Гуэлю, инспектору конских заводов во Франции // Журнал коннозаводства и охоты. 1852. № 8. С. 272–273; 2) Соколиная охота в Африке // Там же. 1853. № 4. С. 104–115; 3) Арабская лошадь // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1853. Т. 101. № 404. С. 402–413; 4) Чистокровная арабская лошадь (из письма к генералу Дома) // Журнал коннозаводства. 1867. № 9. С. 16–21.

Рукопись требует научного перевода и тщательнейшего изучения. Можно предположить, что Мухаммад-паша собрал все ценные и яркие тексты и высказывания об арабской лошади, в том числе и работы своего отца, под одной обложкой, создав своеобразную антологию — очень распространенный вид арабской литературы. В конце текста есть отзывы на рукопись разных деятелей, в том числе и автограф самого эмира Абделькадера. Но может статься, что Мухаммад-паша собрал статьи отца в единый текст, а сам выступил в качестве каллиграфа и переписал труд отца об арабской лошади, чтобы в качестве ценного подарка поднести российскому императору Александру II. По какому поводу и в связи с чем рукопись была поднесена — еще предстоит выяснить.

REFERENCES

- Abd-al-Qadir. *Arabskaya loshad'* [The Arabian horse]. Journal for reading to pupils of military educational institutions, 1853, vol. 101, no 404, pp. 402–413.
- Abd-al-Qadir. *Pis'mo k g. Guehlyu, inspektoru konnskikh zavodov vo Francii* [Letter to G. Guell, inspector of horse factories in France]. Journal of Horse Breeding and Hunting, 1852, no 8. pp. 272–273. (In Russian)
- Abd-al-Qadir. *Sokolinaya okhota v Afrike* [Falconry in Africa]. Journal of Horse Breeding and Hunting, 1853, no 4, pp. 104–115. (In Russian)
- Abd-al-Qadir. *Chistokrovnaya arabskaya loshad' (iz pis'ma k generalu Doma)* [Thoroughbred Arabian horse (from a letter to the General at Doma)]. Journal of Horse Breeding, 1867, no 9, pp. 16–21. (In Russian)
- Al-Jazairi, Muhammad Ibn-' Abd-al-Qadir. *Kitab 'Iqd al-agyad fi 's-safinat al-ghiyad*. [Beirut?], [17 Aug. 1876]. URL: <https://inlibris.com/item/bn52230> (accessed: 27.06.2025). (In Russian)
- Betankur A. A. *O sostoyanii konnykh zavedenij Francii, Vyurtembergi i Gannovera* [About the state of equestrian establishments in France, Württemberg and Hanover]. Journal of Horse Breeding and Hunting, 1851, vol. XXVIII, no 3, pp. 215–242. (In Russian)
- Khalidov A. B. *Arabskie rukopisi i arabskaya rukopisnaya tradiciya* (Arabic manuscripts and the Arabic manuscript tradition). Moscow, Nauka, 1985. 304 p. (In Russian)
- Kyune. *Kavalerist i ego loshad': Trud 25-letnego izucheniya i opytov majora Kyune, prikomandirovannogo k Glavnoj konyushne Ego Imperatorskogo Velichestva* [The cavalryman and his horse: A 25-year study and experiments by Major Kuehne, seconded to the Main Stable of His Imperial Majesty]. St. Petersburg, M. Ettinger's type, 1859. 346 p. (In Russian)
- Oganis'yan Y. S. *Abd-al'-Kadir. 1808–1883* [Abd-al-Qadir. 1808–1883]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1968. 176 p. (In Russian)
- Shaposhnikova N. V. *Sverchkov N. E. Portret na fone loshadi: istoricheskij ocherk* [Portrait on the background of a horse: historical essay]. Moscow, Publishing House named after Sabashnikov, 2017. 157 p. (In Russian)
- The Horses of the Sahara, and the Manners of the Desert*. Comm. by the Emir Abd-El-Kader, er. by J. Hutton. London, W. H. Allen & Co, 1863. 355 p.

Иногда в литературе об Абделькадере можно встретить информацию, что эмир написал книгу о лошадях Сахары. Однако это не совсем так. Автором книги является французский генерал и писатель Жозеф Эжен Домас, а его друг эмир Абделькадер сделал к ней обширнейшие примечания, иногда в виде писем к генералу, которые часто, в качестве отдельных статей, перепечатывались в России как статьи Абделькадера об арабских лошадях. См.: *The Horses of the Sahara, and the Manners of the Desert*, With Comm. by the Emir Abd-El-Kader, tr. by J. Hutton. London, 1863.

- 1 Тейхель Ф.
Лошадь булонской породы
Иллюстрация из трактата О. Кюне
1861
Государственный архив Российской Федерации

- ② Тейхель Ф.
Лошадь наварринской породы (лошадь Тарбе)
Иллюстрация из трактата О. Кюне
1861
Государственный архив Российской Федерации

3 Муххамад аль-Джазаири
Ожерелье превосходных лошадей (рукопись)
1873
Государственный архив Российской Федерации

Редакторская группа номера:

А. А. Ашихмин, О. М. Гаркуша, Е. П. Петрова

Редактор, корректор:

к. фил. н. Т. А. Алексеева

Дизайн, верстка:

М. П. Копытова, К. О. Блинова

Фотографы:

В. С. Королев, М. К. Лагоцкий, Д. Г. Яковлев

Editorial team of the issue:

A. Ashikhmin, O. Garkusha, E. Petrova

Editor, proofreader:

Dr T. Alekseeva

Design, layout:

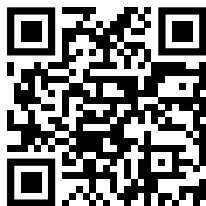
M. Kopytova, K. Blinova

Photographers:

V. Korolev, M. Lagotsky, D. Yakovlev

Все права защищены. Объекты авторского права не могут быть воспроизведены в какой-либо форме и каким-либо способом без официального разрешения от правообладателей.

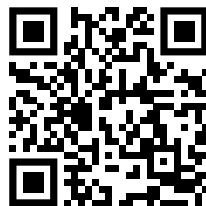
Предприняты все усилия для определения и указания всех известных владельцев авторских прав. Мы приносим извинения за любые возможные неточности и будем благодарны за информацию о них.

Издания
Государственного
музея-заповедника
«Петергоф»

All rights reserved. Copyrighted material may not be reproduced in any form or by any means without the express permission of the copyright holders.

Every effort has been made to identify and credit all known copyright holders. We apologize for any inaccuracies that may occur and would appreciate being informed of them.

Publications
of the Peterhof State
Museum Reserve

ISSN 3034-6673

© ГМЗ «Петергоф», 2025

© Авторы статей, тексты, 2025

© Авторы иллюстраций, иллюстрации, 2025

© Владельцы иллюстраций, иллюстрации, 2025

Подписано в печать 29.12.2025

Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО «ИПК «НП-Принт»

ПЕТЕРГОФ
— Государственный музей-заповедник —

L

I

